ЭПИЛОГЪ ПРУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Очеркъ исторіи Парижской Коммуны 1871 года.

Э. ВАТСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1876.

ЭПИЛОГЪ ПРУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 года.

Э. ВАТСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-литографія А. Е. Ландау, Демидовъ пер., д. № 5.
1876.

ВВЕДЕНІЕ.

Прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вся Европа, едва оправившаяся отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее трагическимъ для Франціи исходомъ гигантской германо-французской войны, сдѣлалась свидѣтельницей не менѣе трагической, но еще болѣе кровопролитной, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, междоусобной войны, разъигравшейся въ тяжко-испытанной внѣшней войною Франціи — а до сихъ поръ еще не появлялось въ русской литературѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія происхожденія, дѣйствій и паденія парижской Коммуны. Двухъ-мѣсячная исторія Коммуны извѣстна русской читающей публикѣ только по отрывочнымъ газетнымъ и журнальнымъ извѣстіямъ, появлявшимся во время самаго существованія Коммуны, и по отчетамъ о засѣданіяхъ версальскаго Національнаго Собранія, въ которыхъ рѣчь касалась этого оригинальнаго явленія, стяжавшаго подъ конецъ своего двухъ-мѣсячнаго существованія такую незавидную репутацію. Впрочемъ, нужно замѣтить, что не только у насъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ, даже въ самой Франціи, парижская Коммуна 1871-го года ждетъ еще своего историка. Правда, существуетъ уже цѣлая литература о Коммунѣ, но обстоятель-

ной, правдивой, безпристрастной исторіи ея нельзя указать среди множества книгъ и брошюръ, описывающихъ событія, совершившіяся въ Парижѣ съ 18-го марта по 28-е мая 1871 года. Исторія какого-нибудь событія, какого-нибудь соціальнаго явленія, тогда только можетъ назваться полною и обстоятельною, когда собрано достаточно матеріаловъ, когда лѣтописецъ нашелъ въ себѣ достаточно объективности, когда онъ стоитъ на достаточномъ разстояніи отъ описываемой имъ эпохи, чтобы представить съ полною ясностью происхожденіе описываемаго явленія, изложить спокойно и трезво, не увлекаясь минутными впечатлѣніями, всѣ перипетіи, всѣ фазы извѣстнаго движенія и окинуть безпристрастнымъ взглядомъ всѣ его результаты и послѣдствія.

Мы не имѣемъ притязанія представить читателямъ *исторію* парижской революціи 1871 года въ полномъ значеніи этого слова. Наша задача гораздо скромнѣе. Мы имѣемъ подъ рукою довольно обширный матеріалъ, какъ то: нѣсколько сочиненій, посвященныхъ спеціально Коммунѣ и ея дѣйствіямъ — сочиненій, замѣтимъ мимоходомъ, большею частью враждебныхъ Коммунѣ; рукописный разсказъ очевидца, нѣмца по происхожденію, проведшаго въ Парижѣ все время второй осады, и наблюдавшаго за событіями безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, въ качествѣ простаго туриста; преимущественно же богатый матеріалъ даетъ намъ обширный докладъ слѣдственной коммиссіи, которой версальское Національное Собраніе поручило изслѣдовать событія 18 марта и въ которомъ приведены дословно показанія всѣхъ дѣятелей этой эпохи, начиная съ Тьера и кончая скромными полицейскими агентами. Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы намѣрены объяснить, съ возможно полною объективностью, причины, вызвавшія революцію 18 марта, представить краткія характеристики главныхъ ея дѣятелей, изложить, на основаніи подлинныхъ докумен-

товъ, исходящихъ какъ отъ Коммуны, такъ и отъ версальскаго правительства, дѣйствія первой и послѣдняго, указать на многочисленные промахи и ошибки, сдѣланные обѣими сторонами, и объяснить, почему дѣйствія Коммуны должны были привести именно къ тому результату, къ которому они дѣйствительно привели. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, распространяясь нѣсколько подробнѣе о происхожденіи Коммуны и о первыхъ дняхъ ея господства въ Парижѣ, мы въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ будемъ останавливаться преимущественно на внутренней исторіи Коммуны, касаясь лишь вкратцѣ военныхъ дѣйствій, продолжавшихся подъ стѣнами Парижа цѣлыхъ 7 недѣль и окончившихся вступленіемъ версальскихъ войскъ въ Парижъ, истребленіемъ многихъ общественныхъ и частныхъ зданій и многочисленными казнями.

ГЛАВА I-я.

Элементы возстанія 18-го марта. — Якобинцы, бланкисты, интернаціоналы.—Непопулярность правительства народной обороны.—Капитуляція 28-го января и ея послѣдствія.—Зарожденіе Центральнаго комитета національной гвардіи.—Вступленіе пруссаковъ въ Парижъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію ближайшихъ причинъ, вызвавшихъ движеніе 18-го марта, необходимо указать на тотъ горючій матеріалъ, который скопился въ Парижѣ не только во время прусской осады, но въ эпоху еще болѣе отдаленную—въ послѣдніе годы и мѣсяцы существованія второй имперіи.

Въ Парижѣ уже давно существовали группы людей, которые съ точки зрѣнія политической и религіозной придерживались самыхъ крайнихъ воззрѣній, напр. група „бланкистовъ". Въ послѣднее время передъ войной рядомъ съ этими группами политическихъ и религіозныхъ радикаловъ явились радикалы другаго рода—приверженцы идей, проповѣдуемыхъ Международнымъ Обществомъ рабочихъ. Явилось немало клубныхъ ораторовъ, которые, обманывая бдительность наполеоновской полиціи, переходили изъ одного народнаго собранія въ другое и произносили рѣзкія рѣчи политическаго и соціальнаго содержанія. Нѣкоторые изъ этихъ клубныхъ ораторовъ и дѣятельныхъ членовъ интернаціонала (Асси, Варленъ, Малонъ и др.) были арестованы въ послѣдніе мѣсяцы существованія имперіи и преданы суду; иные изъ нихъ были оправданы за недостаткомъ уликъ (Асси), другіе осуждены и заключены въ тюрьму, гдѣ ихъ и застала революція 4-го сентября, возвратившая имъ

свободу. Правительство народной обороны при самомъ вступленіи своемъ въ должность застало всѣ эти группы радикаловъ болѣе или менѣе организованными, имѣвшими своихъ вождей, отчасти неизвѣстныхъ правительству и тому, что французы называютъ «le grand public», но пользовавшихся несомнѣннымъ авторитетомъ и популярностью среди многочисленнаго рабочаго населенія Парижа.

Началась осада Парижа пруссаками. Регулярныхъ войскъ въ столицѣ, послѣ седанской капитуляціи и послѣ обложенія рейнской арміи въ Мецѣ, было немного. Пришлось вооружить національную гвардію, численность которой при второй имперіи не превышала 40,000 чел., между тѣмъ какъ въ теченіе сентября это число было доведено до 250,000 человѣкъ. Въ слѣдственной коммиссіи по поводу событій 18-го марта генералъ Трошю, предсѣдатель правительства народной обороны и парижскій генералъ-губернаторъ, отвѣтилъ на вопросы одного изъ членовъ, почему въ то время выдавали оружіе всякому, кто требовалъ его: „Еслибы мы вздумали отказать въ выдачѣ оружія, у насъ отняли бы его силою. Въ виду непріятельскаго нашествія мы призвали весь народъ къ оружію. Онъ отвѣчалъ на этотъ призывъ. Неужели же вы воображаете, что, въ виду этой готовности, намъ можно было раздавать оружіе, какъ въ казармахъ, требуя отъ всякаго предъявленія его вида? Это было бы невозможно даже въ провинціи, а не только что въ осажденномъ Парижѣ. Намъ приходилось бороться внѣ Парижа съ непріятельской арміей, внутри Парижа — съ арміей демагоговъ. Регулярныя войска сражались съ непріятелемъ; противъ демагогіи приходилось сражаться только моральной силой. Я такъ и поступалъ. Неужели же мнѣ слѣдовало отозвать армію съ парижскихъ укрѣпленій для борьбы съ демагогіей и дать осаждающимъ это пріятное для нихъ зрѣлище? По моему крайнему разумѣнію, это значило бы погубить Парижъ и Францію“. На дальнѣйшій вопросъ, почему при раздачѣ оружія, экипировки и проч. правительство прибѣгло къ содѣйствію мэровъ, а не возложило этого дѣла исключительно на главный штабъ, Трошю замѣтилъ, что главный штабъ и безъ того былъ заваленъ работой, что для вооруженія 250,000

чел. ему потребовалось бы нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ дорогъ былъ каждый день; онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, многіе изъ мэровъ, дѣйствуя подъ давленіемъ народныхъ массъ, не представляли достаточныхъ гарантій для интересовъ порядка, но для него не было другаго исхода. Трошю объяснилъ далѣе, что въ числѣ національныхъ гвардейцевъ, получившихъ оружіе послѣ 4-го сентября, было до 6,000 лицъ, которыхъ онъ назвалъ „сектантами“, т. е. приверженцевъ крайнихъ ученій, и до 25,000 лицъ, частью освобожденныхъ изъ тюремъ послѣ 4-го сентября, частью значившихся прежде въ спискахъ о судимости. Относительно освобожденія изъ тюремъ заключенныхъ онъ объяснилъ, что правительство, подъ давленіемъ обстоятельствъ, велѣло освободить всѣхъ политическихъ осужденныхъ, въ томъ числѣ Эда (будущаго генерала Коммуны), приговореннаго за убіеніе пожарнаго, и Межи, заключеннаго въ тюрьму за убіеніе полицейскаго агента. Вопросъ объ ихъ освобожденіи обсуждался въ совѣтѣ министровъ, но большинство рѣшило, что слѣдуетъ освободить и ихъ, потому что иначе народъ самъ отворитъ двери тюремъ и этимъ будетъ нанесенъ ударъ авторитету правительства. Остальныхъ, не-политическихъ осужденныхъ правительство не велѣло освобождать; но толпа сдѣлала именно то, чего правительство опасалось по поводу Эда и Межи, т. е. отворила ворота тюрьмы Мазасъ, для освобождеоія заключеннаго тамъ Флуранса, и при этомъ случаѣ оттуда вышли и простые преступники.

Эти-то „сектанты“ и лица, освобожденныя изъ тюремъ, были, по мнѣнію многихъ, дававшихъ свои показанія въ слѣдственной коммиссіи, тѣмъ элементомъ, который поддерживалъ броженіе среди національной гвардіи во все время прусской осады. Они безпрестанно призывали народъ къ оружію, распространялись о необходимости низверженія правительства народной обороны, состоящаго изъ трусовъ и людей неспособныхъ и не желавшаго обратиться къ поголовному возстанію и прорвать прусскія линіи. Они объявляли, что населенію слѣдуетъ исполнить это помимо правительства и проповѣдывали войну до послѣдней крайности и непримиримую ненависть къ Пруссіи. Но

Трошю и Клеманъ Тома́, тогдашній начальникъ національной гвардіи, увѣряли, что, очень храбрые на словахъ, эти подстрекатели далеко не выказывали такой храбрости на поляхъ сраженій, и съ тѣхъ поръ Тома́ сталъ ихъ энергически преслѣдовать, чѣмъ, вѣроятно, и объусловливается отчасти трагическая участь, постигшая этого старика въ первый день возстанія. Трошю увѣрялъ въ слѣдственной коммиссіи, что въ числѣ этихъ подстрекателей было много иностранцевъ, получавшихъ, по его мнѣнію, инструкціи извнѣ, но, на вопросъ одного изъ членовъ, положительно объявилъ, что онъ не замѣчалъ во время прусской осады вліянія членовъ интернаціонала, что ни одинъ изъ выдающихся вождей его не былъ замѣшанъ въ революціонныхъ вспышкахъ, происходившихъ во время осады, что Асси, одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей этого общества, даже не было въ Парижѣ въ это время, или, по крайней мѣрѣ, присутствіе его ничѣмъ не обнаружилось. Дѣйствительно ни Флурансъ, ни Бланки, ни Делеклюзъ, ни другія лица, принимавшія выдающееся участіе въ событіяхъ 31-го октября и 22-го января, никогда не принадлежали къ руководящимъ членамъ Международнаго Общества рабочихъ; а между тѣмъ, судя по показаніямъ, даннымъ въ той же слѣдственной коммиссіи секретаремъ парижскаго отдѣла этого Общества, Фрибуромъ, въ 1870 году въ Парижѣ было до 200,000 приверженцевъ этого Общества, и даже бывшій начальникъ отдѣленія въ полицейской префектурѣ, Меттеталь, опредѣляетъ число приверженцевъ его въ Парижѣ во время осады не менѣе, какъ въ 20,000 человѣкъ.

Ниже мы коснемся участія членовъ интернаціонала въ событіяхъ 18-го марта и постараемся объяснить, какимъ образомъ они перешли отъ полнаго воздержанія въ политическихъ событіяхъ, выказаннаго ими во время прусской осады, къ той выдающейся роли, которую они играли въ образованіи и судьбахъ Коммуны. Теперь же возвратимся къ настроенію парижскаго населенія во время прусской осады, во время и послѣ капитуляціи Парижа, наконецъ во время вступленія пруссаковъ въ Парижъ и въ виду пер-

выхъ проявленій политической дѣятельности вновь избраннаго и созваннаго въ Бордо Національнаго Собранія.

Продолжительныя и разнообразныя лишенія, которыя пришлось испытать парижанамъ впродолженіе пятимѣсячной осады, не могли не вызвать, независимо отъ агитаціи людей недовольныхъ, извѣстнаго раздраженія въ ихъ умахъ; это раздраженіе могло лишь усилиться вслѣдствіе капитуляціи 28 января—весьма естественной для постороннихъ зрителей, но неожиданной для большинства парижанъ, и во всякомъ случаѣ крайне тяжелой для всякаго француза развязки этой осады. Парижане были свидѣтелями того, какъ всѣ ихъ попытки освободиться отъ осады остались безплодными, частью вслѣдствіе неспособности ихъ вождей, частью вслѣдствіе превосходства прусской военной организаціи. Генералъ Лефло, военный министръ при временномъ правительствѣ, откровенно показалъ въ слѣдственной коммиссіи, что, по его мнѣнію, генералъ Трошю не съумѣлъ, какъ слѣдуетъ, утилизировать національную гвардію во время осады, что онъ, Лефло, неоднократно высказывалъ это свое мнѣніе генералу Трошю, и что послѣдній, повидимому, не прочь былъ воспользоваться его совѣтами, но тому энергически противился ближайшій помощникъ Трошю, генералъ Дюкро. Послѣ капитуляціи настроеніе умовъ среди населенія было подавленное, близкое къ отчаянію. Члены правительства и генералы, какъ показалъ въ слѣдственной коммиссіи генералъ Аппертъ, подвергались на улицахъ оскорбленіямъ; толпа зачастую преслѣдовала ихъ криками „трусы“, какъ это случилось съ самимъ Аппертомъ. При такихъ обстоятельствахъ парижанамъ приходилось производить въ первыхъ числахъ февраля выборы въ созываемое въ Бордо Національное Собраніе. Прежде всего они выразили свое презрѣніе къ правительству народной обороны, не избравъ своими представителями ни одного изъ членовъ его, за исключеніемъ Фавра; затѣмъ они выразили твердое свое желаніе сохранить провозглашенную 4 сентября республиканскую форму правленія, избравъ депутатами исключительно лицъ, извѣстныхъ своимъ республиканскимъ образомъ мыслей, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ, принадлежавшихъ къ группѣ людей, на-

званныхъ генераломъ Трошю „сектантами“ (Мильеръ, Разуа). Но Парижъ былъ совершенно незнакомъ съ настроеніемъ остальной Франціи, съ которой онъ былъ разобщенъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ; понятно потому удивленіе и негодованіе его, когда онъ ознакомился съ составомъ большинства бордосскаго Собранія. Парижъ, требовавшій до послѣдней минуты „войны во что бы то ни стало“, вдругъ узналъ, что департаменты избрали депутатовъ, большинство которыхъ желало „мира во что бы то ни стало“. Этотъ неожиданный контрастъ усилилъ тягостное впечатлѣніе, произведенное на парижанъ пятимѣсячной осадой и капитуляціей 28 января. А между тѣмъ капитуляція эта была заключена на условіяхъ, которыя должны были еще болѣе ослабить власть правительства народной обороны, а затѣмъ, съ февраля, правительства Тьера, и придать бодрость недовольнымъ: въ силу одного изъ условій капитуляціи одна только регулярная армія въ Парижѣ была обезоружена, а національная гвардія сохранила оружіе. По этому поводу генералъ Трошю отвѣтилъ въ слѣдственной коммиссіи на вопросъ одного изъ членовъ, почему въ то время не была обезоружена національная гвардія? „Да, есть еще люди, которые воображаютъ, что можно было обезоружить національную гвардію послѣ 28 января. Кажется, даже г. Фавръ раздѣлялъ это заблужденіе. Но между тѣмъ это чистая химера. Въ то время была одна только сила, которая въ состояніи была бы произвести это обезоруженіе—прусская армія; но я не думаю, чтобы нашелся хотя одинъ французъ, который упрекнулъ бы наше правительство въ томъ, что оно не прибѣгло къ этой силѣ. Г. Фавръ не могъ даже поднимать вопроса объ обезоруженіи національной гвардіи въ переговорахъ своихъ съ пруссаками; съ другой стороны, кн. Бисмаркъ очень хорошо понималъ, что мы не въ состояніи произвести его, а самъ онъ не хотѣлъ принять на себя этого риска. Я полагаю даже, что онъ не безъ удовольствія согласился оставить оружіе національной гвардіи, потому онъ очень хорошо понималъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи мы очутились послѣ обезоруженія регулярной арміи, въ виду 250-тысячной недисциплинированной и въ значи-

тельной мѣрѣ разнузданной вооруженной силы. Когда Жюль Фавръ велъ переговоры въ Версалѣ, я обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его настаивать на томъ, чтобы наша регулярная армія не была обезоружена; я имѣлъ въ виду спасти ее отъ деморализаціи и обуздать, съ ея помощью, національную гвардію; но понятно, что кн. Бисмаркъ не захотѣлъ согласиться съ моими доводами. Вотъ мое письмо; „27 января 1871 г. Любезный Фавръ. Намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду обстоятельства, „весьма тяжелаго для насъ, но важнаго для всѣхъ; ближе всего оно „касается, разумѣется, насъ самихъ, но оно не лишено значенія и „для Германіи. Возбужденіе, обнаружившееся въ Парижѣ при первомъ извѣстіи о начатыхъ нами переговорахъ, рѣзкіе протесты, „раздающіеся среди общества и проникающіе отчасти и въ печать, „ясно указываютъ на то, какое сопротивленіе встрѣтитъ въ населеніи заключаемая нами конвенція. Я надѣюсь, что кн. Бисмаркъ и „начальники германской арміи дадутъ себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ „опасностяхъ, которыя могутъ возникнуть изъ подобнаго положенія дѣлъ. Я полагаю, что эти опасности могли бы быть устранены, еслибы гарнизоны Парижа и фортовъ—по очищеніи нами „послѣднихъ—сохранили свое оружіе и вмѣстѣ съ національной „гвардіей приняли на себя заботу объ охраненіи общественнаго „порядка. Наши противники жестоко ошиблись бы относительно „истиннаго значенія этого моего ходатайства, еслибы вообразили себѣ, что я имѣю въ виду достигнуть того, что обыкновенно принято называть болѣе благопріятными условіями. Представляя черезъ васъ кн. Бисмарку эти соображенія, я имѣю исключительно въ виду предотвратить катастрофы, противъ которыхъ „оказались бы безсильными весь нашъ патріотизмъ и вся наша „твердость. Если армія будетъ обезоружена, а національная гвардія сохранитъ свое оружіе, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того „явится господство демагоговъ во Франціи“.—Жюль Фавръ въ той-же коммиссіи, далъ слѣдующее показаніе о томъ же предметѣ: „Движеніе 22 января было направлено, по моему мнѣнію, преимущественно противъ правительства народной обороны, а не противъ

общества; особенно непопуляренъ былъ генералъ Трошю; меня также не долюбливало парижское населеніе, но я игралъ менѣе видную роль въ оборонѣ Парижа, и потому подвергался меньшимъ нареканіямъ. Я отлично сознавалъ, что если намъ удастся преодолѣть внѣшній кризисъ, то намъ не избѣгнуть кризиса внутренняго. Я очень хорошо зналъ, что, давъ однажды оружіе въ руки столькимъ ненадежнымъ людямъ, нужно будетъ, рано или поздно, подумать о томъ, какъ отнять его. При такихъ-то обстоятельствахъ было заключено перемиріе. Я сказалъ пруссакамъ: „Входите „въ Парижъ, если вы того непремѣнно желаете, но не требуйте „отъ насъ удаленія арміи изъ Парижа и обезоруженія ея. Что касается національной гвардіи, то нечего и думать о ея обезоруженіи". Я зналъ, что эти люди принесли во время осады большія жертвы; мнѣ тяжело было подумать о томъ, что они подвергнутся позору обезоруженія, что они будутъ уведены въ качествѣ военноплѣнныхъ, и потому я требовалъ сохраненія ими оружія. Къ тому же въ ту эпоху, въ концѣ января, и невозможно было бы обезоружить національную гвардію безъ открытой борьбы, безъ содѣйствія непріятеля—а этого мы не могли допустить. Такимъ образомъ и случилось то, что, въ то время какъ регулярная армія, за исключеніемъ одной дивизіи, выдала свое оружіе непріятелю, національная гвардія осталась вооруженною.

Итакъ къ началу февраля въ Парижѣ, рядомъ съ неспособнымъ, непопулярнымъ, потерявшимъ всякій нравственный авторитетъ, безоружнымъ и безсильнымъ правительствомъ, оказалось нѣсколько сотъ тысячъ недовольныхъ, въ томъ числѣ болѣе 200.000 вооруженныхъ. Болѣе умѣренная часть парижскаго населенія, тѣ, которые впослѣдствіи стали играть извѣстную роль подъ именемъ „друзей порядка", обезкураженные и унылые, или старались покинуть Парижъ послѣ пятимѣсячныхъ лишеній, такъ что въ теченіе всего февраля была настоящая эмиграція изъ Парижа, или замкнулись сами въ себя и совершенно устранились отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Національная гвардія была предоставлена самой себѣ. Начальникъ ея во время осады, старикъ Клеманъ

Тома́, видя свое безсиліе, не имѣя возможности поддержать въ ней дисциплину, утомленный нареканіями, которыя сыпались на него за его образъ дѣйствій во время осады, подалъ правительству просьбу объ увольненіи его отъ должности начальника національной гвардіи. Просьба его была принята и Тьеръ назначилъ на его мѣсто генерала Орель-де-Паладина. Этотъ выборъ не могъ считаться удачнымъ. Національные гвардейцы считали этого генерала—хотя и несправедливо—виновникомъ вторичнаго занятія Орлеана пруссаками, что, будто бы, принудило Гамбетту отнять у него начальствованіе надъ Луарской арміей. Они его мало знали, но сомнѣвались въ искренности его республиканскихъ чувствъ, подозрѣвали его въ томъ, что онъ не станетъ противиться обезоруженію національной гвардіи (слухи объ этомъ обезоруженіи продолжали ходить по городу и правительство не опровергало ихъ, что сильно тревожило національныхъ гвардейцевъ, считавшихъ себя призванными защищать республику). Съ другой стороны солдаты регулярной арміи, оставшіеся въ Парижѣ, обезоруженные, деморализованные, считавшіе себя опозоренными, пребывали въ бездѣйствіи, входили въ сношенія съ рабочими и другими безпокойными элементами столицы, проводили время въ кабакахъ и на различныхъ сходкахъ. Начальствовалъ ими генералъ Винуа, человѣкъ крайне-непопулярный, какъ вслѣдствіе участія его въ государственномъ переворотѣ 1851-го года, такъ и вслѣдствіе той, далеко не блестящей роли, которую онъ игралъ во время послѣдней осады. Правительство требовало отъ него удаленія изъ Парижа значительной части безоружныхъ и праздныхъ солдатъ, но онъ ограничился тѣмъ, что распустилъ мобилизированную національную гвардію и отрядъ вольныхъ стрѣлковъ; эта мѣра способствовала къ тому, чтобы еще болѣе усилить безпокойные элементы въ столицѣ.

Таково было положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ Парижѣ послѣ капитуляціи. Всеобщее неудовольствіе усилилось еще тѣмъ, что вновь избранное Національное Собраніе продолжало оставаться въ Бордо и послѣ заключенія предварительнаго мира съ Пруссіей, а затѣмъ рѣшило перенести свое мѣстопребываніе не въ Парижъ.

а въ Версаль, какъ бы выказывая тѣмъ свое желаніе лишить Парижъ его прежней роли. Нареканія противъ Собранія, противъ правительства, противъ его агентовъ усиливались съ каждымъ днемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, при непопулярности правительства и поставленныхъ имъ начальниковъ парижскаго гарнизона и національной гвардіи, при замѣтномъ ослабленіи дисциплины въ рядахъ послѣдней, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у національной гвардіи явилось свое особое начальство, назначенное независимо отъ правительства, и даже безъ его вѣдома, начальство дѣйствовавшее сначала втайнѣ и обнаружившее свое существованіе почти только наканунѣ 18-го марта. Мы говоримъ о пресловутомъ „Центральномъ комитетѣ парижской національной гвардіи“.

Послѣдняя, какъ мы уже сказали, признавала правительство, но оно было ей антипатично; она продолжала опасаться, что ее захотятъ обезоружить, она не вѣрила въ искренность республиканскихъ убѣжденій людей, прошлое которыхъ не представляло въ ея глазахъ ни малѣйшихъ гарантій искренности. Въ это-то время съ разныхъ сторонъ возникло предположеніе о томъ, чтобы сплотить тѣснѣе батальоны національной гвардіи, въ видахъ защиты республики отъ возможныхъ противъ нея посягательствъ. Эта мысль возникла одновременно у людей и среди группъ, весьма разнообразныхъ по своимъ политическимъ взглядамъ и преслѣдовавшихъ весьма различныя цѣли. Такимъ образомъ возникла идея объ образованіи „Центральнаго комитета парижской національной гвардіи“. Одни имѣли при этомъ въ виду подготовить этимъ путемъ избраніе свое въ представительныя собранія; другіе руководились менѣе эгоистическими побужденіями и имѣли въ виду преимущественно группировать батальоны національной гвардіи и придать имъ болѣе сильную организацію. Въ числѣ послѣднихъ были и такіе, которые желали, по возможности, устранить изъ этой организаціи рабочій элементъ, казавшійся имъ слишкомъ революціоннымъ. Всѣ эти стремленія, имѣвшія, при всемъ разнообразіи своихъ исходныхъ точекъ и конечныхъ цѣлей, извѣстныя точки соприкосновенія, повели къ организаціи двухъ комитетовъ, которые вскорѣ слились между собою. Комитеты эти были: „Федерація націо-

нальной гвардіи“, исполнительнымъ органомъ которой явился „Центральный комитетъ“, игравшій такую видную роль въ революціи 18-го марта и въ послѣдующихъ событіяхъ, и „парижскій совѣтъ международнаго общества рабочихъ“. Для болѣе яснаго уразумѣнія послѣдующихъ событій мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на происхожденіи и первоначальной дѣятельности этихъ двухъ важнѣйшихъ факторовъ парижской революціи 1871-го года.

Нѣсколько обитателей 15-го парижскаго округа (Вожирара) и нѣсколько извѣстныхъ клубныхъ ораторовъ пришли, вскорѣ послѣ капитуляціи, къ заключенію, что хорошо было бы ввести болѣе тѣсную связь между различными батальонами національной гвардіи. Въ этихъ видахъ они составили воззваніе къ баталіонамъ, приглашая ихъ назначить отъ себя делегатовъ, которые сообща обсудили бы планъ организаціи предположеннаго союза, для котораго имѣлось въ виду принять федеративную форму. Значительное число національныхъ гвардейцевъ съ радостью ухватились за эту мысль, которая, какъ имъ казалось, обѣщала имъ осуществленіе ихъ давнишнихъ, задушевныхъ желаній. Они избрали изъ своей среды требуемыхъ делегатовъ, а иные, безъ всякихъ полномочій, отправились въ собраніе, созванное съ вышеозначенной цѣлью на 15-е февраля. Лица, которымъ принадлежала иниціатива этого собранія, представили послѣднему, въ качествѣ временнаго комитета, составленный ими проектъ устава союза. Рѣшено было, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію проекта, снестись съ другими подобными организующимися комитетами. Но между тѣмъ цѣль собранія была отчасти достигнута. Представители различныхъ батальоновъ національной гвардіи свидѣлись между собою, пришли къ соглашенію относительно извѣстныхъ пунктовъ; кромѣ того для каждаго изъ 20 парижскихъ округовъ былъ назначенъ временный делегатъ, которому поручено было озаботиться образованіемъ въ своемъ округѣ мѣстнаго комитета національной гвардіи, въ который каждая рота должна была прислать по одному представителю. Этимъ же делегатамъ поручено было выработать проектъ уставовъ, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить образъ дѣйствій національной гвар-

діи въ виду возможныхъ событій. 24-го февраля въ томъ же помѣщеніи происходило новое собраніе, на которое явилось до 2,000 человѣкъ, въ томъ числѣ многіе изъ начальниковъ батальоновъ и офицеровъ національной гвардіи. Каждая рота послѣдней прислала по одному представителю. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предложили произвести миролюбивую, но по возможности грандіозную демонстрацію у подножія іюльской колонны. Это предложеніе было принято; но прежде чѣмъ отправиться на Бастильскую площадь собраніе приняло слѣдующую резолюцію: „Національная гвардія протестуетъ противъ всякой попытки къ обезоруженію ея, и объявляетъ, что, въ случаѣ надобности, она воспротивится тому силою“. Далѣе было рѣшено, несмотря на протестъ болѣе благоразумной части собранія, что, въ случаѣ вступленія пруссаковъ въ Парижъ, національная гвардія пойдетъ имъ на встрѣчу, съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы воспротивиться этому вступленію; впрочемъ, по требованію тѣхъ же болѣе осторожныхъ делегатовъ, къ этой резолюціи была присоединена оговорка, что каждый делегатъ долженъ представить эту резолюцію на обсужденіе своей роты и освѣдомиться о настроеніи офицеровъ по этому предмету. Согласно этому рѣшенію, резолюція собранія 24 февраля была представлена на обсужденіе ротъ національной гвардіи, и въ большей части изъ нихъ она была одобрена, въ нѣкоторыхъ даже единогласно.

Слухъ о намѣреніи національной гвардіи воспротивиться силою вступленію пруссаковъ въ Парижъ произвелъ сильное впечатлѣніе на парижанъ. Тогда въ это дѣло вмѣшался временный комитетъ національной гвардіи. Нѣкоторые изъ членовъ его вошли въ сношенія съ „парижскимъ совѣтомъ Международнаго Общества рабочихъ“—впервые открыто выступающимъ на сцену въ политическихъ событіяхъ этой эпохи—и комитетъ рѣшилъ принять въ свою среду нѣсколькихъ членовъ этого совѣта, въ видахъ парализованія проникшихъ въ его нѣдра экзальтированныхъ элементовъ. Въ такомъ обновленномъ составѣ временный комитетъ національной гвардіи, принявшій съ этихъ поръ названіе „Цен-

тральнаго комитета“, предвидя гибельныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ вооруженнаго столкновенія съ пруссаками, обратился къ національной гвардіи съ манифестомъ, въ которомъ убѣждалъ ее составить вокругъ пруссаковъ оборонительный кордонъ, воздерживаясь отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій. Это воззваніе, появившееся одновременно во всѣхъ журналахъ и на улицахъ Парижа, не осталось безъ послѣдствій: оно успокоило взволнованные умы національныхъ гвардейцевъ и не мало способствовало къ тому, что парижане во время вступленія пруссаковъ вели себя спокойно и съ достоинствомъ, воздерживаясь отъ всякихъ вызывающихъ дѣйствій.

Между тѣмъ въ большинствѣ членовъ какъ правительства народной обороны, такъ и тьеровскаго правительства, установилось мнѣніе, что вступленіе пруссаковъ въ Парижъ было одною изъ главныхъ причинъ возстанія 18-го марта. Вотъ что показывалъ по этому предмету самъ Тьеръ въ слѣдственной коммиссіи: „Пруссаки появились въ «Champs-Elysées», но они не проникли далѣе площади Согласія. Это вступленіе пруссаковъ было одною изъ главныхъ причинъ возстанія. Я не говорю, чтобы безъ этого обстоятельства движеніе не обнаружилось, но я утверждаю, что вступленіе пруссаковъ дало ему сильный толчекъ“. Фавръ выразился въ той же коммиссіи слѣдующимъ образомъ: „При неблагопріятномъ для правительства настроеніи населенія пруссаки вступили въ Парижъ и дошли до площади Согласія. Всѣ парижане были чрезвычайно огорчены этимъ вступленіемъ. Въ ожиданіи его національная гвардія нашла нужнымъ захватить пушки, стоявшія въ Пасси (мѣстности, которую должны были занять пруссаки) и отвезти ихъ на «Place Royale». Генералъ Винуа говорилъ: „Пусть ихъ дѣлаютъ это“. Кромѣ того она захватила накопленные въ разныхъ мѣстахъ военные припасы и продолжала забирать пушки и послѣ удаленія пруссаковъ изъ Парижа. Такимъ образомъ въ ихъ рукахъ очутилась та значительная артиллерія, которою они воспользовались противъ насъ“.

Выше мы уже упомянули о томъ обстоятельствѣ, что съ конца

февраля въ самопроизвольную организацію національной гвардіи, образовавшуюся послѣ Парижской капитуляціи и выхода въ отставку Клемана Тома, вошли, какъ весьма дѣятельный факторъ, члены парижскаго совѣта Международнаго Общества рабочихъ. Мы видѣли также, что, по свидѣтельству самого Трошю, во время прусской осады руководители интернаціонала не играли никакой замѣтной роли въ Парижѣ, не участвовали ни въ одной изъ революціонныхъ вспышекъ этой эпохи. Между тѣмъ, по увѣренію Тьера, Фавра и другихъ, членамъ этого общества принадлежитъ весьма видная роль въ событіяхъ 18 марта; и, дѣйствительно, въ числѣ дѣятелей этого возстанія, въ числѣ членовъ „Центральнаго комитета", выступившаго во всемъ своемъ всеоружіи во время и послѣ этого движенія, мы встрѣчаемъ имена многихъ выдающихся дѣятелей этой ассоціаціи. Фавръ, коснувшись участія интернаціонала въ событіяхъ 18 марта, говоритъ слѣдующее: „Мнѣ трудно было бы опредѣлить съ точностью то участіе, которое принимало въ этихъ событіяхъ Международное Общество, но я полагаю, что это участіе было гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаютъ лица, руководившія этимъ обществомъ". Расходясь съ генераломъ Трошю, Фавръ увѣряетъ далѣе, что не только въ промежутокъ времени между заключеніемъ перемирія и революціей 18 марта, но и во время прусской осады, члены интернаціонала подготовляли революцію. Впрочемъ, и онъ сознается, что Международное Общество открыто выступило на сцену лишь позднѣе, когда правительство было уже достаточно дискретировано и элементы сопротивленія ему достаточно сильны. Онъ указалъ далѣе на значительныя денежныя средства интернаціонала и заключилъ свое показаніе по этому предмету слѣдующими словами: „Я полагаю, что Международное Общество принимало дѣятельное участіе въ событіяхъ 18 марта; оно дисциплинировало это движеніе, дало ему сильную власть, но не оно организовало его, не оно явилось первымъ на бреши: оно доставило ему только побѣду". Тьеръ тоже заявилъ въ своемъ показаніи, что „Международное Общество, воспользовавшись настроеніемъ парижскаго населенія послѣ капитуляціи, принялось за осуществленіе

своихъ цѣлей". На замѣчаніе президента слѣдственной коммиссіи, что движеніе произведено, повидимому, бланкистами, якобинцами, эбертистами, принявшими на себя въ этомъ случаѣ личину интернаціонала, Тьеръ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, интернаціоналъ имѣетъ во Франціи совершенно иной характеръ, чѣмъ напр. въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Италіи, что оно—учрежденіе не только соціальное, но и политическое, и что безъ всякаго сомнѣнія оно играло и будетъ играть, если ему въ томъ не помѣшаютъ, видную роль во всѣхъ политическихъ событіяхъ этой страны.

Нельзя не сознаться, что всѣ эти показанія относительно участія, которое принимало Международное Общество въ революціи 18 марта, не отличаются опредѣленностью и точностью. Но въ протоколахъ слѣдственной коммиссіи по поводу событій 18 марта мы находимъ еще и другія показанія, гораздо болѣе полныя, ясныя и опредѣленныя. Таковы, напр., показанія одного изъ видныхъ дѣятелей этого общества, дѣятеля, отличавшагося, однако, умѣренностью взглядовъ и не привлеченнаго ни къ одному изъ процессовъ интернаціонала, возбуждавшихся при второй имперіи, именно Элигона. Послѣ весьма обстоятельнаго и интереснаго изложенія возникновенія и развитія этого общества во Франціи — на которомъ мы не останавливаемся, такъ какъ это не относится собственно къ предмету нашего разсказа — Элигонъ слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ на просьбу предсѣдателя коммиссіи объяснить, какимъ образомъ упомянутыя въ показаніяхъ Элигона рабочія ассоціаціи и общества взаимной помощи сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они явились 18 марта, т. е. политическими дѣятелями?

„Это было результатомъ послѣднихъ событій въ Парижѣ" — отвѣтилъ Элигонъ. — „Все населеніе Парижа посвятило себя защитѣ столицы, начиная съ богатаго нагоціанта и кончая простымъ работникомъ. Всѣ они были готовы къ величайшимъ жертвамъ. Умы были въ ненормальномъ состояніи вслѣдствіе осады; въ это время большинство плохо ѣло, много пило. Вслѣдствіе движенія 31 октября многіе офицеры національной гвардіи лишились своего званія. Они соединились съ извѣстными клубными ораторами и чле-

нами втайнѣ образовавшагося республиканскаго комитета. Они вызвали мысль объ избраніи делегатовъ отъ каждой роты національной гвардіи. Эти представители выбрали изъ своей среды делегатовъ отъ батальоновъ, тѣ, въ свою очередь, избрали делегатовъ отъ округовъ, и такимъ образомъ возникъ „Центральный комитетъ“. Этотъ комитетъ является, слѣдовательно, результатомъ выборовъ четырехъ степеней. Центральный комитетъ назначилъ уже отъ себя начальниковъ легіоновъ національной гвардіи, которые дѣйствовали въ первое время секретнымъ образомъ, разсылая анонимныя предписанія. Къ начальникамъ батальоновъ прежде всего присланы были слѣдующіе анонимные запросы: „Намѣренъ-ли гражданинъ (такой-то), начальникъ (такого-то) батальона, слѣпо повиноваться предписаніямъ Центральнаго комитета?“ При этомъ подъ рукою распускали среди батальоновъ такого рода слухи: „Мы желаемъ учрежденія республики и организаціи на федеративныхъ началахъ національной гвардіи. Намъ навязываютъ начальника, который намъ не симпатиченъ; мы желаемъ, чтобъ былъ учрежденъ комитетъ, который завѣдывалъ бы національной гвардіей.“ Многіе батальоны отвѣчали на этотъ запросъ утвердительно. Такимъ образомъ Центральный комитетъ, въ который съ конца февраля вступили члены интернаціонала, сдѣлался, начиная съ первыхъ чиселъ марта, почти полновластнымъ распорядителемъ Парижа“.

Еще болѣе ясныя указанія на ту роль, которую играло Международное Общество въ событіяхъ 18 марта, далъ секретарь парижскаго отдѣла этого общества, упомянутый выше Фрибуръ. Онъ объявилъ, что въ числѣ 90 членовъ образовавшейся послѣ 18 марта Коммуны было всего 18 членовъ интернаціонала, что въ числѣ членовъ Коммуны были отъявленные враги этого общества, какъ напр., Рауль Риго, Делеклюзъ, Курне, Везинье, котораго интернаціоналы выгнали изъ своей среды, и другіе. Число этихъ отъявленныхъ враговъ интернаціонала, засѣдавшихъ въ Коммунѣ, онъ опредѣляетъ въ 14 человѣкъ; они иначе не отзывались о членахъ этого общества, какъ о шпіонахъ и негодяяхъ, заслуживших висѣлицы. Съ полною откровенностью онъ объявилъ, что у тѣхъ и

другихъ, у интернаціоналовъ и у бланкистовъ, якобинцевъ и проч., былъ общій врагъ, котораго прежде всего слѣдовало низвергнуть—наполеоновская имперія; но въ то же время интернаціоналы рѣшили между собою, что послѣдній свой зарядъ они выпустятъ не противъ имперіи, а противъ бланкистовъ. Затѣмъ онъ объявилъ весьма категорически, что враги интернаціола—бланкисты, якобинцы, и проч.—во время возстанія 18 марта просто на просто узурпировали знамя интернаціоналовъ, сгруппировались подъ этимъ знаменемъ для достиженія своихъ спеціальныхъ цѣлей. Онъ положительно заявилъ, что Международное Общество никогда не преслѣдовало политическихъ цѣлей, что парижскіе члены этого общества не раздѣляли идей Карла Маркса о необходимости политической дѣятельности интернаціонала. Но вслѣдствіе преслѣдованій, предметомъ которыхъ было это общество начиная съ 1867 года и до паденія второй имперіи, оно сдѣлалось изъ общества, стремящагося къ разрѣшенію общественыхъ вопросовъ, обществомъ политическимъ, революціоннымъ. Послѣ 4 сентября ни одинъ изъ законовъ, изданныхъ при второй имперіи противъ этой ассоціаціи, не былъ отмѣненъ, и такимъ образомъ ассоціація рабочихъ въ послѣдній періодъ дѣятельности правительства народной обороны, основательно или нѣтъ, считала послѣднее своимъ врагомъ.

На основаніи всѣхъ этихъ показаній можно приблизительно составить себѣ понятіе о той роли, которую играло Международное Общество въ событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ революціи 18 марта и въ самой этой революціи. Повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой революціи принимали участіе два весьма разнородные, отчасти враждебные другъ другу, но минутно соединившіеся для общей цѣли элемента. Революціонеры старой школы, якобинцы, бланкисты и проч., воспользовавшись настроеніемъ большинства парижскаго населенія, ошибками правительства, раздраженіемъ, вызваннымъ въ населеніи неудачнымъ исходомъ обороны Парижа, капитуляціей и вступленіемъ въ столицу Франціи пруссаковъ, рѣшились осуществить свои давнишніе идеалы и пересоздать Францію на основаніи началъ 1793 года. Но встрѣтивъ нѣкото-

рыя помѣхи въ осуществленіи своихъ плановъ, замѣтивъ, что одни принципы 93 года не въ состояніи поднять населенія, что въ классахъ, составляющихъ главный контингентъ всякой революціи, съ тѣхъ поръ возникли иные идеалы, иныя стремленія, они рѣшились воспользоваться и этими вновь народившимися революціонными силами и стали искать сближенія съ интернаціоналами. Послѣдніе, преслѣдуя свои особыя цѣли, не оттолкнули протянутой имъ руки, вошли въ союзъ съ людьми, завѣдомо имъ враждебными, имѣя въ виду только одно — ниспроверженіе общими усиліями непріятнаго для нихъ порядка вещей. Но притомъ оба эти, разнородные по существу своему, элемента, какъ это сплошь да рядомъ случается въ политической исторіи народовъ, не упускали изъ виду своихъ ближайшихъ цѣлей, и заключили союзъ не безъ задней мысли: и тѣ, и другіе надѣялись втайнѣ, по достиженіи ближайшихъ своихъ цѣлей, устранить своихъ случайныхъ союзниковъ, а въ сущности противниковъ, и воспользоваться одни плодами достигнутой общими усиліями побѣды. Дальнѣйшія событія показали, что вышло изъ такого противуестественнаго союза.

ГЛАВА II.

Ближайшія причины возстанія 18-го марта.—Законы о квартирной платѣ и о просроченныхъ векселяхъ.—Организація Центральнаго комитета и первыя его мѣры.—Недостаточность и ненадежность вооруженныхъ силъ въ Парижѣ.—Причины, побудившія правительство къ отнятію пушекъ у національной гвардіи.—Предположенія объ участіи въ возстаніи 18 марта пруссаковъ и бонапартистовъ.

Мы видѣли выше, какіе горючіе матеріалы скопились въ Парижѣ во время прусской осады и послѣ капитуляціи, какимъ образомъ произошло сліяніе собственно революціонныхъ элементовъ съ недовольными недавнимъ оборотомъ дѣлъ и съ интернаціоналами, преслѣдовавшими свои особыя, не имѣвшія ничего общаго ни съ прусской осадой, ни съ послѣдствіями капитуляціи, цѣли. Теперь, послѣ краткаго изложенія болѣе отдаленныхъ причинъ революціи 18-го марта, перейдемъ къ объясненію ея ближайшихъ причинъ, и событій, непосредственно предшествовавшихъ вспышкѣ 18-го марта.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на мѣропріятіяхъ бордосскаго Національнаго Собранія—мѣропріятіяхъ отчасти несправедливыхъ, во всякомъ случаѣ несвоевременныхъ и въ значительной мѣрѣ усилившихъ и безъ того уже рѣзко проявлявшееся неудовольствіе парижанъ и непопулярность Собранія и правительства въ Парижѣ. Мы разумѣемъ изданные бордосскимъ Собраніемъ декреты объ уплатѣ по просроченнымъ векселямъ и о способѣ расплаты нанимателей квартиръ съ домохозяевами.

Парижъ во время пятимѣсячной осады былъ отчужденъ отъ всего

остальнаго міра и вслѣдствіе этихъ, такъ-называемыхъ „независящихъ отъ него обстоятельствъ“, очутился въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ немыслимо было примѣненіе обычныхъ порядковъ, установленныхъ для нормальнаго времени. Парижане не могли сразу приняться за работу, такъ какъ у нихъ, въ виду вышеупомянутаго обстоятельства, не было ни необходимаго матеріала для работы, ни потребителей, обратившихся пока къ другимъ рынкамъ; парижане лишены были возможности покупать и продавать; они не могли даже въ первое время свободно удаляться изъ своего города для отысканія себѣ пропитанія на чужбинѣ, такъ какъ прежде всего имъ предстояло позаботиться о пріобрѣтеніи достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и топлива. Рабочій въ первое время послѣ прусской осады былъ лишенъ своихъ заработковъ, купецъ— барышей, служащій — жалованья. Въ виду этихъ обстоятельствъ нуждающееся парижское населеніе было увѣрено, что съ него не станутъ требовать наемной платы за квартиры за истекшіе полгода. Во время осады никто не платилъ за наемъ квартиръ, да рѣдко кто и въ состояніи былъ бы заплатить ее: логика событій брала свое. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что во время осады каждый изъ взрослыхъ обитателей Парижа или былъ національнымъ гвардейцемъ, или несъ (а по меньшей мѣрѣ дѣлалъ видъ, будто несетъ) какую-нибудь иную воинскую повинность и получалъ за это отъ государства содержаніе, а въ иныхъ случаяхъ и помѣщеніе. Въ строгомъ смыслѣ слова нельзя было даже выставлять и принципа пользованія помѣщеніемъ, такъ какъ ремесленникъ не работалъ въ своей мастерской, купецъ не торговалъ въ своей лавкѣ, и все населеніе жило собственно на городскихъ укрѣпленіяхъ. И здѣсь конечно были исключенія; но такъ какъ законъ имѣетъ въ виду не исключенія, а общій принципъ, то весьма понятно, что населеніе не хотѣло и не могло сразу понять законности декрета о взносѣ наемной платы за истекшіе полгода. Къ тому же оно имѣло передъ собою въ настоящемъ случаѣ совершившійся фактъ, т. е. оно не платило за наемъ квартиръ въ теченіи послѣднихъ двухъ сроковъ, а извѣстно какъ сильно дѣйствуетъ

совершившійся фактъ даже на развитыхъ, а не только на неразвитыхъ людей. И вдругъ послѣ заключенія мира и удаленія пруссаковъ изъ-подъ стѣнъ Парижа издается законъ, обязывавшій жильцовъ заплатить домохозяевамъ сполна всю просроченную квартирную плату! Это показалось нанимателямъ тѣмъ большею несправедливостью, что многіе изъ домохозяевъ, не неся всѣхъ испытанныхъ остальнымъ населеніемъ тягостей осады, прожили все время въ Южной Франціи, въ Бельгіи, Англіи, Швейцаріи и другихъ безопасныхъ мѣстахъ, а теперь поспѣшили явиться въ Парижъ за полученіемъ слѣдующей имъ наемной платы. Раздраженіе, вызванное этимъ закономъ, доходило до того, что даже самое изданіе его приписывалось преимущественно тому обстоятельству, что авторъ его, министръ юстиціи Дюфоръ — самъ домовладѣлецъ, и потому заботится преимущественно объ интересахъ домовладѣльцевъ, въ ущербъ интересамъ прочихъ классовъ. „Хотя" — такъ разсуждали парижане — „справедливость, снисхожденіе къ жалкому положенію нанимателей, общественное мнѣніе, существующій фактъ, явно говорятъ противъ этого закона, однако правительство не побоялось возложить эту новую обузу на насъ, изнуренныхъ парижанъ".

Шоппенъ, исправлявшій передъ самой революціей, въ теченіи нѣсколькихъ дней, должность парижскаго полицейскаго префекта, слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ на вопросъ предсѣдателя слѣдственной коммиссіи — „имѣли ли вышеупомянутые два декрета какое-нибудь вліяніе на революціонное движеніе 18-го марта?": — „Я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь. Парижское населеніе состоитъ изъ многихъ классовъ: есть классъ собственно фабричныхъ рабочихъ, есть классъ мелкихъ ремесленниковъ, работающихъ у себя на квартирахъ, одни или съ однимъ или двумя помощниками. Большая часть этихъ мелкихъ ремесленниковъ претерпѣвала сильную нужду во время осады; они потратили свои прежнія маленькія сбереженія, и тѣ изъ нихъ, которые не пожелали обращаться къ общественной благотворительности, совершенно раззорились. Правда, они получали по полтора франка въ день, какъ національные гвардейцы; но этого было недостаточно для поддержанія существованія ихъ семействъ. Когда

при такихъ обстоятельствахъ съ нихъ стали вдругъ требовать взноса квартирной платы за истекшіе полгода, они или прямо присоединились къ революціонному движенію, или по крайней мѣрѣ сказали себѣ: „Все равно, не стоитъ защищаться противъ революціи“.—Эдмонъ Адамъ, бывшій префектомъ полиціи до 31-го октября 1870 года, показалъ въ той же коммиссіи: „Въ числѣ другихъ причинъ возстанія 18-го марта слѣдуетъ упомянуть о декретахъ касательно уплаты по просроченнымъ векселямъ и взноса квартирной платы. Тотъ способъ, какимъ бордосское Собраніе разрѣшило оба эти вопроса, замѣтно усилилъ раздраженіе въ Парижѣ. Вслѣдствіе этихъ декретовъ многимъ изъ парижскихъ мелкимъ торговцевъ и ремесленниковъ угрожало банкротство, и это опасеніе, безъ сомнѣнія, немало способствовало къ тому, чтобы смутить умы населенія“. — Адмиралъ Сессэ, игравшій такую видную роль въ парижскихъ событіяхъ въ первую недѣлю послѣ возстанія 18 марта, объявилъ между прочимъ въ слѣдственной коммиссіи, что когда во время переговоровъ о соглашеніи парижскіе мэры, по его приглашенію, формулировали причины неудовольствія парижанъ, они въ своей запискѣ слѣдующимъ образомъ отозвались объ означенныхъ декретахъ: „Законъ объ уплатѣ по просроченнымъ векселямъ произвелъ сильное неудовольствіе, въ особенности среди мелкихъ торговцевъ, которые находили его благопріятнымъ исключительно для банкировъ и для крупныхъ торговцевъ. Это обстоятельство заставило многихъ благомыслящихъ людей отказаться отъ поддержки правительства. Что касается закона о взносѣ просроченной квартирной платы, то нужно замѣтить, что всеобщая нужда, господствовавшая въ Парижѣ во время осады, сдѣлала невозможнымъ для многихъ, даже весьма аккуратныхъ людей, взносъ наемной платы за квартиры въ сроки 15 октября и 15 января; между тѣмъ теперь приближается уже третій срокъ, 15 апрѣля, въ который имъ тоже трудно будетъ уплатить даже за ближайшіе три мѣсяца, а отъ нихъ вдругъ требуютъ немедленнаго взноса недоимки за прежніе 6 мѣсяцевъ. Это отвращаетъ отъ правительства многихъ друзей порядка, и ему необходимо слѣдуетъ

настоять передъ Національнымъ Собраніемъ на отмѣнѣ этого закона".

Теперь возвратимся къ дѣятельности „Центральнаго комитета" въ періодъ времени, протекшій между вступленіемъ пруссаковъ въ Парижъ и вспышкой 18 марта.

Послѣ удаленія пруссаковъ комитетъ не выказывалъ въ теченіи нѣсколькихъ дней никакихъ признаковъ дѣятельности; можно было даже предполагать одно время, что онъ распался или готовъ распасться. Но, по требованію интернаціоналовъ, проникшихъ, какъ мы видѣли выше, въ составъ этого комитета, на 3 марта было созвано новое собраніе делегатовъ отъ ротъ національной гвардіи. Въ этомъ собраніи былъ прочитанъ и утвержденъ почти безъ преній состоявшій изъ 10 статей „Уставъ республиканской федераціи національной гвардіи", выработанный Центральнымъ комитетомъ. Согласно этому уставу, одной національной гвардіи принадлежало право назначать своихъ начальниковъ и отрѣшать ихъ, какъ скоро они лишатся ея довѣрія, впрочемъ лишь послѣ тщательнаго дознанія относительно ихъ дѣйствій. Затѣмъ установлялась слѣдующая организація національной гвардіи: Каждый батальонъ избиралъ особый комитетъ; комитеты эти составляли изъ своей среды „совѣтъ легіона"; эти совѣты должны были въ свою очередь посылать делегатовъ въ Центральный комитетъ. На обязанности комитетовъ и совѣтовъ лежала „забота обо всѣхъ интересахъ національной гвардіи, противодѣйствіе всякой попыткѣ къ обезоруженію ея, защита республиканскихъ учрежденій и составленіе проекта о преобразованіи всѣхъ вооруженныхъ силъ страны". Кромѣ этихъ трехъ инстанцій учеждалось еще „общее собраніе делегатовъ отъ ротъ національной гвардіи", какъ высшая совѣщательная инстанція по всѣмъ дѣламъ, касающимся этой вооруженной силы. По прочтеніи этого устава было рѣшено немедленно ввести его въ дѣйствіе, и такимъ образомъ „Центральный комитетъ", существовавшій до сихъ поръ какъ временное учрежденіе, сдѣлался учрежденіемъ съ опредѣленной организаціей. По предложенію Варлена было рѣшено подвергнуть перепзбранію всѣхъ начальниковъ

національной гвардіи. Затѣмъ нѣкто Бурсье внесъ слѣдующее предложеніе: „Въ случаѣ еслибы, какъ о томъ ходятъ слухи, мѣстопребываніе правительства было перенесено въ другой городъ, кромѣ Парижа, послѣдній немедленно образуетъ изъ себя независимую республику“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы собраніе сдѣлало постановленіе относительно этого предложенія въ слѣдующемъ же своемъ засѣданіи. Въ этомъ засѣданіи, происходившемъ 13-го марта, было заявлено, что 215 батальоновъ національной гвардіи присоединились къ прочитанному въ засѣданіи 3 марта уставу, избрали на основаніи его своихъ делегатовъ и признали власть „Центральнаго комитета“. Затѣмъ Гарибальди былъ избранъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи, Люлье — начальникомъ ея артиллеріи, Жакляръ и Фальто—начальниками легіоновъ. Эти три послѣднія лица составили изъ себя исполнительную коммиссію, которая должна была принять необходимыя мѣры въ виду разныхъ случайностей.

Изо всего вышесказаннаго очевидно, что правительство было совершенно право, утверждая впослѣдствіи, что самопроизвольная организація національной гвардіи имѣла цѣль не только военно-административную, но и политическую, выражавшуюся въ ясно-высказанномъ ею намѣреніи „предъупредить всякую попытку въ видахъ ниспроверженія республики“. Но оно было не совсѣмъ право, называя эту организацію „секретной“ и увѣряя, что до 18 марта оно ничего не знало о существованіи ея. Доказано, что еще въ началѣ марта одинъ изъ членовъ „Центральнаго комитета“ вошелъ въ сношенія, сначала личныя, а потомъ и письменныя, съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Пикаромъ и что сношенія эти имѣли предметомъ дѣятельность комитета.

Тьеръ слѣдующимъ образомъ отозвался въ слѣдственной коммиссіи по поводу двойственнаго начальства національной гвардіи, обнаруживавшагося въ теченіе марта мѣсяца: „Я назначилъ ей начальникомъ храбраго генерала Орель-де-Паладина; вскорѣ по прибытіи своемъ въ Парижъ онъ замѣтилъ странную вещь, а именно, что батальоны ея повиновались болѣе какой-то другой вла-

сти, чѣмъ ему. Полиція старалась разъяснить эту тайну, но ей удалось только узнать, что многіе батальоны, и притомъ самые ненадежные, заключили между собою какой-то союзъ. Этотъ союзъ огранизовался при помощи того „Центральнаго комитета“, о которомъ вы, конечно, слышали, и этотъ то комитетъ всѣмъ распоряжался. Генерала Ореля никто не слушалъ; національная гвардія имѣла въ это время характеръ враждебной намъ силы.“—Самъ генералъ Орель-де-Паладинъ далъ въ слѣдственной коммиссіи слѣдующее интересное показаніе: „Я вступилъ въ должность начальника національной гвардіи 3-го марта и сохранилъ ее до 18-го числа. По прибытіи моемъ въ Парижъ я не могъ не замѣтить, что настроеніе національной гвардіи было самое ненадежное. Я даже говорилъ въ то время г. Тьеру, что не могу принять на себя начальствованія ею при подобныхъ обстоятельствахъ; но г. Тьеръ убѣдилъ меня не отказывать правительству въ моей поддержкѣ въ тогдашнія трудныя времена. Пожелавъ лично ознакомиться съ духомъ національной гвардіи, я, на другой же день по прибытіи моемъ, сталъ приглашать къ себѣ поочередно начальниковъ батальоновъ; кромѣ того я просилъ мэровъ созвать по округамъ офицеровъ, чтобы побесѣдовать съ ними о положеніи Парижа и о тѣхъ опасеніяхъ, какія оно внушало. Эти собранія продолжались дней пять. Я вынесъ изъ нихъ убѣжденіе, что лишь нѣкоторые батальоны могли считаться надежными, но что большинство было сильно склонно къ возстанію. Почти каждый вечеръ генералъ Винуа и я указывали префекту полиціи на различныя сборища, сначала тайныя, а потомъ совершенно открытыя. Мы указывали ему также коммиссаровъ, назначенныхъ національными гвардейцами—Дюваль, Анри и десятка два другихъ—которые каждую ночь собирались въ извѣстныхъ намъ мѣстахъ; мы требовали арестованія ихъ. Тогдашній префектъ полиціи, Шоппенъ, отвѣчалъ намъ, что при незначительномъ числѣ находящихся въ его распоряженіи полицейскихъ чиновъ онъ не въ состояніи произвести требуемыхъ арестовъ; всѣ наши настоянія въ этомъ отношеніи остались безплодными. Я сказалъ выше, что нѣсколько батальоновъ оказались болѣе надежными,

чѣмъ большинство; но такихъ батальоновъ было всего до 30 на 260. Я пригласилъ къ себѣ начальниковъ этихъ батальоновъ и спросилъ ихъ, можно-ли разсчитывать на ихъ команды въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ? Всѣ они мнѣ отвѣчали, что никогда національные гвардейцы не согласятся сражаться противъ національныхъ же гвардейцевъ. И дѣйствительно, когда 18-го марта утромъ ударили тревогу въ кварталахъ, къ которымъ принадлежали эти батальоны, на призывъ явилось только человѣкъ 10—12 изъ каждаго батальона. Словомъ, національные гвардейцы, во время моего непродолжительнаго начальствованія ими, выказывали явное желаніе дѣлать какъ разъ противное тому, чего отъ нихъ требовали".— Начальникъ штаба генерала Ореля, Роже, далъ въ коммиссіи подобныя же объясненія: „Тотчасъ же по прибытіи нашемъ въ Парижъ"— говорилъ онъ— „для меня стало ясно, что возстаніе въ то время было уже вполнѣ организовано и что силы его весьма значительны. Центральный комитетъ дѣйствовалъ весьма энергически; онъ имѣлъ прочную организацію, пользовался большимъ авторитетомъ, большинство національной гвардіи признавало его власть, и даже часть немногихъ сравнительно-надежныхъ батальоновъ была расположена къ нему. Число этихъ надежныхъ батальоновъ мнѣ опредѣлили, по прибытіи моемъ въ Парижъ, въ 43, но я очень скоро убѣдился, что на самомъ дѣлѣ мы могли разсчитывать на преданность много-много 20—23 батальоновъ. Всѣ болѣе или менѣе искренно опасались со стороны Національнаго Собранія покушеній противъ республики; очень многіе видѣли въ назначеніи начальникомъ національной гвардіи генерала Ореля, человѣка извѣстнаго своей энергіей, предвѣстіе близкаго государственнаго переворота. Въ теченіе цѣлой недѣли мы ежедневно убѣждали офицеровъ, что Національное Собраніе и не думаетъ посягать на республику, что никто не помышляетъ о государственномъ переворотѣ. Генералъ Орелъ-де-Паладинъ, говорилъ имъ: „Еслибы вздумали совершить „государственный переворотъ, я отказался бы содѣйствовать тому, „меня тогда не было бы здѣсь; ручаюсь вамъ въ томъ моимъ

„честнымъ словомъ“. Но мы не могли не замѣтить, что намъ плохо вѣрили“.

Итакъ на національную гвардію, даже на болѣе умѣренные ея элементы, правительству нечего было разсчитывать. Въ ожиданіи грядущихъ событій ему слѣдовало искать опоры только въ регулярной арміи. Вотъ нѣсколько любопытныхъ сообщеній, сдѣланныхъ по этому предмету Тьеромъ въ слѣдственной коммиссіи: „Тотчасъ же по подписаніи предварительнаго мира я увидѣлъ, что намъ прійдется выдержать ужасную борьбу. Я предписалъ военному министру, генералу Лефло, направить къ столицѣ возможно большее число войскъ. Между тѣмъ мнѣ ежедневно писали: „Невозможно сдерживать на такомъ большемъ разстояніи раздраженную толпу; Національному Собранію не слѣдуетъ оставаться въ Бордо; нужно приблизить его къ Парижу“. Возвращеніе въ самый Парижъ я считалъ невозможнымъ, въ виду тогдашняго настроенія населенія; но я тоже находилъ необходимымъ приблизиться къ Парижу. Нѣкоторые предлагали мѣстопребываніемъ Собранія Фонтенбло; но я совѣтовалъ избрать Версаль, и мое мнѣніе прошло. Пока рѣшался этотъ вопросъ, я не переставалъ твердить генералу Лефло, что у насъ въ Парижѣ слишкомъ мало солдатъ, что нужно собрать къ столицѣ всѣ войска, которыми мы могли располагать. Въ то время мы могли послать къ Парижу не болѣе 15,000 человѣкъ, частью собранныхъ въ Бордо, частью принадлежавшихъ къ прежней луарской арміи; но послѣдніе были въ значительной мѣрѣ деморализованы плачевнымъ исходомъ совершонной ими недавно кампаніи. Кромѣ того въ нашемъ распоряженіи было отъ 2,000 до 3,000 чел. морской пѣхоты, которою начальствовалъ храбрый адмиралъ Брюа. По прибытіи этихъ силъ въ Парижъ, гдѣ въ то время стояли двѣ дивизіи генерала Винуа, къ которымъ присоединилось нѣсколько разрозненныхъ отрядовъ, численность войскъ въ столицѣ была доведена до 40,000 человѣкъ. Но какъ разъ въ это время приходилось отпускать на родину многихъ, уже выслужившихъ свои сроки; мы не хотѣли ихъ оставлять на службѣ по истеченіи сроковъ послѣдней, не желая увеличивать числа недовольныхъ въ рядахъ ар-

мiи. Словомъ, къ 18 марта у насъ было на-лицо не болѣе 24—25 тысячъ человѣкъ, частью усталыхъ и деморализованныхъ. При громадныхъ размѣрахъ Парижа, при необходимости содержать караулы и охранять берега Сены, это число не можетъ не считаться крайне-ничтожнымъ. Намъ нужно было по меньшей мѣрѣ еще тысячъ 40 или 50, а взять ихъ было негдѣ. Въ виду волненiя, все замѣтнѣе и замѣтнѣе обнаруживавшагося въ Парижѣ, благоразумiе требовало бы немедленныхъ энергическихъ дѣйствiй, а средствъ къ тому не было. Положенiе правительства было по-истинѣ ужасно. Въ это время на парижскихъ укрѣпленiяхъ было до 2,000 орудiй; они, впрочемъ, были неопасны для насъ; но кромѣ того внутри Парижа было до 250 орудiй, захваченныхъ нацiональной гвардiей и которыхъ мы не могли оставить въ ея рукахъ. Нѣсколько разъ мнѣ обѣщали выдать ихъ, но выдача эта не послѣдовала".

Мы упомянули уже выше о томъ, какимъ образомъ эти орудiя попали въ руки нацiональныхъ гвардейцевъ. Наканунѣ вступленiя пруссаковъ въ Парижъ распространился слухъ, что въ Пасси, Нельи, на Ваграмскомъ проспектѣ и въ паркѣ Монсо, т. е. въ мѣстностяхъ, которыя должны быть заняты пруссаками, осталось значительное число пушекъ. Изъ опасенiя, чтобы пруссаки не захватили этихъ орудiй, „Центральный комитетъ" велѣлъ ударить въ набатъ, собравшiеся поспѣшно батальоны направились въ указанные пункты, и каждый изъ нихъ постарался отвезти въ безопасныя мѣста возможно большее число пушекъ. Это было исполнено съ большою поспѣшностью, и потому безъ особаго порядка. Орудiя были отвезены въ разныя мѣста: на Королевскую площадь, въ Бельвиль, въ Ла-Вильеттъ, на Шомонскiя и Монмартрскiя высоты. Особенно много было ихъ на Монмартрѣ: населенiе этого квартала увезло болѣе всего орудiй. Всюду были устроены импровизированные артиллерiйскiе парки, и батальоны нацiональной гвардiи учредили караулы для охраненiя ихъ. Въ это же время въ Монмартрскомъ кварталѣ происходило собранiе, въ которомъ рѣшено было разставить пушки на высотахъ, съ тѣмъ, „чтобы держать въ страхѣ монархистовъ, которые вздумали бы навязать Парижу форму прав-

ленія, несогласную съ его стремленіями". Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было образовать, независимо отъ „федераціи національной гвардіи" и „Центральнаго комитета", особый, мѣстный комитетъ, который долженъ былъ заботиться о защитѣ Монмартрскаго округа. Этотъ комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ полякъ Ландовскій, немедленно началъ дѣйствовать: онъ согласился принять услуги артиллеристовъ и инженеровъ національной гвардіи, и послѣдніе принялись за проведеніе траншей вокругъ Монмартрскихъ высотъ. Еще прежде чѣмъ былъ избранъ этотъ комитетъ состоялось собраніе лицъ, находившихъ, что Монмартрскому предмѣстью не слѣдуетъ вступать на такой открыто-революціонный путь. Въ этомъ собраніи была принята резолюція о томъ, что слѣдуетъ возвратить пушки правительству; эта резолюція была напечатана въ газетѣ „Rappel"; но большинство монмартрскихъ батальоновъ отнеслось неодобрительно къ этому рѣшенію и оно осталось неисполненнымъ.

Около этого времени генералъ Винуа, въ качествѣ генералъ-губернатора Парижа, прекратилъ изданіе нѣкоторыхъ газетъ. „Figaro" и другіе журналы убѣждали правительство прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ. Неудовольствіе среди населенія Монмартра росло; пушки, разставленныя на его высотахъ и обращенныя противъ города, пугали мирныхъ буржуа; часть послѣднихъ открыто изъявляла желаніе, чтобы правительство прибѣгло наконецъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ для отнятія пушекъ у національныхъ гвардейцевъ; другіе, напротивъ, полагали, что пушками можно овладѣть при помощи переговоровъ и умѣреннаго образа дѣйствій, что ребячество національныхъ гвардейцевъ не можетъ долго продлиться, что охранителямъ пушекъ скоро надоѣстъ стеречь ихъ.

Таково было положеніе Парижа вообще, и Монмартрскаго предмѣстья въ частности, когда правительство вдругъ предприняло неожиданную ночную экспедицію, въ ночь съ 17 на 18-е марта, съ цѣлью овладѣть орудіями, расположенными на высотахъ Монмартра и Шомона. Тьеръ слѣдующимъ образомъ объяснилъ въ слѣдственной коммиссіи это свое рѣшеніе: „Мы вступили въ переговоры съ лицами, завладѣвшими пушками. Я не зналъ людей, съ

которыми приходилось вести переговоры и, однакоже, не отказался отъ послѣднихъ. Они мнѣ отвѣтили сначала, что тутъ произошло недоразумѣніе и что они готовы возвратить пушки; но рядомъ съ этимъ раздавались голоса, утверждавшіе, что пушекъ отнюдь не слѣдуетъ возвращать. Дѣловые люди тѣмъ временемъ не переставали твердить: „Порядокъ никогда не возстановится, пока не „справятся съ нарушителями его, пока не отнимутъ у нихъ пу„шекъ. Нужно покончить съ ними, и тогда только можно толко„вать о дѣлахъ“. (Вопросъ шелъ о томъ, чтобы собрать суммы, необходимыя для уплаты пруссакамъ перваго взноса военной контрибуціи). Мысль о томъ, что нужно отнять пушки, вообще преобладала и трудно было ей противиться. Три или четыре раза возобновлялась комедія, которую разъигрывали лица, завладѣвшія пушками. Разъ переговоры, казалось, настолько подвинулись впередъ, что я велѣлъ отправить на Королевскую площадь лошадей, которыя должны были увезти возвращаемыя намъ орудія; но тѣмъ временемъ крайняя партія одержала верхъ, и когда посланные нами офицеры и лошади явились на мѣсто, первыхъ встрѣтили вопросомъ: „чего вамъ здѣсь нужно?“ и прогнали ихъ прочь. Этотъ фактъ получилъ большую огласку; съ нами поступили такъ дерзко, что я, всячески старавшійся избѣгать рѣзкихъ мѣръ, убѣдился, что отступленіе невозможно и что намъ непремѣнно нужно постараться отнять у бунтовщиковъ ихъ артиллерію. Мы стали совѣщаться объ этомъ предметѣ. Я спросилъ у генерала Орель-де-Паладина, можно ли разсчитывать на содѣйствіе намъ въ этомъ дѣлѣ лучшей части національной гвардіи? Онъ отвѣтилъ мнѣ отрицательно. Нужно было что-нибудь предпринять. Я очень хорошо понималъ, что въ случаѣ неудачи намъ прійдется покинуть Парижъ; но въ то же время я сознавалъ, что нужно постараться овладѣть пушками во что бы то ни стало; мы находились въ такихъ обстоятельствахъ, что рискъ былъ неизбѣженъ. Генералъ Винуа отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ: „У насъ очень мало войска, однако „занять высоты не невозможно. Приказывайте: я солдатъ, и буду „повиноваться“. Мы еще разъ собрались для совѣщаній. Я созна-

валъ, что мы дѣлаемъ отчаянный шагъ, успѣхъ котораго весьма сомнителенъ; но нельзя было не рискнуть этого шага".—Генералъ Винуа показалъ въ слѣдственной коммиссіи, что онъ съ самаго начала высказывался противъ отнятія силою орудій у національной гвардіи. „Во-первыхъ"—говорилъ онъ—„у меня для того не было средствъ. Отъ меня требовали, чтобъ я отнялъ пушки и въ то же время людямъ, охранявшимъ ихъ, государство платило по полтора франка въ день; нужно было начать съ прекращенія этой субсидіи. Но я не могъ добиться этого, точно также какъ не могъ настоять на арестованіи Дюваля, Анри, Разуа и др. Я требовалъ ихъ арестованія у префекта полиціи, но онъ ссылался на недостаточность своихъ средствъ и предлагалъ мнѣ арестовать ихъ съ помощью находившихся подъ моимъ начальствомъ солдатъ. Но я не могъ на это согласиться, имѣя въ моемъ распоряженіи какихъ нибудь 12,000 солдатъ, а противъ меня триста тысячъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ. Въ виду этого же обстоятельства я не одобрялъ и мысли объ отнятіи пушекъ силою. Но тѣмъ временемъ г. Тьеръ прибылъ въ Парижъ; 20 марта, Національное Собраніе должно было собраться въ Версалѣ; правительству непріятно было видѣть орудія въ рукахъ бунтовщиковъ; въ совѣтѣ министровъ безпрестанно возвращались къ этому вопросу. Тщетно я указывалъ на безуспѣшность дѣлавшихся до сихъ поръ попытокъ отнять орудія, на то, что я уже неоднократно высылалъ лошадей для того, чтобы отвезти ихъ, и что этихъ лошадей отсылали обратно. Съ тѣми незначительными силами, которыя находились въ моемъ распоряженіи, я не могъ и думать о томъ, чтобы вступить въ открытый бой для того, чтобы отнять пушки; въ крайнемъ случаѣ я могъ только рискнуть произвести нападеніе врасплохъ. Но правительство настаивало; оно утверждало, что до прибытія Національнаго Собранія въ Версаль пушки должны быть отняты. Итакъ въ пятницу, 17 марта, было рѣшено сдѣлать послѣднюю попытку, и мнѣ поручено было исполненіе ея. Я повиновался".—Тогдашній военный министръ, генералъ Лефло, прибывшій изъ Бордо въ Парижъ лишь наканунѣ возстанія, 17 марта,

объяснилъ въ слѣдственной коммиссіи, что когда онъ пріѣхалъ, приготовленія къ завладѣнію пушками были уже сдѣланы. Онъ потребовалъ, чтобы его, какъ военнаго министра, ознакомили со всѣми обстоятельствами этого дѣла. Генералъ Винуа развилъ передъ нимъ свой планъ. Лефло нашелъ сдѣланныя распоряженія довольно легкомысленными и высказалъ свои замѣчанія по поводу ихъ въ совѣтѣ министровъ. Послѣ довольно оживленныхъ преній онъ сказалъ: „Я уступаю, потому что большинство совѣта не раздѣляетъ моего мнѣнія; но я увѣренъ, что эта мѣра будетъ имѣть очень важныя и неблагопріятныя для насъ послѣдствія, и еслибы мнѣ еще разъ пришлось очутиться въ такомъ положеніи, я скорѣе вышелъ бы въ отставку, чѣмъ согласился на такой рискованный шагъ“.

Итакъ было рѣшено силою отнять орудія у національной гвардіи. и исполненіе этого рѣшенія было назначено на 18-е марта. Въ слѣдующей главѣ мы обратимся къ этому, столь богатому последствіями, факту. Теперь же, прежде чѣмъ перейти къ изложенію возстанія 18 марта и дальнѣйшихъ его результатовъ, мы считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на двухъ вопросахъ. сильно интересовавшихъ въ свое время парижанъ, а именно на вопросахъ о томъ, не было возстаніе 18 марта, въ извѣстной мѣрѣ. результатомъ происковъ пруссаковъ и бонапартистовъ, и если было. то въ чемъ именно выразились эти происки?

Предположеніе относительно участія въ этомъ дѣлѣ пруссаковъ яснѣе и опредѣленнѣе всего было высказано генераломъ Трошю; эта мысль сдѣлалась даже какъ бы конькомъ его и онъ неоднократно высказывалъ ее, какъ въ своихъ показаніяхъ, данныхъ передъ слѣдственной коммиссіей, такъ и въ изданныхъ имъ впослѣдствіи мемуарахъ. „Меня всегда поражало“—говорилъ онъ, между прочимъ, въ коммиссіи—„то, что князь Бисмаркъ, выказывая, повидимому, полнѣйшую готовность вступать съ нами въ соглашенія, постоянно умѣлъ устраивать дѣла такимъ образомъ, чтобъ уничтожить всякіе полезные для насъ результаты состоявшихся между нами соглашеній; словомъ, на основаніи многихъ фактовъ, во мнѣ сложилось убѣжденіе, что онъ задался мыслью ввергнуть Францію,

по окончаніи войны, въ анархію и довершить ея гибель". Упомянувъ затѣмъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, объ извѣстномъ требованіи пруссаковъ, чтобы парижская армія была обезоружена, между тѣмъ какъ національная гвардія сохранила свое оружіе, Трошю указалъ на то обстоятельство, что Коммуна, восторжествовавъ въ Парижѣ, поспѣшила войти въ сношенія съ пруссаками, несмотря на проповѣдывавшуюся прежде агитаторами непримиримую ненависть къ нѣмцамъ. Она признала предварительныя условія мира, всячески заботилась о томъ, чтобы пруссаки не лишались ни одного изъ преимуществъ, предоставленныхъ имъ предварительнымъ мирнымъ договоромъ, поддерживала съ ними дружескія сношенія, вступала съ ними въ переписку; пруссаки отвѣчали ей, прусскіе генералы адресовали свои письма „коменданту Парижа", и проч. Этотъ нейтралитетъ Пруссіи, одинаково безпристрастной для законнаго правительства и для бунтовщиковъ, удивлялъ и приводилъ въ негодованіе генерала Трошю и являлся въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ участія Пруссіи въ возстаніи Коммуны. Бывшій парижскій генералъ-губернаторъ объявилъ также въ коммиссіи, что еще въ самомъ началѣ прусской осады ему указали на Домбровскаго, игравшаго такую видную роль при Коммунѣ, какъ на прусскаго агента, шнырявшаго постоянно между Парижемъ и непріятельскими аванпостами. Трошю велѣлъ даже арестовать его, но онъ былъ вскорѣ освобожденъ вслѣдствіе ходатайства одного польскаго генерала, причисленнаго къ турецкому посольству въ Парижѣ. Это, по правдѣ сказать, довольно оригинальное мнѣніе генерала Трошю объ участіи пруссаковъ въ возстаніи Коммуны не раздѣлялось даже его товарищами по министерству. Такъ напр. Фавръ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, показанія котораго по этому предмету заслуживаютъ, конечно, не менѣе вѣры, чѣмъ показанія Трошю, категорически отвѣтилъ въ коммиссіи на вопросъ виконта Мо, что ничто, по его мнѣнію, не подтверждаетъ справедливости этого предположенія. Онъ прибавилъ, что очень многіе раздѣляли и раздѣляютъ мнѣніе Трошю, но онъ, Фавръ, все-таки убѣжденъ, что и Трошю, и тѣ, которые раздѣляютъ его

мнѣніе по этому предмету, ошибаются. „Послѣ 18 марта"—сказалъ Фавръ—„мнѣ то и дѣло приходилось отклонять предложенія пруссаковъ, которые вызывались уничтожить Коммуну. Правда, что начальникъ прусскихъ войскъ въ Компьенѣ счелъ возможнымъ обратиться съ письмомъ къ инсуррекціонному правительству Парижа; но я написалъ по этому поводу въ прусскій главный штабъ, и тотъ поспѣшилъ извиниться. Мы просили у пруссаковъ согласія на усиленіе нашихъ вооруженныхъ силъ въ окрестностяхъ Парижа, и они разрѣшили намъ это. Несомнѣнно, что Коммуна имъ самимъ внушала серьозныя опасенія, такъ какъ они сомнѣвались въ возможности получить при ней слѣдующую имъ военную контрибуцію. Вообще я не могу раздѣлить мнѣнія генерала Трошю, будто кн. Бисмаркъ считалъ выгоднымъ для Пруссіи и желалъ распространенія во Франціи анархіи. Анархія могла бы повести къ новой войнѣ между Франціей и Германіей, а кн. Бисмаркъ въ то время искренно желалъ мира. Стремленіе ввергнуть Францію въ анархію свидѣтельствовало бы только о глубокой ненависти Бисмарка къ Франціи; но хотя я и не думаю, чтобы германскій канцлеръ особенно любилъ насъ, однако я считаю его слишкомъ хорошимъ политикомъ, чтобы предположить въ немъ желаніе принести въ жертву несомнѣнные интересы своей страны слѣпому и неразумному чувству ненависти. Вообще я полагаю, что могу составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о кн. Бисмаркѣ, съ которымъ я постоянно находился въ личныхъ сношеніяхъ, чѣмъ генералъ Трошю, который его никогда не видѣлъ и котораго я не могу признать въ этомъ случаѣ компетентнымъ судьею. Я нимало не сомнѣваюсь въ искренности убѣжденій генерала, но я полагаю, что они сложились у него на основаніи слуховъ, предположеній, но не фактовъ, а намъ слѣдуетъ держаться исключительно фактовъ".—Другой членъ правительства народной обороны, министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ, тоже заявилъ въ слѣдственной коммиссіи, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія Трошю относительно соучастія пруссаковъ въ возстаніи Коммуны.—Бывшій префектъ полиціи, Шоппенъ, показалъ по поводу арестованія Домбровскаго, котораго Трошю считалъ прусскимъ агентомъ,

что дѣйствительно Домбровскій былъ арестованъ во время осады за то, что, разговаривая однажды на улицѣ по-нѣмецки съ другимъ полякомъ, онъ сказалъ ему: „Дѣла идутъ хорошо. Завтра мы услышимъ кое-что новенькаго“. По указанію одной актрисы, знавшей Домбровскаго и понявшей его нѣмецкую фразу, національные гвардейцы арестовали обоихъ собесѣдниковъ; у нихъ произведенъ былъ обыскъ, но не найдено никакихъ уликъ, которыя подтвердили бы сношенія ихъ съ непріятелемъ, и они были освобождены.—Правда, адмиралъ Сессэ тоже раздѣлялъ мнѣніе Трошю по поводу пруссаковъ, и даже показалъ въ слѣдственной коммиссіи, что когда какой-то версальскій агентъ предложилъ генералу Клюзре извѣстную денежную сумму, если тотъ согласится впустить версальцевъ въ Парижъ, Клюзре будто бы отвѣтилъ, что ему слишкомъ хорошо платитъ кн. Бисмаркъ и что поэтому версальскому правительству не удастся его подкупить. Адмиралъ Сессэ прибавилъ даже, что, какъ ему сообщали, кн. Бисмаркъ израсходовалъ на этотъ предметъ не менѣе 34 милл. фр. Но Жюль Фавръ, къ которому обратились съ вопросомъ по этому предмету, весьма основательно отвѣтилъ указаніемъ на неопредѣленность, шаткость и неправдоподобіе всѣхъ этихъ слуховъ. Словомъ, изъ тщательныхъ разслѣдованій, произведенныхъ слѣдственной коммиссіей, не обнаружилось ни одного сколько-нибудь серьознаго факта, который хотя мало-мальски оправдывалъ бы предположеніе о томъ, будто пруссаки подготовили и поддерживали возстаніе 18 марта.

Гораздо болѣе интересными, хотя тоже недостаточно опредѣленными, являются разоблаченія, сдѣланныя въ слѣдственной коммиссіи относительно предполагаемаго участія бонапартистовъ въ возникновеніи и въ дѣяніяхъ парижской Коммуны. По этому поводу генералъ Трошю тоже далъ въ слѣдственной коммиссіи показанія, впрочемъ еще болѣе неопредѣленныя, чѣмъ относительно мнимаго участія пруссаковъ въ возстаніи 18-го марта. Онъ высказалъ мнѣніе, что наполеоновское правительство, всячески домогаясь популярности, прибѣгало къ всевозможнымъ, дозволеннымъ и недозволеннымъ, средствамъ, и, между прочимъ, любило заигрывать съ демагогіей. Онъ нахо-

дитъ, что вторая имперія и демагогія были „сіамскіе близнецы, тѣсно сросшіеся между собою, хотя, въ сущности, враждебные другъ другу“. Онъ напомнилъ о томъ, какъ извѣстный депутатъ-рабочій Толенъ объявилъ съ трибуны, что интернаціоналы, желая провезти во Францію одно изъ своихъ печатныхъ произведеній, вступили въ переговоры съ тогдашнимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и что имъ было обѣщано требуемое разрѣшеніе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ означенномъ произведеніи было упомянуто о либерализмѣ второй имперіи.—Жюль Фавръ отвѣтилъ въ слѣдственной коммиссіи, что онъ не имѣетъ подъ рукой никакихъ фактовъ, которые давали бы ему право обвинять бонапартистовъ въ томъ, что они подготовили возстаніе 18-го марта; но Фавръ, являющійся въ извѣстной мѣрѣ авторитетомъ, когда дѣло касается участія во французскихъ событіяхъ иностранной державы, съ которою онъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, не можетъ считаться такимъ же авторитетомъ по вопросамъ внутренней политики. Въ этомъ отношеніи гораздо интереснѣе и важнѣе показанія тѣхъ членовъ правительства народной обороны, которымъ приходилось болѣе слѣдить за происками внутреннихъ партій, чѣмъ за дѣйствіями иностранныхъ державъ. А между тѣмъ вотъ что показалъ по этому предмету министръ внутреннихъ дѣлъ при правительствѣ народной обороны, Эрнестъ Пикаръ: „Что касается участія въ возстаніи бонапартистовъ, то я полагаю, что дѣло не обошлось безъ ихъ содѣйствія“. — Эдмонъ Адамъ, бывшій префектомъ полиціи до 31-го октября 1870 года, слѣдующимъ образомъ отозвался объ этомъ предметѣ въ слѣдственной коммиссіи: „До 31-го октября я обращалъ особенное вниманіе на происки бонапартистовъ, хотя я и старался не давать огласки этому дѣлу; я выслѣживалъ ихъ втайнѣ, даже помимо чиновниковъ полицейской префектуры, которые казались мнѣ недостаточно благонадежными въ этомъ отношеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ октября 1870 года бонапартистская партія замѣтно пріободрилась, что тутъ и тамъ появлялись ея агенты, проникавшіе въ Парижъ черезъ прусскія линіи; вообще видно было, что

затѣвалось что-то. Послѣ 31-го октября прусскіе агенты, проникавшіе въ Парижъ, исчезли, точно по какому-то волшебному знаку. Около того же времени я самъ покинулъ полицейскую префектуру, и потому не могъ уже такъ бдительно слѣдить за ними; но я убѣжденъ, что тѣ же причины, которыя побуждали ихъ подготовлять революціонную вспышку 31-го октября, должны были вызвать и участіе ихъ въ подготовленіи возстанія 18-го марта".— Наконецъ тутъ-же нелишнимъ будетъ указать на два мѣста изъ показаній парижскаго префекта полиціи передъ 18-мъ марта, Шоппена, и чиновника муниципальной полиціи, Ансара, касательно Вермореля, игравшаго одну изъ самыхъ выдающихся ролей при Коммунѣ, но считавшагося, какъ при Коммунѣ, такъ еще и во время второй имперіи, наполеоновскимъ агентомъ. Приводимъ дословно отрывокъ діалога, происходившаго въ слѣдственной коммиссіи между однимъ изъ ея членовъ, Дельпи, и Шоппеномъ. Дельпи: „Извѣстно ли вамъ что-нибудь о сношеніяхъ Вермореля съ императоромъ Наполеономъ? Полагаете ли вы, что Верморель получалъ субсидіи отъ наполеоновскаго министра внутреннихъ дѣлъ?" Шоппенъ: „Я объ этомъ знаю только по слухамъ". Дельпи: „Имѣете ли вы какія-нибудь основанія считать справедливымъ слухъ, что статьи Вермореля писались въ кабинетѣ министра внутреннихъ дѣлъ?" Шоппенъ: „Скорѣе въ кабинетѣ г. Руэра". Дельпи: „Или въ кабинетѣ графа Лавалетта, его „alter ego?". Шоппенъ: „Я не знаю ничего опредѣленнаго о Верморелѣ. Я слышалъ, что стараніями бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ Клиши была организована демонстрація, направленная противъ членовъ лѣвой стороны въ Законодательномъ Корпусѣ, и что въ этой демонстраціи участвовалъ Верморель. При этомъ у входа въ сосѣднюю кофейню стоялъ одинъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разсылавшій своихъ клевретовъ, которымъ поручено было оскорблять Пельтана, Жюля Симона и другихъ непріятныхъ правительству членовъ лѣвой стороны". Ансаръ тоже подтвердилъ, что, по слухамъ, Верморель служилъ имперіи въ качествѣ секретнаго агента, прибавивъ, впрочемъ, что онъ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ пред-

метѣ, такъ какъ секретный полицейскій надзоръ не входилъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній о причинахъ, вызвавшихъ возстаніе 18-го марта, и о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно вспыхнуло, мы перейдемъ къ описанію самаго возстанія и его ближайшихъ послѣдствій.

ГЛАВА III.

Аттака монмартскихъ высотъ и отступленіе войскъ. — Умерщвленіе генераловъ Клемана Тома и Леконта. — Успѣхи инсургентовъ. — Удаленіе правительства и отступленіе войскъ въ Версаль. — Взятіе Ратуши. — Попытки муниципальныхъ властей достигнуть соглашенія. Общія соображенія по поводу событій 18-го марта.

18-го марта, рано утромъ, на улицахъ Парижа появилась слѣдующая прокламація правительства, окончательно редижированная наканунѣ, поздно вечеромъ.

„Обитатели Парижа! Обращаемся къ вамъ, къ вашей разсудительности, къ вашему патріотизму, и смѣемъ надѣяться, что мы будемъ услышаны. Вашъ большой городъ, который можетъ жить только подъ условіемъ полнаго порядка, смущается нѣкоторыми кварталами; эти смуты, не распространяясь на другіе кварталы, мѣшаютъ, однако, правильному отправленію труда и возвращенію благосостоянія. Въ послѣднее время нѣсколько злонамѣренныхъ людей, подъ предлогомъ сопротивленія пруссакамъ, которыхъ уже нѣтъ болѣе въ нашихъ стѣнахъ, сдѣлались самовластными господами части города, воздвигли тамъ укрѣпленія, содержатъ тамъ караулы, заставляютъ васъ содержать караулы вмѣстѣ съ ними, повинуясь предписаніямъ какого-то неизвѣстнаго комитета, осмѣливающагося давать предписанія части національной гвардіи, не признающаго власти генерала Ореля, достойнаго вашего начальника, и желающаго образовать какое-то отдѣльное правительство, независимое отъ правительства, избраннаго вами путемъ всенароднаго голосованія. Эти люди, уже причинившіе вамъ столько зла, люди, которыхъ вы сами

разсѣяли 31-го октября, предъявляютъ притязаніе на то, чтобы защищать васъ противъ пруссаковъ, которые только на короткое время показались въ вашихъ стѣнахъ. Эти люди не обращаютъ вниманія на то, что производимые ими безпорядки могутъ лишь отсрочить окончательно удаленіе нашихъ недавнихъ непріятелей. Они направляютъ противъ васъ, противъ вашихъ дѣтей, противъ вашихъ домовъ пушки, которыми они овладѣли самовольно; они компрометируютъ республику, вмѣсто того чтобы защищать ее, такъ какъ республика окончательно погибнетъ, если во Франціи установится убѣжденіе, что слово „республика" тожественно съ словомъ „безпорядокъ". Не вѣрьте имъ и слушайте то, что мы говоримъ вамъ совершенно искренно. Правительство, установленное цѣлой націей, уже давно могло бы возвратить себѣ пушки, отнятыя у государства и угрожающія въ настоящую минуту только вамъ, взять тѣ смѣшныя укрѣпленія, которыя угрожаютъ только торговлѣ, и передать въ руки правосудія преступниковъ, желающихъ вызвать междоусобную войну тотчасъ по окончаніи внѣшней войны; но оно желало дать людямъ, введеннымъ въ заблужденіе, время опомниться, отстать отъ обманщиковъ. Долготерпѣніе его не можетъ, однако, продолжаться далѣе извѣстнаго предѣла, безъ ущерба для вашего спокойствія, для вашего благосостоянія, для благосостоянія всей Франціи. До тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться настоящій порядокъ вещей, торговля не можетъ возродиться, ваши лавки не могутъ наполниться покупателями, заказы ни откуда не могутъ явиться, кредитъ не можетъ быть возстановленъ, капиталы, въ которыхъ нуждается правительство для освобожденія страны отъ присутствія непріятеля, не могутъ быть реализованы. Поэтому правительство рѣшилось дѣйствовать энергически, въ вашихъ интересахъ, въ интересахъ вашего города, въ интересахъ всей Франціи. Преступники, вздумавшіе установить какое-то собственное свое правительство, будутъ отданы въ руки правосудія; пушки, отнятыя у государства, будутъ возвращены въ арсеналы. Правительство надѣется на ваше содѣйствіе для исполненія этого справедливаго и разумнаго дѣла. Пусть добрые граждане отдѣлятся отъ

дурныхъ, пусть они помогаютъ правительству, вмѣсто того чтобы противодѣйствовать ему. Они ускорятъ тѣмъ возвращеніе столицѣ благосостоянія и окажутъ существенную услугу республикѣ, которую безпорядокъ окончательно погубилъ бы. Парижане, мы обращаемся къ вамъ съ настоящимъ воззваніемъ, разсчитывая на вашъ здравый смыслъ, на ваше благоразуміе, на вашъ патріотизмъ! Вы, конечно, не осудите насъ за то, что мы, сдѣлавъ это предостереженіе, прибѣгнемъ къ открытой силѣ, такъ какъ ваши собственные интересы требуютъ того, чтобъ общественный порядокъ былъ возстановленъ немедленно. Парижъ, 17-го марта 1871 года. (Подписали: Тьеръ, Дюфоръ, Пикаръ, Пуйе-Кертье, Жюль-Фавръ, генералъ Лефло, адмиралъ Потюо, Жюль Симонъ, де-Ларси, Ламбрехтъ".

Одновременно съ появленіемъ этой прокламаціи тѣ рѣшительныя мѣры, о которыхъ въ ней возвѣщалось, уже приводились въ исполненіе. Около 5 часовъ утра, 18-го марта, монмартрскія высоты были уже окружены войсками. Немного погодя 88-й линейный полкъ, 1-й батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ и 200 жандармовъ стали взбираться на высоты: всѣми этими вооруженными силами, численность которыхъ простиралась до 3,000 человѣкъ, начальствовалъ генералъ Леконтъ. Въ это время караулъ, которому поручено было охраненіе пушекъ, состоялъ не изъ 60 человѣкъ, какъ бывало обыкновенно, а только изъ 25; изъ нихъ на часахъ стояло только 7 національныхъ гвардейцевъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что населеніе Монмартра даже и не подозрѣвало рѣшеннаго наканунѣ правительствомъ нападенія врасплохъ, иначе, конечно, оно приняло бы болѣе дѣятельныя мѣры для охраненія орудій. При появленіи войскъ на высотахъ одинъ изъ часовыхъ окликнулъ ихъ, но тотчасъ же палъ опасно раненный; въ то же время жандармы окружили домъ, въ которомъ помѣщался караулъ, и взяли въ плѣнъ всѣхъ составлявшихъ его національныхъ гвардейцевъ. Стрѣлкамъ предписано было приступить къ снесенію траншей, а вокругъ были разставлены часовые, которые должны были предъупредить о приближеніи національныхъ гвар-

дейцевъ. Немногіе выстрѣлы, раздавшіеся при занятіи высотъ (дѣло происходило между 5 и 6 часами утра), подняли тревогу въ кварталѣ; національные гвардейцы стали собираться на улицахъ группами и скоро распространилась вѣсть о занятіи высотъ войсками правительства. Человѣкъ 60 національныхъ гвардейцевъ стали подниматься по одной изъ улицъ на высоты, въ сопровожденіи многихъ женщинъ и дѣтей; поставленные внизу этой улицы часовые отступили. Когда группа эта поднялась на пригорокъ, генералъ Леконтъ велѣлъ своимъ солдатамъ палить; но солдаты не исполнили этого приказанія и поставили ружья „къ ногѣ". Генералъ Леконтъ три раза повторилъ команду „пали", угрожая солдатамъ револьверомъ въ случаѣ ослушанія; но солдаты упорно отказывались стрѣлять; тогда Леконтъ иронически замѣтилъ имъ: „ну такъ сдавайтесь"; „очень охотно", отвѣтили солдаты и побросали свои ружья. Тогда національные гвардейцы, число которыхъ тѣмъ временемъ достигло приблизительно тысячи, подняли свои ружья прикладами къ верху и стали брататься съ солдатами; караулъ національныхъ гвардейцевъ, взятый въ плѣнъ жандармами при самомъ занятіи высотъ, былъ освобожденъ, а человѣкъ 60 жандармовъ отведены плѣнными въ мэрію 18-го округа. Около того же времени былъ арестованъ и генералъ Леконтъ, котораго толпа принимала сначала за генерала Винуа, и который, послѣ троекратнаго отказа солдатъ стрѣлять, только что сдѣлалъ распоряженіе объ очищеніи высотъ; онъ былъ отведенъ, при оскорбительныхъ кликахъ толпы, въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ былъ помѣщенъ и его штабъ. Послѣ арестованія генерала Леконта многіе изъ его солдатъ перешли въ ряды національныхъ гвардейцевъ; остальные разсѣялись, причемъ иные предварительно отдали свои ружья національнымъ гвардейцамъ.

Въ то время, какъ все это происходило на самыхъ высотахъ, у подножія ихъ, на площади Пигаль, стоялъ другой отрядъ регулярной арміи, подъ начальствомъ генерала Сюбіеля, состоявшій изъ эскадрона конныхъ егерей, нѣсколькихъ ротъ линейной пѣхоты и роты жандармовъ. Когда вокругъ этого отряда стали собираться національные гвардейцы Сю-

біель приказалъ коннымъ егерямъ произвести аттаку. Тѣ, правда, обнажили палаши, но не трогались съ мѣста; послѣ второй команды генерала они стали отодвигать толпу, осторожно осаживая своихъ лошадей, что возбудило въ толпѣ хохотъ; начальникъ эскадрона поскакалъ въ толпу одинъ, съ обнаженной саблей, но раздалось нѣсколько выстрѣловъ и онъ упалъ мертвый; жандармы дали было залпъ и ранили нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, но тѣ отвѣчали имъ и принудили ихъ отступить; послѣ того толпа, въ которой преобладали женщины, проникла въ ряды солдатъ, стоявшихъ на площади Пигаль, начались переговоры и вскорѣ солдаты и здѣсь были обезоружены. Это братаніе солдатъ съ національными гвардейцами происходило и на бульварахъ, прилегающихъ къ площади Пигаль, причемъ солдаты отдали своимъ противникамъ одну батарею орудій и одну митральезу. Генералъ Винуа находился въ это время на бульварѣ Клиши. Услыхавъ перестрѣлку на площади Пигаль, онъ направился было туда, но увидѣвъ, что солдаты братаются съ національными гвардейцами, поспѣшилъ возвратиться на площадь Клиши. Нѣчто подобное случилось и на площади Бланшъ, двѣ національные гвардейцы отняли у артиллеристовъ, почти безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія, около 10 пушекъ, которыя тѣ успѣли было увезти съ высотъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ жандармовъ, солдаты регулярной арміи повсюду отказались стрѣлять по толпѣ и ряды ихъ совершенно разстроились. Около 9½ час. утра не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію, что правительству нечего было разсчитывать на армію, для того чтобы отнять у національной гвардіи пушки. Генералъ Винуа попытался было еще разъ собрать на бульварѣ Клиши нѣсколько батальоновъ, чтобы возобновить аттаку, но солдаты не слушались его предписаній и направлялись въ безпорядкѣ во внутренніе кварталы Парижа. Правительство потерпѣло полное фіаско и національная гвардія одержала рѣшительную побѣду почти безъ боя. А между тѣмъ правительство, повидимому, такъ твердо разсчитывало на успѣхъ, что генералъ Орель, не дождавшись окончанія аттаки, предпринятой противъ монмартрскихъ

высотъ, обнародовалъ слѣдующій приказъ по національной гвардіи: „Только что появившаяся прокламація главы исполнительной власти объясняетъ цѣль предпринятой аттаки: цѣль эта — упроченіе республики, подавленіе всякихъ попытокъ къ безпорядкамъ и отнятіе пушекъ, пугающихъ населеніе. Монмартрскія высоты взяты и заняты нашими войсками, равно какъ и высоты шомонскія и бельвильскія. Монмартрскія пушки находятся нынѣ въ рукахъ правительства". Эта прокламація, появившаяся въ вечернихъ газетахъ 18-го марта, по странной ироніи судьбы попала въ „Офиціальную Газету" только 19-го числа утромъ, когда правительство было уже въ Версалѣ, а Парижъ—во власти инсургентовъ.

Главныя дѣйствующія лица той эпохи—Тьеръ, Лефло, Винуа и др.—дали въ слѣдственной коммиссіи весьма обстоятельныя показанія относительно утренней экспедиціи 18-го марта и причинъ неуспѣшности ея. Небезъинтересно будетъ ознакомиться поближе съ этими показаніями.

„Я предъупреждалъ генерала Винуа"—говорилъ Тьеръ—„что экспедицію слѣдуетъ предпринять не на глазахъ у всего Парижа, а рано утромъ. Рѣшено было, что войска выйдутъ изъ казармъ въ 3 часа утра, съ тѣмъ чтобы къ 5 часамъ быть у подножія высотъ, овладѣть ими во что бы то ни стало и увезти пушки. Дѣйствительно въ 3 часа утра войска были на ногахъ и выступили изъ казармъ, а въ 5 часовъ они были у подножія высотъ, которыя были заняты очень быстро. Къ сожалѣнію, оставалось сдѣлать еще одно трудное дѣло, которое не удалось такъ хорошо, какъ первое: я разумѣю удаленіе пушекъ съ высотъ. Я никого не стану обвинять въ этой неудачѣ, но скажу вообще, что въ этомъ отношеніи сдѣланы были промахи. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что даже въ томъ случаѣ, еслибы распоряженія по этому предмету были сдѣланы лучше, провезти 250 орудій по всему Парижу было дѣло далеко не легкое. Я находился въ зданіи главнаго штаба, когда прискакалъ первый ординарецъ отъ генерала Леконта и привезъ извѣстіе, что все идетъ хорошо. Но вскорѣ явились другіе, съ гораздо менѣе утѣшительными извѣстіями. Тогда я сказалъ генералу

Винуа, что такъ какъ невозможно увезти орудія, то необходимо отозвать наши войска съ высотъ, гдѣ они окончательно деморализуются отъ общенія съ толпой. Нѣкоторые изъ прибывшихъ тѣмъ временемъ членовъ моего правительства представляли противъ этого различныя возраженія. Генералъ Винуа сказалъ мнѣ: „я солдатъ: предписывайте". Я велѣлъ ему отвести всѣ войска на лѣвый берегъ Сены и занять всѣ мосты. Еслибы можно было разсчитывать на содѣйствіе 15—20 тысячъ національныхъ гвардейцевъ, то мы могли бы попытаться вступить въ бой; но располагая всего какими-нибудь 20,000 солдатъ, объ этомъ нечего было и думать. Итакъ генералъ Винуа сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи на лѣвый берегъ Сены всѣхъ войскъ регулярной арміи, и въ то же время въ сравнительно благонадежныхъ кварталахъ стали бить тревогу для созыва національныхъ гвардейцевъ, но ихъ явилось всего отъ 500 до 600 человѣкъ. Войска отступили въ порядкѣ, но не успѣли занять всѣхъ мостовъ, и мятежные батальоны, спустившись съ высотъ, распространились по всему правому берегу, заняли Елисейскія поля, и вскорѣ показались и на лѣвомъ берегу, даже передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находились въ то время члены правительства. Они сдѣлали даже попытку овладѣть этимъ зданіемъ, но войска не допустили ихъ до того".

Военный министръ, генералъ Лефло, въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной коммиссіей, объяснялъ неудачу утренней экспедиціи 18-го марта преимущественно тѣмъ, что войска явились у подножія высотъ съ 5 часовъ утра, заняли ихъ въ 6-мъ, а лошади, потребныя для того, чтобы отвезти пушки, явились только въ 8 часовъ, когда населеніе квартала взволновалось, твердость войскъ поколебалась и шансы внезапности аттаки были уничтожены. Онъ увѣренъ, что будь лошади на мѣстѣ въ 6 часовъ, предпріятіе правительства увѣнчалось бы успѣхомъ. На вопросъ одного изъ членовъ коммиссіи, на комъ лежитъ отвѣтственность за запоздалое прибытіе лошадей, Лефло прямо отвѣтилъ, что она падаетъ на главнокомандующаго, т. е. на генерала Винуа; еслибы предписа-

нія были даны съ большею точностью и внимательнѣе слѣдили за исполненіемъ ихъ, то подобнымъ безпорядкамъ не было бы мѣста.

Самъ генералъ Винуа, главный дѣятель этой экспедиціи, слѣдующимъ образомъ объяснялъ и оправдывалъ въ слѣдственной коммиссіи свои дѣйствія: „Передъ 18-мъ марта мнѣ прислали изъ луарской арміи нѣсколько полковъ, которые мнѣ рекомендовали, какъ особенно надежные; въ числѣ этихъ полковъ былъ 88-й линейный полкъ; но въ сущности эти полки были въ самомъ плачевномъ состояніи: кадры ихъ были разстроены, въ иныхъ ротахъ было по одному офицеру, въ другихъ по два, да и тѣ только что были произведены въ офицерскіе чины турскимъ правительствомъ и не знали своихъ солдатъ. Съ этими-то войсками мнѣ пришлось произвести аттаку. Я заранѣе послалъ двухъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ блузы, чтобы снять планъ съ монмартрскихъ высотъ; они исполнили мое порученіе очень успѣшно, и этимъ отчасти объясняется, почему высоты были заняты такъ легко и скоро. Еслибы намъ приходилось увезти только нѣсколько пушекъ, дѣло было бы очень просто; но ихъ было отъ 5 до 6 сотъ, а спустить на рукахъ съ высотъ такое громадное количество орудій—дѣло не шуточное; для того чтобы увезти 4-хъ или 8-ми-фунтовое орудіе, нужны четыре лошади, а тутъ были орудія 12-ти-фунтовыя. Мы увезли, кажется, до 70 орудій, но чтобъ увезти ихъ всѣ потребовалось бы два-три дня; къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что инсургентамъ не трудно было овладѣть другими пушками на укрѣпленіяхъ. Итакъ нѣсколько орудій были увезены, но этого нельзя было сдѣлать безъ шума. Тогда женщины и дѣти стали выходить изъ ближайшихъ домовъ, переговариваться съ солдатами, составлять нѣчто въ родѣ живой баррикады, между тѣмъ какъ мужчины оставались позади; изъ толпы стали раздаваться клики: „вы не будете стрѣлять въ насъ, вы наши братья“. Одинъ полкъ поднялъ ружья прикладами къ верху, другіе были окружены толпой. Узнавъ объ этомъ, я велѣлъ войскамъ отступить какъ можно скорѣе на Марсово поле.“ На вопросъ предсѣдателя слѣдственной коммиссіи, почему лошади, необходимыя для увоза орудій, опоздали прибы-

тіемъ на мѣсто, генералъ Винуа отвѣчалъ уклончиво, что онѣ не слишкомъ опоздали, что по топографическимъ условіямъ мѣстности нужно было спускать орудія съ высотъ на рукахъ, что поэтому войска должны были по необходимости явиться на высотахъ ранѣе, чѣмъ лошади у подножія высотъ, и т. п. Но мы уже видѣли изъ показаній Тьера и Лефло, что во всякомъ случаѣ въ этомъ дѣлѣ была непростительная оплошность, отвѣтственность за которую они сваливаютъ преимущественно на Винуа, но которая, въ извѣстной мѣрѣ, падаетъ и на нихъ самихъ: объявивъ съ такою торжественностью, во всеуслышаніе, что пушки должны быть отняты у національной гвардіи „во что бы то ни стало“, что отъ этого зависитъ спокойствіе и благоденствіе не только Парижа, но и всей Франціи, они не позаботились о томъ, чтобы на лицо оказались всѣ средства, необходимыя для осуществленія задуманнаго предпріятія, чтобы второе дѣйствіе внезапной ночной аттаки прошло такъ же успѣшно, какъ первое, и этимъ нанесли существенный ущербъ тѣмъ самымъ интересамъ, на защиту которыхъ они выступали съ такимъ самохвальствомъ.

Послѣ вышеописанныхъ событій монмартрскіе національные гвардейцы, оправившись немного отъ изумленія, произведеннаго въ нихъ неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ, стали собираться по-батальонно. Цѣлое утро по улицамъ и переулкамъ Монмартра безъ умолка раздавался барабанный бой, сзывавшій національныхъ гвардейцевъ. Вскорѣ батальоны выстроились и были распредѣлены по разнымъ мѣстамъ. Всюду обнаруживалось сильнѣйшее волненіе. Всѣ спрашивали себя, что предприметъ правительство, узнавъ о первой своей неудачѣ. Опасались, что оно возобновитъ аттаку съ помощью другихъ полковъ; хотя при этомъ и высказывалась увѣренность, что и другія части арміи, подобно отрядамъ, участвовавшимъ въ утренней экспедиціи 18-го марта, откажутся стрѣлять по народу, однако рѣшено было организовать защиту. Мѣстный комитетъ монмартрской національной гвардіи собрался для совѣщаній и сталъ обсуждать наилучшія средства къ оборонѣ. Рѣшено было возвести баррикады, и нѣкто Бержере, бывшій унтеръ-офицеръ вольтижеровъ, былъ не-

медленно назначенъ начальникомъ монмартрскаго легіона. Затѣмъ приступлено было къ обсужденію вопроса—слѣдуетъ ли переходить къ наступательнымъ дѣйствіямъ? Послѣ весьма оживленныхъ преній этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но еще прежде, чѣмъ принято было это рѣшеніе, въ монмартрской мэріи происходило совѣщаніе между начальниками батальоновъ, членами муниципалитета монмартрскаго округа и депутатами отъ города Парижа—Толеномъ, Локруа и Ланглуа. При этомъ былъ составленъ адресъ къ правительству, у котораго требовали предоставленія національнымъ гвардейцамъ права выбирать своихъ начальниковъ, смѣщенія генерала Винуа и немедленнаго назначенія въ Парижѣ муниципальныхъ выборовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ адресѣ выражалась надежда, что исполненіе этихъ требованій удовлетворитъ населеніе и успокоитъ волненіе. Особой делегаціи, составленной изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ совѣщаніи, поручено было доставить этотъ адресъ по назначенію. Но, какъ бы не разсчитывая на успѣхъ этого ходатайства, монмартрскіе инсургенты, согласно рѣшенію своего комитета, принялись за сооруженіе въ разныхъ мѣстахъ баррикадъ; нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по свидѣтельству очевидцевъ, эти на-скоро сооруженныя баррикады имѣли скорѣе видъ театральныхъ декорацій, чѣмъ серьозныхъ укрѣпленій, и ни въ какомъ случаѣ не могли бы съ успѣхомъ остановить серьезно поведенной аттаки.

Въ то время, какъ инсургенты дѣлали приготовленія къ оборонѣ и наступленію, а правительство очищало правый берегъ Сены и стягивало свои войска на лѣвомъ берегу рѣки, на монмартрскихъ высотахъ, въ улицѣ „des Rosiers“, разъигрывалась трагическая сцена. Генералъ Леконтъ, какъ сказано выше, былъ арестованъ національными гвардейцами въ самомъ началѣ аттаки и заключенъ въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ; тутъ его подвергли первому допросу и заставили его подписать обязательство не служить болѣе настоящему правительству. Послѣ полудня рѣшено было отправить его въ улицу „des Rosiers“, гдѣ засѣдалъ мѣстный монмартрскій комитетъ. Съ тяжелымъ предчувствіемъ уходилъ несчастный Леконтъ

изъ своей временной тюрьмы, сказавъ на прощаніе арестованному вмѣстѣ съ нимъ капитану Мейеру, что его томятъ самыя мрачныя предчувствія. Толпа, встрѣтившая и провожавшая его оскорбленіями, не смотря на защиту, оказываемую ему конвоировавшимъ его взводомъ національныхъ градейцевъ, какъ бы старалась оправдать эти предчувствія. По прибытіи въ улицу „Rosiers", генерала встрѣтили человѣкъ сто линейныхъ солдатъ, перешедшихъ утромъ къ инсургентамъ. Увидѣвъ своего генерала, они стали кричать, вмѣстѣ съ провожавшей его толпой, что его слѣдуетъ немедленно казнить. Тотчасъ же приступлено было къ образованію военно-судной коммиссіи, что, однако, было не такъ легко, такъ какъ всѣ, къ кому обращались, отказывались участвовать въ этой коммиссіи. Наконецъ она была кое-какъ образована изъ нѣсколькихъ офицеровъ національной гвардіи и одного гарибальдійскаго офицера изъ бывшей вогезской арміи. Генералъ сознался, что утромъ онъ приказывалъ солдатамъ стрѣлять въ толпу, и на вопросъ одного изъ членовъ коммиссіи, желавшаго спасти его отъ ярости толпы и его собственныхъ дезертировавшихъ солдатъ — повторилъ ли бы онъ, еслибы представился случай, это приказаніе—Леконтъ отвѣтилъ: „Я поступилъ согласно моему долгу". Члены коммиссіи видимо желали спасти его отъ смерти и хотѣли было отправить его въ зданіе мэріи. Между тѣмъ шумъ среди толпы, собравшейся вокругъ дома, усиливался, и въ комнатѣ, въ которой находились генералъ и его импровизированные судьи, ясно можно было различить кровожадные, свирѣпые возгласы толпы. Въ эту минуту сюда же привели генерала Клемана Тома́; не будь этого неожиданнаго эпизода, можетъ быть удалось бы еще спасти Леконта. Клеманъ Тома́, бывшій во время прусской осады главнымъ начальникомъ парижской національной гвардіи и не пользовавшійся, какъ объяснено выше, популярностью въ ея средѣ, расхаживалъ въ это утро, въ статскомъ платьѣ, на площади Пигаль, въ то время когда тамъ начали возводить баррикаду. Будучи узнанъ однимъ изъ часовыхъ, онъ былъ задержанъ; его обвинили въ томъ, что онъ пришелъ сюда съ цѣлью наблюдать за оборонительными работами, произво-

димыми вокругъ Монмартра; старикъ тщетно протестовалъ: его окружили человѣкъ 40 національныхъ гвардейцевъ и тоже повели въ улицу „des Rosiers“. Прибытіе его еще болѣе раздражило толпу, стоявшую передъ домомъ, въ которомъ судили Леконта, и успѣвшую уже проникнуть во дворъ дома. На Тома́ посыпались упреки и за то, что онъ въ 1848 году велѣлъ стрѣлять по народу, и за его поведеніе во время прусской осады, и за то, что онъ теперь пришелъ на Монмартръ шпіонить. Разъяренная толпа врывается, наконецъ, въ залу засѣданія такъ называемой военно-судной коммиссіи, прерываетъ ея занятія и выталкиваетъ бѣднаго старика на дворъ. Какъ только онъ появляется передъ толпой, крики ея усиливаются; его потащили въ садъ, поставили около забора, передъ нимъ выстроились нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ, линейныхъ солдатъ и національныхъ гвардейцевъ; отовсюду ихъ окружаютъ массы народа, преимущественно женщинъ; заборъ сада унизанъ зрителями; всѣ требуютъ немедленной казни. Генералъ Тома́, блѣдный какъ полотно, снимаетъ шляпу и изъявляетъ желаніе говорить, но, можетъ быть, отъ волненія, не можетъ произнести ни одного слова; въ это время безъ всякой команды раздается залпъ и Тома́ падаетъ ничкомъ. Въ эту минуту приводятъ генерала Леконта. Послѣ того, какъ генерала Тома́ увлекли изъ залы засѣданія коммиссіи, въ средѣ ея продолжались оживленные толки относительно участи Леконта; но тѣхъ, кто противился казни его, въ томъ числѣ и вышеупомянутаго гарибальдійскаго офицера, уже не слушаютъ, и разъяренная толпа осыпаетъ даже гарибальдійца угрозами. Предчувствія не обманули Леконта: толпа потащила его въ садъ, поставила рядомъ съ трупомъ Тома́, затѣмъ раздался залпъ и Леконтъ упалъ мертвый навзничь. Послѣ этой кровавой сцены толпа разсѣялась при кликахъ: „Да здравствуетъ республика! Смерть измѣнникамъ“. Мэръ монмартрскаго округа, Клемансо, узнавъ о томъ, что происходило въ улицѣ „Rosiers“, поспѣшилъ туда съ цѣлью спасти несчастныхъ генераловъ, но, по прибытіи на мѣсто, узналъ объ ихъ трагической кончинѣ, и, встрѣченный неодобрительнымъ ропотомъ все еще раздраженной толпы, съ трудомъ успѣлъ

отвести въ болѣе безопасное мѣсто нѣсколькихъ офицеровъ линейныхъ войскъ, которые были освобождены на другой день. Трупы генераловъ Тома́ и Леконта — первый былъ страшно обезображенъ; въ него попало до 40 пуль большею частію въ лицо; второй же былъ раненъ преимущественно въ грудь и менѣе обезображенъ— оставались на мѣстѣ казни до 6 часовъ пополудни; затѣмъ ихъ отнесли въ одну изъ комнатъ дома, а въ 10 часовъ вечера, стараніями мэра Клемансо, они были похоронены.

Впослѣдствіи и въ парижскихъ газетахъ, и въ отдѣльныхъ монографіяхъ, и вообще въ обществѣ, неоднократно раздавались голоса, обвинявшіе въ умерщвленіи Леконта и Тома́ Центральный комитетъ національной гвардіи, мѣстный комитетъ монмартрскихъ батальоновъ и монмартрскаго мэра Клемансо. Но всѣ эти упреки едва-ли основательны. Во первыхъ Центральный комитетъ не имѣлъ еще до 18 марта на Монмартрѣ преобладающаго вліянія, такъ какъ въ этотъ день всѣмъ движеніемъ въ этомъ округѣ управлялъ мѣстный комитетъ; Центральный же комитетъ узналъ обо всемъ, что случилось, въ томъ числѣ и объ умерщвленіи двухъ генераловъ, только впослѣдствіи, и онъ столь же мало можетъ отвѣчать за совершенныя во время возстанія преступленія, какъ и за одержанную въ этотъ день побѣду надъ правительствомъ; и въ томъ, и въ другомъ, онъ, повидимому, одинаково неповиненъ, такъ какъ еще утромъ 18-го числа онъ, очевидно, даже и не подозрѣвалъ, что часъ его торжества такъ близокъ. Мѣстный монмартрскій комитетъ тоже поспѣшилъ публично заявить, 18-го и 19-го марта, что генералы Леконтъ и Тома́ разстрѣляны, не только не по приказанію, но даже противъ воли членовъ его, желавшихъ спасти генераловъ, толпою линейныхъ солдатъ и вольныхъ стрѣлковъ, къ которымъ самовольно, а не по предписанію своихъ начальниковъ, присоединились немногіе національные гвардейцы. Наконецъ вотъ что показалъ объ этомъ предметѣ Пикаръ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ: „Во время умерщвленія генераловъ на мѣстѣ казни былъ одинъ молодой морской офицеръ, котораго я хорошо знаю и котораго тоже едва не разстрѣляли. Онъ былъ очевидцемъ

всего, что случилось, и вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ: „Генера-„ловъ Тома̀ и Леконта убили линейные солдаты; ими командо-„валъ офицеръ въ мундирѣ моряка. Еслибъ его не было тамъ, то „можно было бы надѣяться спасти жизнь несчастныхъ генераловъ. „Неизвѣстно, что это былъ за человѣкъ“. Мой знакомый морякъ впослѣдствіи долгое время старался отыскать въ Парижѣ этого главнаго виновника убійства, но всѣ его поиски ни къ чему не повели“. Итакъ, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ виновникомъ той отвратительной, кровавой трагедіи, которая разъигралась 18-го марта въ одномъ изъ садо̀въ улицы „Rosiers“, былъ никто иной, какъ та свирѣпая чернь, которая, въ минуты народныхъ вспышекъ, нерѣдко руководится болѣе страстями и слѣпою кровожадностью, чѣмъ разсудкомъ и чувствомъ справедливости.

Тѣмъ временемъ движеніе, начавшееся въ Монмартрѣ, быстро распространилось по другимъ парижскимъ кварталамъ, въ которыхъ преобладаетъ рабочее населеніе. Въ различныхъ мѣстностяхъ Ла-Виллета, Бельвиля, Тампльскаго и Сентъ-Антуанскаго предмѣстій, Батиньоля и пр. воздвигались баррикады; нѣкоторыя изъ нихъ вооружались пушками и митральезами. Около 3 часовъ по полудни ворота казармъ принца Евгенія были силою отворены національными гвардейцами и сенскими мобилями, которые проникли внутрь казармъ и смѣшались съ солдатами, вопреки усиліямъ офицеровъ; національные гвардейцы и лица, одѣтыя въ статское платье. обезоруживали солдатъ и уходили изъ казармъ, вооружившись ихъ ружьями. Около того же времени вышеупомянутая делегація, избранная въ мэріи монмартрскаго округа, явилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, Пикару, и представила ему требованія, формулированныя представителями монмартрскаго населенія. Пикаръ, разобщенный въ то время съ своими товарищами, не счелъ себя въ правѣ дать делегаціи положительный отвѣтъ; онъ высказалъ мнѣніе, что правительство согласится смѣстить генерала Винуа и замѣнить генерала Ореля Федэрбомъ; но онъ объявилъ, что оно не предоставитъ національной гвардіи выбора своего главнаго начальника.

Муниципальныя власти Парижа не оставались равнодушными зрителями движенія, охватившаго столицу. Около 3 часовъ пополудни, по приглашенію мэра 3 округа, Бонвалле, собрались мэры и ихъ помощники; но прежде чѣмъ принять какія-нибудь рѣшенія, они нашли нужнымъ собрать болѣе точныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ. Съ этой цѣлью они отправили одну депутацію къ Тьеру, другую къ генералу Орелю. Первая изъ этихъ депутацій не застала Тьера, а встрѣтившій ее Пикаръ объявилъ, что не можетъ принять никакихъ рѣшеній безъ соглашенія съ своими товарищами. Генералъ Орель-де-Паладинъ, въ разговорѣ съ прибывшими къ нему делегатами, отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность за ночное нападеніе на Монмартръ. „Я предсказывалъ исходъ этой аттаки“—говорилъ онъ. „Но гг. адвокаты (Фавръ, Пикаръ) настояли на ней. Они разсчитывали на армію, а армія браталась съ инсургентами“. Въ заключеніе онъ посовѣтовалъ муниципальнымъ властямъ принять какія-нибудь рѣшенія, способныя спасти Парижъ и Францію. Въ 6 часовъ происходило новое совѣщаніе мэровъ, ихъ помощниковъ и представителей города Парижа. Въ этомъ собраніи избрана была делегація изъ 12 человѣкъ, которая должна была потребовать отъ правительства слѣдующаго: 1) Назначенія полковника Ланглуа, депутата отъ города Парижа, главнымъ начальникомъ національной гвардіи; (полагали, что это назначеніе удовлетворитъ большую часть національной гвардіи, симпатіи которой Ланглуа съумѣлъ пріобрѣсти во время прусской осады); 2) назначенія Доріана главнымъ парижскимъ мэромъ; 3) немедленныхъ муниципальныхъ выборовъ; 4) обѣщанія, что національная гвардія не будетъ обезоружена. Эта делегація была принята министромъ иностранныхъ дѣлъ, Фавромъ. Онъ прежде всего спросилъ ее, справедливо ли извѣстіе объ умерщвленіи генераловъ Леконта и Тома. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, что не можетъ быть и рѣчи объ уступкахъ, что на слѣдующій день правительство обратится къ лучшей части національной гвардіи, станетъ во главѣ ея и постарается подавить возстаніе. Мэры замѣтили ему, что можно

еще избѣжать кровопролитія при помощи нѣкоторыхъ уступокъ, но Фавръ оставался при своемъ мнѣніи, обѣщавъ, впрочемъ, делегаціи представить ея предложенія на обсужденіе своихъ товарищей. Въ полночь секретарь министра внутреннихъ дѣлъ доставилъ собранію мэровъ отвѣтъ правительства на ихъ предложенія. Оказалось, что большинство совѣта министровъ не раздѣляло мнѣнія Фавра о невозможности какихъ бы то ни было уступокъ: секретарь Пикара привезъ съ собою подписанный Тьеромъ декретъ о назначеніи Ланглуа главнымъ начальникомъ національной гвардіи, обѣщаніе назначить Доріана парижскимъ мэромъ и немедленно приступить къ муниципальнымъ выборамъ въ Парижѣ. Еслибъ эти уступки были сдѣланы нѣсколькими часами ранѣе, среди дня, то, можетъ быть, онѣ оказались бы достаточными для прекращенія народнаго движенія; но теперь онѣ были сдѣланы слишкомъ поздно. Когда Ланглуа узналъ о своемъ назначеніи, онъ тотчасъ же написалъ воззваніе къ національной гвардіи, передалъ его на обсужденіе своимъ товарищамъ, а самъ отправился въ городскую Ратушу, гдѣ уже засѣдалъ въ то время Центральный комитетъ, и сообщилъ ему о своемъ назначеніи. Его спросили, кто его назначилъ; когда онъ назвалъ Тьера, ему отвѣтили: „Мы не признаемъ его власти; мы сами изберемъ себѣ главнаго начальника“. Ланглуа не сталъ спорить, возвратился къ собравшимся мэрамъ, объявилъ имъ о томъ, какъ принялъ комитетъ извѣстіе о его назначеніи, и, не желая участвовать въ междоусобной войнѣ, отправился въ типографію „Офиціальной Газеты“, чтобы взять оттуда назадъ декретъ о замѣщеніи имъ генерала Ореля.

Правительство, собравшись съ утра въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ, на лѣвомъ берегу Сены, недалеко отъ моста Согласія, ежеминутно получало все болѣе и болѣе неутѣшительныя извѣстія о быстрыхъ успѣхахъ возстанія. Оно попыталось было остановить эти успѣхи при помощи болѣе консервативныхъ батальоновъ національной гвардіи, и съ этою цѣлью министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ и генералъ Орель обратились къ нимъ, вскорѣ послѣ полудня, съ прокламаціей, въ которой приглашали ихъ по-

спѣшить на защиту своихъ домовъ, семействъ, республики. Но на призывъ явилось лишь по нѣскольку десятковъ человѣкъ изъ каждаго батальона. Пораженные этой неудачей, всѣ члены правительства нѣсколько часовъ спустя издали новую прокламацію, въ которой протестовали противъ приписываемаго имъ намѣренія произвести государственный переворотъ и увѣряли, что единственная цѣль ихъ—защита республики противъ анархіи. Но и эта прокламація имѣла столь же мало успѣха. Тогда правительство, убѣдившись въ своемъ безсиліи, узнавъ о томъ, что случилось въ казармахъ принца Евгенія и въ другихъ мѣстахъ, предписало войскамъ очистить всѣ казармы и стало подумывать объ отступленіи въ Версаль.

Оставленіе тьеровскимъ правительствомъ и войсками Парижа и удаленіе ихъ въ Версаль тотчасъ послѣ первыхъ успѣховъ революціи неоднократно ставилось впослѣдствіи въ упрекъ Тьеру и его товарищамъ. Очень многіе были убѣждены, и убѣждены до сихъ поръ въ томъ, что не будь этого поспѣшнаго отступленія, попытайся правительство продержаться въ Парижѣ еще нѣсколько дней, никогда Коммуна не восторжествовала бы въ этомъ городѣ и не пришлось бы проливать тѣхъ потоковъ крови, которые были пролиты впослѣдствіи для подавленія возстанія. Парижская буржуазія, узнавъ на другой день утромъ, что правительство удалилось съ войсками въ Версаль, покинувъ населеніе на произволъ торжествующей революціи, пришла въ неописанное негодованіе и называла это поспѣшнее отступленіе дезертированіемъ. Въ виду этихъ упрековъ нелишне будетъ остановиться поподробнѣе на тѣхъ объясненіяхъ, которыя были даны по этому предмету въ слѣдственной коммиссіи, относительно причинъ, которыя побудили Тьера, Лефло, Пикара, Винуа такъ поспѣшно бросить столицу Франціи и предоставить ее во власть торжествующей революціи.

Тьеръ въ слѣдственной коммиссіи энергически опровергалъ укоренившееся мнѣніе, что разъ какое-нибудь правительство удалилось изъ столицы передъ торжествующимъ возстаніемъ, ему почти уже невозможно возвратиться въ нее. Онъ напомнилъ, какъ въ 1848 г.

фельдмаршалъ Виндишгрецъ удалился изъ Вѣны въ виду успѣховъ инсургентовъ, но черезъ нѣсколько времени снова вступилъ въ этотъ городъ побѣдителемъ. Онъ прибавилъ, что еще ранѣе, чѣмъ окончательно рѣшена была аттака на монмартрскія высоты, въ немъ сложилось убѣжденіе, что въ случаѣ неуспѣшности этого предпріятія правительству и арміи прійдется покинуть Парижъ. Съ утра 18-го марта, какъ только стали получаться извѣстія о неудачномъ исходѣ нападенія на Монмартръ, онъ сталъ убѣждать своихъ товарищей въ необходимости перебраться въ Версаль. Много пришлось ему спорить и убѣждать, но къ вечеру, когда дѣла правительства стали принимать все худшій и худшій оборотъ, въ особенности въ виду апатіи національной гвардіи въ центральныхъ кварталахъ Парижа, его мнѣніе, наконецъ, одержало верхъ въ совѣтѣ министровъ. Тогда онъ далъ генералу Винуа формальное предписаніе отступить изъ Парижа со всѣми войсками. Одновременно и члены правительства направились въ Версаль. Самъ Тьеръ сталъ на Севрской дорогѣ, по которой должна была пройти армія, и пропускалъ мимо себя войска. Наконецъ, когда онъ убѣдился, что вся армія благополучно вышла изъ Парижа, онъ отправился въ Версаль.

Генералъ Лефло, Винуа и Пикаръ представили болѣе обстоятельныя объясненія по этому предмету, чѣмъ глава исполнительной власти. „18-го марта, около полудня“—показалъ Лефло— „узнавъ о томъ, что дѣлалось на Монмартрскихъ высотахъ, я отправился въ совѣтъ министровъ и объяснилъ ему, что положеніе дѣлъ очень тревожно. Мы съ г. Тьеромъ поѣхали въ Лувръ, въ главный штабъ генерала Винуа. Тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ еще ухудшилось: еще нѣсколько батальоновъ были обезоружены, отдѣльные отряды были отрѣзаны одинъ отъ другаго; тутъ-то г. Тьеръ впервые высказалъ мысль объ оставленіи Парижа. Вернувшись съ нимъ, около 3-хъ часовъ, въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, мы предложили эту мысль на обсужденіе нашимъ товарищамъ. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно воспротивились тому, и на этотъ разъ рѣшено было только, что въ Версаль возвратится г. Тьеръ. Онъ самъ и нѣкоторые другіе министры пред-

ложили, чтобъ я сопровождалъ его туда; я возражалъ, доказывая, что, какъ военный министръ, я долженъ оставаться въ Парижѣ; но совѣтъ настаивалъ, и мнѣ пришлось покориться рѣшенію большинства. Въ четвертомъ часу три батальона національной гвардіи прошли передъ домомъ, въ которомъ собрались члены правительства. Мы имѣли для защиты нашей всего полъ-батальона пѣшихъ стрѣлковъ. Я полагалъ, что насъ всѣхъ заберутъ, какъ въ мышеловкѣ, и посовѣтовалъ Тьеру уйти потайнымъ ходомъ въ улицу, прилегавшую къ зданію; онъ послушался моего совѣта. Однако на этотъ разъ тревога была напрасна: оказалось, что означенные батальоны направлялись къ Ратушѣ, чтобы произвести какую-то демонстрацію, и полъ-часа спустя они возвратилились, опять-таки не тронувъ насъ. Около 6 часовъ стало ясно, что мы проиграли партію: многіе батальоны были обезоружены, полкъ, расположенный въ казармахъ принца Евгенія, выдалъ свое оружіе инсургентамъ; нѣчто подобное случилось и въ Бельвилѣ; въ другихъ пунктахъ отдѣльные отряды тоже выдали свое оружіе; очевидно было, что на армію нельзя разсчитывать. Я посѣтилъ Марсово поле и эспланаду дома Инвалидовъ, гдѣ собирались войска, прибывавшія изъ внутреннихъ кварталовъ. Я нашелъ ихъ въ плачевномъ состояніи. Они прибывали частью безъ оружія, почти всѣ безъ ранцевъ и багажа, оставленныхъ ими въ казармахъ. Мы попытались было послать нѣсколько отрядовъ за багажемъ, но они отчасти вовсе не возвратились, отчасти возвратились обезоруженные, будучи вынуждены отдать свое оружіе инсургентамъ. Около того же времени мнѣ сообщили, что положеніе войскъ, стоявшихъ въ Ратушѣ, префектурѣ полиціи, въ Люксамбурѣ, во дворцѣ Промышленности представляется крайне опаснымъ. Вокругъ этихъ зданій образовались значительныя сборища. Мы рѣшили съ генераломъ Винуа, что необходимо очистить эти пункты; многіе члены правительства воспротивились тому, доказывая, что предоставлять эти пункты во власть инсургентамъ значитъ предоставлять въ ихъ власть весь Парижъ; но держаться тамъ было невозможно, и генералъ Винуа предписалъ своимъ войскамъ удалиться. Тогда возникъ вопросъ о томъ, не

слѣдуетъ ли сосредоточить войска въ Военной школѣ и занять высоты Трокадеро. Я рѣшительно высказался противъ всякихъ полумѣръ; я доказывалъ, что въ виду деморализаціи арміи, въ виду обнаружившихся уже случаевъ дезертированія, мы, промедливъ еще полъ-сутокъ въ Парижѣ, не въ состояніи будемъ вывести оттуда ни одного полка. Это мое мнѣніе раздѣляли военные, но его не раздѣляли другіе члены правительства. Тогда я рѣшился дѣйствовать энергически, и, по просьбѣ генерала Винуа, далъ ему письменное предписаніе очистить Ратушу, дворецъ Промышленности и всѣ пункты, которые армія занимала еще во внутреннихъ кварталахъ Парижа. Я съ удовольствіемъ заявляю здѣсь, что это предписаніе исходило отъ меня, что я охотно принимаю на себя всю отвѣтственность за послѣдствія этой мѣры. Повторяю, большинство совѣта министровъ противилось удаленію изъ Парижа, но я предписалъ его собственной моей властью, такъ какъ я считалъ это необходимымъ для сохраненія арміи. Если я поступилъ дурно, давъ письменное на то предписаніе, то я принимаю на себя всю отвѣтственность за это; если я поступилъ хорошо, то я желаю, чтобы была признана моя заслуга въ этомъ дѣлѣ."

Генералъ Винуа, на котораго Лефло ссылается, какъ на своего единомышленника въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ относительно очищенія Парижа: „Члены правительства собрались въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ. Зашла рѣчь объ отступленіи въ Версаль; но нельзя было думать объ этомъ отступленіи, не собравъ предварительно войскъ. Г. Тьеръ уѣхалъ часа въ четыре; необходимо было отправить его въ Версаль прежде всего, потому что еслибъ онъ попался въ руки инсургентовъ, правительство лишилось бы своего руководителя. Въ виду этого я составилъ для него надежный конвой и велѣлъ приготовить его карету. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ далъ мнѣ предписаніе очистить Парижъ. Къ вечеру въ нашихъ рукахъ находилось еще зданіе Ратуши. Многіе члены правительства, въ томъ числѣ гг. Фавръ и Пикаръ, не желали очищать ее, утверждая, что въ такомъ случаѣ все будетъ проиграно. Я представилъ эти соображенія военному министру, который далъ

мнѣ письменное предписаніе очистить Ратушу. Это предписаніе было отправленно съ г. Шоппеномъ къ генералу, командовавшему бригадой, которая занимала Ратушу. Немного погодя г. Пикаръ послалъ къ нему же противоположное предписаніе, узнавъ, что сенскій префектъ, г. Жюль Ферри, находится еще въ Ратушѣ. Бригадный командиръ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта за разъясненіями. Я, основываясь на письменомъ предписаніи генерала Лефло, велѣлъ немедленно очистить Ратушу. Но вслѣдствіе всѣхъ этихъ проволочекъ войска не могли выйты отуда иначе, какъ подземельями, а выйдя на улицу должны были прокладывать себѣ путь штыками, причемъ было ранено до 10 человѣкъ. Около того же времени монмартрскіе батальоны стали окружать дворецъ Промышленности; число ихъ ежеминутно возростало, и намъ предстояла опасность быть окруженными со всѣхъ сторонъ. Я сказалъ военному министру, что намъ необходимо уходить, иначе у насъ не останется ни одного человѣка. Онъ далъ мнѣ соотвѣтствующее предписаніе, и мы стали отступать къ Версалю."

Очень интересны показанія объ этомъ предметѣ тьеровскаго министра внутреннихъ дѣлъ, Пикара: „Къ вечеру 18-го марта"— говорилъ Пикаръ—„положеніе дѣлъ стало весьма серьознымъ. Мы находились въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Г. Тьеръ сказалъ намъ: „На мнѣ лежатъ серьозныя обязанности относительно Парижа, „но еще болѣе серьозныя относительно Франціи. Я настоялъ на „перенесеніи засѣданій Національнаго Собранія въ Версаль; я не мо„гу поэтому предпринять что-либо, что могло бы угрожать безопас„ности Собранія." Отъѣздъ нѣкоторыхъ членовъ правительства былъ уже рѣшенъ, но Тьеръ настаивалъ на томъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ полумѣры ни къ чему не ведутъ; онъ обратилъ наше вниманіе на то, что многіе солдаты побросали оружіе и расхаживали по улицамъ. Около четырехъ часовъ Тьеръ уѣхалъ въ Версаль съ министрами финансовъ и общественныхъ работъ. Я возвратился въ министерство внутренихъ дѣлъ. Тотчасъ по прибытіи моемъ мнѣ доложили, что какой-то человѣкъ желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ впустить его, и онъ сообщилъ мнѣ объ умерщвленіи генераловъ Леконта и Тома́,

присовокупивъ, что и моей жизни угрожаетъ опасность. Я отправилъ въ Версаль мое семейство, самъ же остался. Я полагалъ, что намъ нужно держаться въ Елисейскомъ дворцѣ и во дворцѣ Промышленности; но военныя власти рѣшили иначе, и генералу Винуа предписано было отступить на Версаль. Въ это время я получилъ депешу отъ Жюля Ферри, который объявлялъ, что не очиститъ Ратушу; я одобрялъ его рѣшеніе. Между тѣмъ одинъ изъ батальоновъ Гренельскаго предмѣстья подступилъ къ зданію министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобъ овладѣть имъ. Мы имѣли для нашей защиты только 25 солдатъ и нѣсколько полицейскихъ стражей. Однако я объявилъ офицеру, командовавшему батальономъ, что мы не сдадимъ ему зданія, и онъ не рѣшился произвести аттаку. До $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера меня болѣе не тревожили. Въ это время я отправился для совѣщанія съ моими товарищами. Тутъ были гг. Дюфоръ, Жюль Фавръ, адмиралъ Потюо и генералъ Орель-де-Паладинъ. Послѣдній сообщилъ намъ, что нечего разсчитывать на національную гвардію, что Вандомская площадь занята въ 9 часовъ однимъ изъ монмартрскихъ батальоновъ, подъ начальствомъ Бержере и Арнольда, причемъ стоявшій тамъ батальонъ 1-го округа отступилъ безъ сопротивленія, оставивъ во власти инсургентовъ зданіе министерства юстиціи и главный штабъ національной гвардіи; наконецъ мы узнали, что инсургенты проникли уже до предмѣстья Сентъ-Оноре. Признаюсь, мнѣ представлялась ужасною мысль объ очищеніи Парижа. Мы рѣшили немедленно отправиться въ Военную школу, чтобы посовѣтоваться съ военными властями. Проходя по улицамъ, мы на каждомъ шагу встрѣчали національныхъ гвардейцевъ, которые насъ, однако, не безпокоили, такъ какъ они не знали насъ. Генералъ Винуа отвѣтилъ намъ: „Я солдатъ „и долженъ повиноваться; мнѣ предписано очистить Парижъ, и „черезъ часъ здѣсь не будетъ болѣе войскъ; всѣ они уйдутъ въ „Версаль“. Мы переночевали въ одномъ домѣ по сосѣдству съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Мы знали, что на другое утро, въ 8 часовъ, въ Версалѣ долженъ собраться совѣтъ министровъ. Желая участвовать въ немъ, мы въ $7\frac{1}{2}$ часовъ отправились по же-

лѣзной дорогѣ въ Версаль; къ счастію, по пути на станцію желѣзной дороги насъ никто не узналъ, иначе намъ угрожала бы участь генераловъ Леконта и Тома. Уже въ Версалѣ я узналъ изъ полученной правительствомъ депеши, что около часу ночи значительныя массы инсургентовъ собрались около зданія министерства внутреннихъ дѣлъ и овладѣли имъ. Въ ту же ночь батальоны національной гвардіи, поднявшіе знамя возстанія, заняли всѣ министерства и національную типографію."

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ 18-го марта было занятіе инсургентами Ратуши. Извѣстно, что это зданіе во всѣхъ французскихъ революціяхъ имѣло какое-то символическое значеніе: тотъ, кто владѣлъ Ратушей, считался всегда властелиномъ Парижа. Понятно поэтому, что правительство старалось держать въ своихъ рукахъ Ратушу какъ можно долѣе, и нужно отдать справедливость тогдашнему префекту сенскаго департамента, Жюлю Ферри, что онъ выказалъ не мало энергіи и мужества въ виду быстрыхъ успѣховъ революціи, провелъ весь день 18-го марта въ Ратушѣ и покинулъ свой постъ лишь въ послѣднюю минуту, когда уже невозможно было держаться. Въ десятомъ часу вечера секретарь Ферри явился въ собраніе мэровъ и объявилъ имъ, что, по предписанію правительства, войска только что выведены изъ Ратуши, что Жюль Ферри удалился въ мэрію перваго округа, и просилъ мэровъ занять Ратушу. Тѣ избрали съ этой цѣлью делегацію, которая прибыла въ Ратушу около 11½ часовъ вечера; оказалось, что зданіе уже занято было батальонами, повиновавшимися Центральному комитету. Делегація объявила о цѣли своего прибытія, но ей отвѣтили, что національная гвардія и безъ нея съумѣетъ охранить Ратушу и что это дѣло не касается мэровъ. Нѣсколько членовъ Центральнаго комитета, прибывшіе около этого времени, сказали приблизительно то же самое и пригласили делегацію удалиться. Она отправилась въ мэрію 1-го округа, чтобы сообщить Ферри и собранію мэровъ о результатахъ своей попытки. Въ этой мэріи между тѣмъ происходило слѣдующее: Прибывъ туда около 10 часовъ, Ферри сообщилъ мэру (Адаму) и его помощнику о положеніи дѣлъ и

спросилъ ихъ, что теперь дѣлать. Тѣ немедленно пригласили къ себѣ начальниковъ батальоновъ, которые въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ выказались наиболѣе благонадежными; тѣ объявили, что ничего нельзя сдѣлать, что на призывъ къ оружію отвѣтили только человѣкъ по 14—15 изъ каждаго батальона, да и тѣ, постоявъ немного на улицахъ, отправились домой спать; батальонные командиры не совѣтовали будить ихъ. Тогда, узнавъ, что мэры собрались въ мэріи 2-го округа, Ферри пригласилъ ихъ къ себѣ запиской, въ которой, извѣщая ихъ объ отозваніи войскъ изъ Ратуши, убѣждалъ ихъ предпринять что-либо для спасенія архивовъ и денежныхъ суммъ. Они прибыли почти всѣ около часа спустя, казались не менѣе обезкураженными, чѣмъ начальники батальоновъ національной гвардіи, но все-таки рѣшили, что нужно попытаться держаться въ мэріи. Въ это время вокругъ мэріи раздался страшный шумъ: оказалось, что прибывшіе въ Ратушу члены Центральнаго комитета, узнавъ объ удаленіи Жюля Ферри въ мерію 1-го округа, отправили отрядъ національной гвардіи, чтобъ оцѣпить мэрію. Въ толпѣ раздавались клики: „Смерть Ферри! Давайте намъ Ферри!“ У всякаго, выходившаго изъ зданія мэріи, спрашивали его имя. Тогда мэры посовѣтовали Ферри не выходить черезъ главный выходъ, а дали ему возможность бѣжать черезъ задній ходъ, на дворъ, сообщающійся съ церковью «Saint-Germain l'Auxerrois». Изъ церкви Ферри вышелъ на другую улицу, пока толпа, стоявшая передъ мэріей, все еще требовала его смерти, переночевалъ у одного изъ своихъ пріятелей, а на другой день утромъ отправился въ Версаль.

Мы уже упомянули выше, по поводу уступокъ, на которыя въ послѣднюю минуту согласилось правительство, по поводу назначенія Ланглуа начальникомъ національной гвардіи и по поводу занятія Ратуши, о той роли, которую играли во время событій 18-го марта члены парижскаго муниципалитета, принадлежавшіе большею частью къ чисто-республиканской партіи, хотя къ болѣе умѣренному ея оттѣнку, чѣмъ дѣятели Центральнаго комитета. Для полноты картины приведемъ здѣсь показаніе мэра 14-го округа (Гренельскаго, одного изъ рабочихъ кварталовъ), Элигона, который,

какъ сказано выше, былъ между прочимъ однимъ изъ дѣятелей парижскаго отдѣла Международнаго Общества рабочихъ. „Вслѣдствіе событій, случившихся утромъ 18-го марта на Монмартрѣ“ — показывалъ Элигонъ въ слѣдственной коммиссіи — „все пришло въ движеніе, всѣ жандармы въ моемъ округѣ были обезоружены; я оставался одинъ, не получая никакихъ депешъ отъ правительства, такъ какъ ихъ перехватывали. Населеніе моего округа, привыкшее слушаться меня, избрало себѣ начальникомъ нѣкоего Анри, личность въ высшей степени ничтожную. Въ 2 часа я получилъ отъ моего товарища, Тирара, депешу, въ которой онъ приглашалъ меня прибыть въ 3 часа въ собраніе мэровъ, въ мэрію 3-го округа. Я отправился въ Ратушу, которая была хорошо защищена; еслибы правительство рѣшилось сопротивляться, то инсургентамъ понадобилось бы нѣсколько дней для того, чтобъ овладѣть ею. Я попросилъ у Ферри войска и полицейскихъ стражей для защиты моего округа; онъ отвѣтилъ, что ничего не можетъ дать мнѣ, такъ какъ самъ ежеминутно ожидаетъ нападенія послѣ неудавшейся попытки овладѣть пушками на монмартрскихъ высотахъ. По прибытіи въ мэрію 3-го округа, я узналъ, что мои товарищи уже разошлись, но что вечеромъ назначено новое собраніе. Вечеромъ мы узнали подробности объ утреннихъ событіяхъ на Монмартрѣ, объ умерщвленіи генераловъ. Я, въ числѣ другихъ, отправился къ Фавру, чтобы добиться отъ правительства уступокъ; но онъ отказался отъ всякихъ уступокъ, объявивъ, что правительство рѣшило отстаивать Ратушу и защищаться въ Парижѣ. Однако черезъ полъ-часа мы узнали, что генералъ Винуа велѣлъ всѣмъ войскамъ отступить къ Версалю, покинувъ на произволъ судьбы Жюля Ферри, который оставался еще въ Ратушѣ. Ночью мы получили декретъ о назначеніи Ланглуа главнокомандующимъ національной гвардіей и обѣщаніе немедленно произвести муниципальные выборы въ Парижѣ. Но когда Ланглуа прибылъ въ занятую уже національной гвардіей Ратушу, ему сказали: „Теперь слишкомъ поздно. Теперь мы не „можемъ уже удовольствоваться этимъ“. Мы поняли наше безсиліе и разошлись“.

Въ дополненіе къ тому, что сказано выше объ очищеніи войсками Парижа, нужно замѣтить, что національная гвардія, вопреки опасеніямъ Тьера, нигдѣ не дѣлала ни малѣйшей попытки отрѣзать имъ отступленіе; между тѣмъ нѣкоторымъ отрядамъ приходилось слѣдовать очень многолюдными кварталами, въ которыхъ батальоны національной гвардіи, повиновавшіеся Центральному комитету, стояли подъ ружьемъ; послѣднимъ почти ничего не стоило бы задержать большую часть полковъ въ Парижѣ и лишить такимъ образомъ правительство не только средствъ возобновить аттаку противъ Парижа, но и защищать Версаль. Этотъ странный съ перваго взгляда фактъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что 18-го марта возстаніе не имѣло еще общаго руководящаго органа; въ каждомъ изъ безпокойныхъ кварталовъ движеніе было начато „мѣстнымъ" комитетомъ; комитеты эти дѣйствовали совершенно самостоятельно, едва обмѣниваясь между собою коротенькими сообщеніями. Вообще не трудно было замѣтить, что въ первый день возстанія движеніе было очень плохо организовано. Батальоны національной гвардіи расхаживали по улицамъ часто даже съ орудіями, но безъ всякой опредѣленной цѣли, больше въ видахъ эффектной и театральной демонстраціи, чѣмъ серьозной борьбы. Не растеряйся правительство послѣ первой неудачи, дѣла могли бы принять совершенно другой оборотъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что возмутившіеся батальоны въ этотъ первый день вовсе не были даже способны къ борьбѣ; у многихъ батальоновъ не было патроновъ; у инсургентовъ было много пушекъ и даже митральезъ, но вовсе не было зарядовъ. Только въ Монмартрѣ и Бельвилѣ возстаніе было нѣсколько лучше организовано. Тамъ были комитеты, уже прежде дѣйствовавшіе самостоятельно, и потому болѣе способные направлять движеніе въ интересахъ наступленія и защиты; тамъ были патроны и заряды для орудій, и къ тому же самая мѣстность была болѣе благопріятна, чѣмъ въ другихъ пунктахъ Парижа. Отсутствіе общаго руководства движеніемъ объусловливалось также невозможностью для членовъ Центральнаго комитета собраться въ этотъ день для общихъ совѣщаній. Въ ночь съ 17-го

на 18-е число происходило, правда, засѣданіе Центральнаго комитета, но въ этомъ засѣданіи не былъ установленъ никакой общій планъ дѣйствій, не были рѣшены никакія опредѣленныя мѣры; хотя всѣ и предчувствовали, что правительство предприметъ что-нибудь, но никто не ожидалъ, чтобы попытка правительства послѣдовала такъ скоро. 18-го же числа событія застали представителей парижскихъ кварталовъ, входившихъ въ составъ Центральнаго комитета, въ ихъ округахъ; они были завалены дѣломъ каждый въ своемъ районѣ, не имѣли времени собраться для общихъ совѣщаній, и потому каждый дѣйствовалъ въ своемъ кварталѣ на свой страхъ и отвѣтственность. Около 11-ти часовъ вечера нѣкоторые члены Центральнаго комитета, какъ сказано выше, прибыли въ Ратушу; но они не были въ достаточномъ числѣ, чтобы постановить какія-либо рѣшенія, и только на слѣдующій день утромъ въ Ратушѣ состоялось первое засѣданіе Центральнаго комитета.

Недумано-негадано Центральный комитетъ національной гвардіи оказался къ ночи на 19-е марта полнымъ властелиномъ Парижа. Окидывая общимъ взглядомъ достопамятные для Парижа и для всей Франціи событія 18-го марта, нельзя не прійти къ заключенію, что причину успѣха слѣдуетъ приписать не столько распорядительности и находчивости руководителей его — напротивъ, эти руководители едва подавали кое-какіе признаки жизни въ первый день возстанія — сколько ошибкамъ тогдашняго правительства. Первая ошибка его заключалась въ томъ, что оно не съумѣло составить себѣ въ эпоху, предшествовавшую возстанію, яснаго понятія о возбужденіи умовъ, о настроеніи общественнаго мнѣнія, о значеніи организовавшагося передъ тѣмъ Центральнаго комитета, о возможныхъ послѣдствіяхъ задуманнаго имъ шага. Вторая ошибка его состояла въ томъ, что, рѣшившись нѣсколько легкомысленно прибѣгнуть къ открытой силѣ для овладѣнія пушками, оно не съумѣло ни довести до конца разъ начатое дѣло съ должной энергіей, ни, убѣдившись въ невозможности успѣха, успокоить взволнованное населеніе своевременными и достаточными уступками. Третью его ошибку нельзя не видѣть въ томъ, упорно игнорируя

сначала Центральный комитетъ, оно, при первой же своей неудачѣ испугалось, и, преувеличивая въ своемъ воображеніи его значеніе и силу, не замѣтило, что имѣетъ дѣло съ возстаніемъ неорганизованнымъ, съ цѣлями самыми неопредѣленными, а поспѣшило признать себя побѣжденнымъ, безсильнымъ и бѣжать съ поля сраженія, не истощивъ всѣхъ средствъ къ оборонѣ. Что бы ни говорили Тьеръ, Лефло, Винуа и др. о невозможности держаться въ Парижѣ—объясненія ихъ не могутъ считаться оправданіями. Одно изъ двухъ: или правительство, зная силу революціонныхъ элементовъ и свое собственное безсиліе, не должно было вовсе подавать сигнала къ открытой борьбѣ, хотя бы Національное Собраніе переѣзжало не только въ Версаль, но въ самый Парижъ; или же, разъ прибѣгнувъ къ открытой силѣ, оно должно было поближе всмотрѣться въ своего непріятеля, не преувеличивать его силъ, не пугаться первой неудачи и не бросать двухъ-милліоннаго города на произволъ революціи. Теперь же оказалось, что Центральный комитетъ, имѣвшій цѣлью, какъ видно изъ устава его, „заботиться о вооруженіи національной гвардіи и о сохраненіи республиканскихъ учрежденій“ — силою обстоятельствъ былъ приведенъ вечеромъ 18-го марта въ Ратушу, гдѣ онъ попытался замѣнить собою исчезнувшее правительство, т. е. сдѣлать то, о чемъ никто изъ его членовъ, конечно, и не смѣлъ мечтать еще наканунѣ вечеромъ. Словомъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на поведеніе тьеровскаго правительства, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ поведеніи было болѣе легкомыслія и малодушія, чѣмъ благоразумія.

ГЛАВА IV.

Прокламаціи правительства и Центральнаго комитета.—Впечатлѣніе, произведенное 18-мъ марта на парижанъ.—Первыя попытки къ соглашенію.—Занятіе инсургентами фортовъ. — Монъ-Валерьенъ. — Правительство въ Версалѣ.

Крупныя событія 18-го марта прошли почти незамѣченными для большей части парижанъ. Въ воскресенье, 19-го марта, солнце озарило Парижъ яркимъ весеннимъ блескомъ. Всѣ лавки и магазины были открыты, привыкшіе къ фланированію парижане высыпали, пользуясь великолѣпной погодой, съ ранняго утра на бульвары. „Ну что новаго?“, спрашивалъ одинъ фланеръ у другаго. „Ничего особеннаго“, отвѣчалъ вопрошаемый. „Ахъ да, кажется, вчера что-то происходило на Монмартрѣ“. Гуляющіе покупали „Офиціальную Газету“ отъ 19-го марта, вышедшую въ ночь, и читали въ ней прокламацію тьеровскаго правительства, въ которой возвѣщалось объ утреннихъ событіяхъ 18-го марта, объ умерщвленіи генераловъ Леконта и Тома, о занятіи инсургентами штаба національной гвардіи; далѣе прокламація заключала въ себѣ энергическіе протесты противъ приписываемаго правительству намѣренія произвести государственный переворотъ; въ заключеніе правительство обращалось къ благомыслящимъ гражданамъ Парижа съ приглашеніемъ возстать для обузданія виновниковъ безпорядка, „наемниковъ внѣшняго врага или деспотизма“. Рядомъ съ этой прокламаціей была напечатана слѣдующая прокламація къ національной гвардіи: „Какой-то комитетъ, называющій себя централь-

нымъ, овладѣлъ пушками, возвелъ въ разныхъ мѣстахъ баррикады и занялъ нѣкоторыя общественныя зданія. Онъ велѣлъ стрѣлять по защитникамъ порядка и хладнокровно умертвилъ генераловъ Клемана Тома̀ и Леконта. Изъ кого состоитъ этотъ комитетъ? Никто не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ; имена его членовъ совершенно неизвѣстны въ Парижѣ, и трудно даже сказать, къ какой партіи они принадлежатъ — коммунисты ли они, бонапартисты, или пруссаки, или же агтломерація этихъ трехъ элементовъ. Кто бы они ни были, но ясно одно—что они враги Парижа, который они предаютъ разграбленію, враги Франціи, которую они выдаютъ пруссакамъ, враги республики, которую они отдаютъ въ руки деспотизму. Совершонныя ими преступленія не позволяютъ ни одному доброму гражданину слѣдовать за ними. Хотите ли вы принять на себя отвѣтственность за ихъ преступленія и за тѣ развалины, которыми они покроютъ Парижъ? Въ такомъ случаѣ оставайтесь у себя дома. Но если вы дорожите вашей честью и самыми священными интересами страны—присоединитесь къ правительству республики и къ Національному Собранію". Обѣ эти прокламаціи были подписаны „находящимися въ Парижѣ членами правительства: Дюфоромъ, Фавромъ, Пикаромъ, Симономъ, адмираломъ Потюо, генераломъ Лефло".

Прочитавъ эти прокламаціи въ „Официіальной Газетѣ" парижскій фланеръ шелъ нѣсколько шаговъ далѣе и натыкался на ближайшемъ перекресткѣ на слѣдующія прокламаціи, напечатанныя на *бѣлой* бумагѣ, т. е. на бумагѣ, указывавшей своимъ цвѣтомъ на ихъ официіальный характеръ: 1) „Граждане! Парижскій народъ стряхнулъ съ себя иго, которое хотѣли наложить на него. Спокойный, въ сознаніи своей силы, онъ ожидалъ безумцевъ, желавшихъ ниспровергнуть республику. На этотъ разъ наши братья изъ арміи не пожелали наложить руку на ковчегъ нашей свободы. Спасибо вамъ всѣмъ! Пусть Парижъ и Франція положатъ основаніе республикѣ, единственной формѣ правительства, которая навсегда заключитъ эру нашествій и междоусобныхъ войнъ! Осадное положеніе снято. Населеніе Парижа призывается къ муниципальнымъ

выборамъ. Безопасность гражданъ обезпечивается содѣйствіемъ національной гвардіи. Парижская Ратуша, 19-го марта 1871 года. Центральный комитетъ національной гвардіи: *Асси, Билліорэ, Ферра, Бабикъ, Моро, Дюпонъ, Варленъ, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лавалеттъ, Журдъ, Руссо, Люлье, Бланше, Гролларъ, Барру, Жеремъ, Февръ, Пужере*". — 2) „Къ національной гвардіи Парижа. Граждане! Вы поручили намъ организацію защиты Парижа и вашихъ правъ. Мы добросовѣстно исполнили эту обязанность; благодаря вашему самоотверженному мужеству и вашему замѣчательному хладнокровію, мы изгнали изъ Парижа правительство измѣнниковъ. Теперь наша задача исполнена, и мы возвращаемъ вамъ врученную намъ власть, такъ какъ мы не имѣемъ притязанія занять мѣсто тѣхъ, которыхъ народное негодованіе только что низвергло. Приступайте же къ муниципальнымъ выборамъ, и дайте намъ единственную награду, на которую мы когда-либо разсчитывали—учрежденіе истинной республики. Въ ожиданіи вашего рѣшенія мы будемъ охранять во имя народа Ратушу". (Слѣдуютъ тѣ же подписи). — Наконецъ въ третьей прокламаціи, подписанной тѣми же именами: Асси, Билліорэ и пр., объявлялось, что муниципальные выборы назначаются на 22 марта.

Прохожіе читали эти прокламаціи и спрашивали себя: „Что это за люди?". Иные, по свойственной парижанамъ привычкѣ къ каламбурамъ, острили по поводу фамилій лицъ, подписавшихъ прокламаціи. Дѣйствительно парижане были удивлены болѣе всего фамиліями своихъ новыхъ властителей. Кромѣ Асси и Варлена, имена которыхъ были извѣстны нѣкоторымъ изъ нихъ по процессамъ Международнаго Общества рабочихъ, да Люлье, стяжавшаго нѣкоторую извѣстность своими эксцентрическими выходками во время прусской осады, остальныя лица, явившіяся вдругъ властителями Парижа, были совершенно незнакомы парижанамъ. Впрочемъ прокламаціи новаго правительства не были срываемы со стѣнъ. Вообще населеніе Парижа отнеслось къ совершившейся наканунѣ революціи не то скептически, не то добродушно. Батальоны національной гвардіи, приставшіе къ возстанію, расхаживали по улицамъ,

среди густой толпы гуляющихъ, которыхъ выманилъ на улицу великолѣпный весенній день. Особенно много народу было на Монмартрѣ: массы любопытныхъ расхаживали вокругъ многочисленныхъ баррикадъ, надъ окончаніемъ которыхъ трудились національные гвардейцы, глазѣя скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ ужасомъ, на пушки, устанавливаемыя на этихъ баррикадахъ. Вообще, помимо усиленнаго расхаживанья по улицамъ и бульварамъ національныхъ гвардейцевъ, ничто не обнаруживало какихъ-либо необычайныхъ событій. Казалось, что всюду царствовало полное и невозмутимое спокойствіе. Многіе ожидали въ этотъ день серьезной, внушительной демонстраціи „друзей порядка"; но подобной демонстраціи не произошло; за то всѣ съ удивленіемъ узнали, что въ теченіи ночи министерства, главный штабъ національной гвардіи, національная типографія и пр. покинуты правительствомъ и заняты, безъ всякаго сопротивленія, національной гвардіей. Словомъ, обнаружилось, что импровизированное возстаніе, совершенно неожиданно для самихъ инсургентовъ, одержало побѣду на всей линіи. „Инсургенты", писала 19 марта газета „Temps", „всюду торжествуютъ, почти безъ боя, благодаря деморализаціи арміи, сочувствію одной части національной гвардіи и равнодушію другой."— „Въ нашихъ глазахъ"—говорила другая либеральная газета, „Opinion Nationale"—„вчерашнія событія представляютъ одну черту особенно возмутительную: это апатія, эгоизмъ, трусость такъ называемыхъ честныхъ людей. Нельзя читать безъ негодованія разсказовъ о томъ, какъ національные гвардейцы центральныхъ кварталовъ, призываемые къ защитѣ порядка, являлись на призывъ въ количествѣ отъ 20 до 50 человѣкъ на батальонъ, какъ лавочники отказывались покидать свои лавки, ожидая спасенія отъ какого-то чуда". То, что мы сказали выше о настроеніи парижанъ передъ возстаніемъ, можетъ служить отчасти къ объясненію этого равнодушія, такъ возмущавшаго умѣренно-либеральные органы печати: декреты объ уплатѣ по векселямъ и о квартирной платѣ, грозившіе разореніемъ большей части мелкой буржуазіи, внушали послѣдней мало охоты защищать правительство, издавшее такіе декре-

ты; непопулярность, которою съумѣли окружить себя члены бывшаго правительства народной обороны, перешедшая большею частью въ новое тьеровское правительство, не могла побуждать даже умѣренную часть парижскаго населенія энергически защищать это правительство; наконецъ, нѣкоторое недовѣріе къ дальнѣйшимъ видамъ правительства — выразившееся въ слѣдующей фразѣ, подслушанной однимъ очевидцемъ: „трудно сдѣлать выборъ между анархіей въ Парижѣ и монархіей въ Версалѣ“ — это недовѣріе тоже можетъ объяснить отчасти равнодушіе благонамѣренныхъ элементовъ парижскаго населенія.

Послѣ полудня, когда мирные парижскіе буржуа, разодѣвшись по-праздничному, выходили, какъ ни въ чемъ не бывало, на прогулку съ своими семействами, пользуясь великолѣпнымъ весеннимъ днемъ, на улицахъ Парижа появилась слѣдующая прокламація, подписанная Люи Бланомъ, Шельхеромъ, Адамомъ, Флоке, Ланглуа, Локруа, Бриссономъ и другими парижскими депутатами, а также мэрами и помощниками мэровъ 20 парижскихъ округовъ: „Граждане! Въ виду неотложной необходимости спасти Парижъ и республику, устранить всякія причины къ столкновенію, мы считаемъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли — исполненіе законныхъ желаній населенія, и поэтому рѣшились завтра же потребовать отъ Національнаго Собранія двухъ мѣръ, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы удовлетворить и успокоить столицу. Эти двѣ мѣры: избраніе самими гражданами всѣхъ начальниковъ національной гвардіи и установленіе правильнаго, выборнаго муниципальнаго управленія. Мы желаемъ только того, чего долженъ желать всякій благомыслящій человѣкъ при всякихъ обстоятельствахъ, въ особенности же въ настоящую критическую минуту: порядка въ свободѣ и путемъ свободы. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!“ Эта прокламація произвела вообще благопріятное впечатлѣніе на умѣренную часть населенія, которая, послѣ удаленія правительства изъ Парижа, смотрѣла на парижскихъ депутатовъ, на мэровъ и ихъ помощниковъ, какъ бы на законныхъ своихъ правителей и руководителей, и желала, что-

бы онп, а не вновь выступившій Центральный комитетъ, составили изъ себя нѣчто въ родѣ временнаго правительства. Нужно отдать справедливость депутатамъ и мэрамъ—они не оставались въ бездѣйствіи. Уже въ 2 часа, 19-го марта, они собрались въ мэріи 3-го округа, куда прибыли для совѣщанія съ ними до 40 начальниковъ батальоновъ національной гвардіи. Среди присутствующихъ не трудно было различить троякаго рода стремленія. Одни желали защищаться противъ инсургентовъ, другіе склонялись на сторону Центральнаго комитета, третьи держались средины и старались отъискать пути къ соглашенію. Эти послѣдніе составляли большинство, и на этотъ разъ мнѣніе ихъ одержало верхъ. Собраніе рѣшило, что такъ какъ правительство добровольно удалилось, то необходимо предоставить національной гвардіи право назначать своихъ начальниковъ, а Центральному комитету—организовать защиту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно полагало, что національной гвардіи слѣдуетъ пока держаться въ оборонительномъ положеніи и что гражданское управленіе въ столицѣ должно оставаться въ рукахъ мэровъ, которые имѣли къ тому же достаточныя на то полномочія, такъ какъ въ этотъ день, утромъ, мэръ 2-го округа, Тирардъ, видѣлся съ Тьеромъ въ Версалѣ и получилъ отъ него письмо, въ которомъ управленіе Парижемъ возлагалось на мэровъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было послать въ Ратушу делегацію, состоявшую изъ двухъ депутатовъ и шести мэровъ или помощниковъ, чтобъ узнать намѣренія Центральнаго комитета. Вечеромъ въ Ратушѣ происходило продолжительное совѣщаніе между членами делегаціи и комитета. Первые настаивали преимущественно на томъ, что необходимо избѣгать междоусобной войны, которая представляла бы тѣмъ большія опасности, что пруссаки находились еще подъ стѣнами Парижа. Члены комитета, казалось, поколебались и удалились въ другую залу для совѣщаній. Около полуночи четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ Журдъ и Варленъ, вышли къ депутаціи и объявили, что Центральный комитетъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться отъ военной власти, представлявшей единственную надежную гарантію для тѣхъ правъ, которыхъ онъ

требовалъ. Мэры согласились на это, но настаивали на томъ, чтобы Ратуша была отдана имъ и чтобъ опредѣлены были условія соглашенія между комитетомъ и правительствомъ. Наконецъ, около 4-хъ часовъ утра, депутація и комитетъ условились насчетъ слѣдующаго: 20-го марта, въ 9-ть часовъ утра, городское управленіе будетъ передано особой делегаціи, избранной изъ числа мэровъ и ихъ помощниковъ; но въ то же время мэръ 3-го округа, Бонвалле, и помощники мэровъ 10-го и 12-го округовъ займутъ Ратушу; Центральный же комитетъ покинетъ ее и перенесетъ свое мѣстопребываніе на Вандомскую площадь, въ зданіе штаба національной гвардіи, сохраняя за собою завѣдываніе послѣднею; и мэры и Центральный комитетъ, должны были на слѣдующій день возвѣстить населенію, въ особыхъ прокламаціяхъ, о послѣдовавшемъ соглашеніи. Мы увидимъ ниже, что столь успѣшно, повидимому, начатому соглашенію не суждено было осуществиться. Теперь же отмѣтимъ еще нѣсколько выдающихся фактовъ, случившихся 19-го же марта.

Вечеромъ Центральный комитетъ узналъ, что форты, расположенные на южномъ берегу Сены, очищены правительственными войсками. Онъ тотчасъ же отправилъ нѣсколько батальоновъ для занятія этихъ фортовъ, причемъ національные гвардейцы нашли возможнымъ обмѣнить свои ружья старой системы на оставленныя въ складахъ фортовъ скорострѣльныя ружья. Относительно очищенія фортовъ генералъ Винуа показалъ впослѣдствіи слѣдующее въ слѣдственной коммисіи: „Вечеромъ, 18-го числа, г. Тьеръ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Версаль, предписалъ мнѣ направить туда всѣ войска, и въ особенности поскорѣе прислать ему бригаду Доделя, занимавшую южные форты, Монъ-Валерьенъ и Курбвуа. Онъ считалъ необходимымъ имѣть въ Версалѣ именно эту бригаду; я ему передъ тѣмъ указалъ на нее, какъ на самую надежную часть изъ находившихся подъ моимъ начальствомъ войскъ, такъ какъ она не приходила въ столкновеніе съ парижскимъ населеніемъ и не успѣла деморализоваться. Исполняя приказаніе Тьера, я предписалъ генералу Доделю очистить всѣ форты, въ томъ числѣ и

Монъ-Валерьенъ, и идти съ своей бригадой къ Версалю. Въ Монъ-Валерьенѣ, кромѣ части бригады Доделя, было еще два стрѣлковыхъ батальона, на которыхъ, однако, нельзя было положиться, такъ какъ я перевелъ ихъ изъ Парижа въ Монъ-Валерьенъ именно въ видѣ наказанія, въ ожиданіи отправленія ихъ въ Алжиръ. Прибывъ въ Версаль и узнавъ, что Монъ-Валерьенъ оставленъ войсками Доделя, я написалъ г. Тьеру письмо, въ которомъ доказывалъ ему, что невозможно покидать этого форта, что оставшіеся тамъ два батальона должны уйти оттуда на слѣдующій день и что необходимо послать туда надежныя войска. Впослѣдствіи я объяснилъ ему еще устно, что намъ невозможно оставаться въ Версалѣ, если Монъ-Валерьенъ не будетъ въ нашихъ рукахъ. Я отправился къ нему для этой цѣли въ 1 часъ ночи и онъ меня принялъ въ постели. Онъ спросилъ меня, какія туда можно послать войска? Я указалъ ему на 119-й линейный полкъ, который я считалъ надежнымъ. Тогда Тьеръ рѣшился подписать предписаніе, котораго я отъ него требовалъ. Я самъ отправился къ полковому командиру 119-го полка и велѣлъ ему собрать полкъ къ 6-ти часамъ утра; я взялъ еще эскадронъ кавалеріи и баттарею полевой артиллеріи, и на разсвѣтѣ 20-го марта лично повелъ эти войска въ Монъ-Валерьенъ". Тьеръ объяснилъ въ той же слѣдственной коммисіи, что для занятія всѣхъ фортовъ ему потребовалось бы по меньшей мѣрѣ 8,000 человѣкъ, что значительно ослабило бы и безъ того ничтожныя силы его, собранныя въ Версалѣ; поэтому онъ велѣлъ очистить всѣ южные форты, сохранивъ въ своихъ рукахъ только Монъ-Валерьенъ, господствующій надъ всѣми окрестностями и въ которомъ къ тому же были скоплены значительные военные запасы; онъ послалъ туда отличный полкъ, а всѣ остальныя войска стянулъ къ Версалю. Такимъ образомъ, каковы бы ни были ошибки, сдѣланныя генераломъ Винуа 18-го марта, нужно отдать ему справедливость, что онъ первый понялъ громадное значеніе для правительства обладанія Монъ-Валерьеномъ. Безъ его настойчивости и эта важная позиція попала бы, вѣроятно, въ руки инсургентовъ, а тогда исходъ экспедиціи инсурген-

товъ противъ Версаля и вообще результаты борьбы правительства противъ Коммуны, могли бы быть совершенно иные.

День 19-го марта, какъ мы сказали выше, прошелъ въ Парижѣ очень спокойно, даже празднично. Былъ только одинъ случай насилія: послѣ полудня отряды національной гвардіи появились въ редакціяхъ газетъ „Figaro" и „Gaulois" и потребовали прекращенія изданія этихъ „враждебныхъ республикѣ органовъ". Такимъ образомъ люди, начавшіе наканунѣ борьбу противъ правительства во имя свободы, люди еще нѣсколько дней тому назадъ съ такимъ негодованіемъ порицавшіе генерала Винуа за запрещеніе республиканскихъ газетъ, начинали свою дѣятельность съ посягательства на свободу слова, на свободу печати. Радикальная газета „Rappel", въ своемъ нумерѣ отъ 20-го числа, весьма рѣзко отнеслась къ этому, сдѣланному на первыхъ же порахъ, отступленію отъ принциповъ свободы. Даже такой органъ, какъ „Pére Duchesne", въ своемъ нумерѣ отъ 20-го марта, выразилъ неодобреніе Центральному комитету за это насиліе, утверждая, что это было большою ошибкою, что революція достаточно сильна для того, чтобы обойтись безъ подобныхъ мѣръ, и требуя одинаковой свободы для всѣхъ, какъ для друзей, такъ и для враговъ республики.

Правительство провело день 19-го марта въ устройствѣ своихъ помѣщеній въ новой, временной столицѣ Франціи и въ приготовленіяхъ къ открытію на слѣдующій день въ Версалѣ засѣданій Національнаго Собранія. Въ этотъ день утромъ всѣ чиновники различныхъ министерствъ получили слѣдующій циркуляръ: „По распоряженію главы исполнительной власти, вы приглашаетесь прибыть какъ можно скорѣе въ Версаль и оставаться тамъ въ распоряженіи правительства". Въ то же время Тьеръ велѣлъ разослать въ департаменты слѣдующую депешу: „Всѣ члены правительства собрались въ Версалѣ; туда же прибываютъ и народные представители. Армія, численностью до 40,000 человѣкъ, сосредоточилась тамъ же, въ совершенномъ порядкѣ, подъ начальствомъ генерала Винуа. Всѣ гражданскія и военныя власти приглашаются

исполнять предписанія только законнаго правительства, находящагося въ Версалѣ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности въ случаѣ ослушанія. Члены Національнаго Собранія приглашаются ускорить свое прибытіе въ Версаль ко дню открытія засѣданій Собранія, т. е. къ 20-му марта. Содержаніе этой депеши должно быть доведено до свѣдѣнія публики".

ГЛАВА V.

Первыя распоряженія Центральнаго комитета. — Первое засѣданіе Національнаго Собранія въ Версалѣ. — Протестъ противъ муниципальныхъ выборовъ мэровъ и печати. — Демонстраціи „друзей порядка". — Парижъ распадается на два лагеря. — Назначеніе адмирала Сессэ главнокомандующимъ парижской національной гвардіей.

20-го марта, утромъ, въ „Оффиціальной Газетѣ", сдѣлавшейся съ этого дня органомъ новыхъ властителей Парижа—правительство въ этотъ же день разослало префектамъ депешу, въ которой приглашало ихъ предъупредить населеніе о томъ, что нумеръ этой газеты отъ 20-го марта выпущенъ въ свѣтъ инсургентами, овладѣвшими національной типографіей—въ „Оффиціальной Газетѣ" былъ напечатанъ цѣлый рядъ прокламацій, одновременно появившихся и на стѣнахъ Парижа, подписанныхъ именами Асси, Билліорэ и прочихъ членовъ Центральнаго комитета. Въ первой изъ этихъ прокламацій, настолько длинной, что мы не находимъ возможнымъ привести ее здѣсь цѣликомъ, Центральный комитетъ отвѣчалъ на тѣ упреки, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался въ теченіи послѣднихъ двухъ дней. На упрекъ въ томъ, что онъ состоитъ изъ лицъ совершенно неизвѣстныхъ, онъ отвѣчалъ указаніемъ на свое происхожденіе, на свободное избраніе членовъ его большинствомъ взрослаго мужскаго населенія Парижа, входившаго въ составъ національной гвардіи. На упрекъ въ томъ, что онъ произвелъ насилія, безпорядки, онъ возражалъ, что не онъ первый обратился къ физической силѣ, что не онъ подалъ первый сигналъ къ междоусоб-

ной войнѣ, что онъ дѣйствовалъ только въ интересахъ самообороны, и что отвѣтственность должна пасть не на него, а на тѣхъ, кто началъ борьбу. Въ другой прокламаціи комитетъ, выдвинутый впередъ обстоятельствами, объявлялъ, что онъ не думаетъ оставлять въ своихъ рукахъ случайно доставшуюся ему власть, и приглашалъ парижское населеніе приступить къ избранію муниципальныхъ властей. Вотъ эта прокламація: „Въ виду неотложной необходимости немедленно организовать муниципальное управленіе Парижа Центральный комитетъ національной гвардіи постановляетъ: 1) Выборы членовъ парижскаго общиннаго совѣта назначаются на 22 марта. 2) Выборы будутъ производиться по округамъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждые 20,000 жителей приходилось по одному члену совѣта; число совѣтниковъ, которые должны быть избраны каждымъ округомъ, будетъ объявлено впослѣдствіи. 3) Выборы начнутся въ 8 час. утра и окончатся въ 6 час. вечера; вслѣдъ за окончаніемъ ихъ немедленно будетъ приступлено къ счету голосовъ. 4) Приведеніе въ исполненіе настоящаго декрета возлагается на муниципалитеты 20 округовъ.“ — Въ третьей прокламаціи Центральный комитетъ спѣшилъ объявить парижанамъ, какому образу дѣйствій онъ намѣревался слѣдовать по отношенію къ пруссакамъ. „Черезъ три дня“ говорилось въ этой прокламаціи, „вы будете призваны къ избранію вашихъ муниципальныхъ властей. Тогда тѣ, которые держатъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ власть, въ виду потребностей минуты, передадутъ ее избранникамъ народа. Но на насъ лежитъ обязанность принять немедленно важное рѣшеніе: мы разумѣемъ соблюденіе условій мирнаго договора. Мы теперь же объявляемъ, что твердо рѣшились заставить уважать предварительныя условія мира; это одинаково необходимо, какъ для охраненія всеобщаго мира, такъ и для спасенія французской республики“. Въ четвертой прокламаціи Центральный комитетъ протестовалъ противъ толковъ объ участіи его въ умерщвленіи генераловъ Леконта и Тома, объявляя, что эти два лица сдѣлались жертвою ненависти народа и арміи. Въ пятой прокламаціи, обращенной къ провинціямъ, комитетъ взывалъ къ содѣйствію всей

Франціи вообще, и большихъ городовъ въ частности, причемъ напоминалъ, что эти города неоднократно преслѣдовали общія цѣли съ Парижемъ. Наконецъ въ шестой прокламаціи комитетъ взывалъ къ согласію между національной гвардіей, арміей и населеніемъ для достиженія общей цѣли—упроченія во Франціи республики. Далѣе въ „Официальной Газетѣ“ объявлялось, что, согласно рѣшенію Центральнаго комитета отъ 19-го числа, осадное положеніе отмѣняется во всемъ сенскомъ департаментѣ, упраздняются, по предложенію Асси, военные суды, какъ суды исключительные, и провозглашается полная амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ и проступкамъ.

Та прокламація, которая взывала къ согласію и единенію, оканчивалась слѣдующими словами: „Муниципальныя власти округовъ, руководимыя тѣмъ же рвеніемъ и патріотизмомъ, какъ и національная гвардія и армія, соединили свои усилія съ ихъ стараніями обезпечить упроченіе республики и подготовить предстоящіе выборы членовъ общиннаго совѣта“. Эти слова, очевидно, написаны были въ виду состоявшагося наканунѣ вечеромъ и упомянутаго нами выше соглашенія между членами Центральнаго комитета и делегаціей отъ мэровъ и парижскихъ депутатовъ. Но въ ночь съ 19-го на 20-е число положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи значительно измѣнилось. Когда, на основаніи состоявшагося наканунѣ соглашенія, мэръ 3-го округа, Бонвалле, и помощники мэровъ 10-го и 12-го округовъ явились 20-го марта, въ 9 часовъ утра, въ зданіе Ратуши, чтобы принять ее въ свое завѣдываніе, ихъ пригласили выслушать и принять къ исполненію слѣдующую письменную резолюцію Центральнаго комитета: „При настоящихъ обстоятельствахъ комитетъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за всякія возможныя случайности, и потому не находитъ возможнымъ отказаться ни отъ военной, ни отъ гражданской власти.“ Это неожиданное измѣненіе состоявшагося нѣсколько часовъ тому назадъ соглашенія не должно быть приписано одному Центральному комитету. Оказалось, что члены его, войдя въ соглашеніе съ делегаціей депутатовъ и мэровъ, поспѣшили сообщить о томъ окружнымъ комите-

тамъ, представителями которыхъ они являлись; эти мѣстные комитеты большею частью высказали имъ неодобреніе за ихъ образъ дѣйствій и заставили ихъ отказаться отъ состоявшагося уже соглашенія. Имъ объявили, что національная гвардія не желаетъ входить ни въ какія сдѣлки съ мэрами; инымъ даже пригрозили разстрѣляніемъ въ случаѣ, еслибы состоявшееся соглашеніе вошло въ силу. Бонвалле и его товарищи, удивленные и опечаленные такимъ оборотомъ дѣлъ, попытались было снова представить тѣ аргументы, которые не остались безплодными наканунѣ, но имъ отвѣтили, что рѣшеніе Центральнаго комитета непоколебимо. Представителямъ муниципалитета оставалось только удалиться. Члены Центральнаго комитета хотѣли было удержать въ Ратушѣ Магіаса, бывшаго секретаря префекта сенскаго департамента Жюля Ферри, прибывшаго въ Ратушу вмѣстѣ съ Бонвалле; но послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ его отпустили.

Нужно было увѣдомить парижскихъ мэровъ и депутатовъ, отправившихся въ Версаль съ извѣстіемъ о состоявшемся ночью соглашеніи и надѣявшихся добиться отъ Національнаго Собранія уступокъ, о новомъ оборотѣ, который приняли тѣмъ временемъ дѣла. Съ этою цѣлью въ Версаль были посланы вышеупомянутый Магіасъ и помощникъ мэра 3-го округа. По прибытіи ихъ въ резиденцію правительства и Собранія, парижскіе депутаты составили слѣдующее предложеніе, которое было прочитано съ трибуны однимъ изъ ихъ товарищей, мэромъ монмартрскаго округа Клемансо: „Нижеподписавшіеся представители сенскаго департамента имѣютъ честь предложить Національному Собранію слѣдующій проектъ закона: 1) Въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ избранію муниципальнаго совѣта города Парижа. 2) Этотъ совѣтъ будетъ состоять изъ 80 членовъ. 3) Совѣтъ изберетъ изъ своей среды президента, который будетъ исполнять обязанности главнаго парижскаго мэра. 4) Членъ совѣта не можетъ быть въ то же время мэромъ или помощникомъ мэра одного изъ 20 парижскихъ округовъ.“ (Подписано: Шельхеръ, Бланъ, Бриссонъ, Толенъ, Тираръ, Локруа, Клемансо, Ланглуа, Кине, Брюне, Мильеръ, Бернаръ,

Греппо, Курне, Флоке, Разуа, Фарси). Собраніе признало неотложнымъ обсужденіе этого закона, равно какъ и обсужденіе предложенія Мильера объ отсрочкѣ на 3 мѣсяца платежей по просроченнымъ векселямъ, въ отмѣну закона отъ 10-го марта. По предложенію депутата Ластейри была назначена коммисія изъ 15 членовъ „для соглашенія съ исполнительной властью относительно лучшаго способа дѣйствій при данныхъ обстоятельствахъ“. Наконецъ, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ Пикара, департаментъ Сены-и-Оазы (въ которомъ находится Версаль) былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, въ видахъ защиты Собранія, вопреки протесту Люи Блана, который совѣтовалъ своимъ товарищамъ не отступать отъ политики соглашенія и умиротворенія.

День 20-го марта прошелъ въ Парижѣ вообще довольно спокойно. Вечеромъ отрядъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ, повиновавшихся Центральному комитету, явился было въ мэрію 3-го округа, чтобъ отобрать, по порученію начальника артиллеріи національной гвардіи, Люлье, стоявшія тамъ пушки; но мэръ Бонвалле объявилъ, что пушки эти будутъ охраняться покуда батальонами этого округа, и пришедшіе за пушками удалились. Въ этотъ же день Центральный комитетъ очутился въ довольно затруднительномъ положеніи относительно выдачи суточныхъ денегъ національнымъ гвардейцамъ, такъ какъ правительство увезло въ Версаль всѣ наличныя суммы казначейства. Комитетъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія, заключивъ займы у нѣкоторыхъ большихъ кредитныхъ учрежденій. По словамъ бывшаго префекта полиціи, Крессона, Центральному комитету помогалъ также своими средствами нѣкто Тридонъ, который былъ впослѣдствіи членомъ Коммуны, человѣкъ съ весьма значительнымъ состояніемъ.

21-го марта парижскіе мэры и депутаты поспѣшили извѣстить парижское населеніе посредствомъ афишъ о результатахъ предпринятой ими наканунѣ попытки къ соглашенію съ Національнымъ Собраніемъ. Вотъ содержаніе афишъ, появившихся въ этотъ день, за общей подписью мэровъ и депутатовъ, на улицахъ Парижа: „Нижеподписавшіеся объявляютъ своимъ согражданамъ, что Націо-

нальное Собраніе во вчерашнемъ своемъ засѣданіи признало неотложнымъ обсужденіе проекта закона объ избраніи общиннаго совѣта города Парижа. Они увѣрены въ томъ, что національная гвардія, руководствуясь патріотическими чувствами, постарается устранить всякіе поводы къ столкновенію до тѣхъ поръ, пока Національное Собраніе постановитъ свое рѣшеніе по этому вопросу. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!“ Въ другой прокламаціи, обнародованной въ тотъ же день, парижскіе депутаты и мэры объявляли о своемъ нежеланіи участвовать въ назначенныхъ на слѣдующій день выборахъ. Мы приводимъ здѣсь цѣликомъ и эту ихъ прокламацію, для того чтобы показать, въ какой мѣрѣ они заблуждались въ то время относительно истиннаго положенія дѣлъ въ Парижѣ, въ чемъ они сами должны были убѣдиться нѣсколько дней спустя. „Окровавленное и истерзанное отечество“ — сказано было въ этой прокламаціи — „готово испустить духъ, а мы, его дѣти, наносимъ ему еще смертельный ударъ. Иноземецъ стоитъ у нашихъ воротъ, въ ожиданіи удобной минуты, когда онъ вступитъ въ нашъ городъ полнымъ властителемъ, а мы готовы обратить другъ противъ друга братоубійственное оружіе! Во имя великихъ воспоминаній нашей несчастной Франціи, во имя нашихъ дѣтей, будущность которыхъ мы подвергаемъ столь серьезной опасности, обращаемся, съ сокрушеннымъ сердцемъ, къ вамъ, граждане и національные гвардейцы! Соединимся для общаго дѣла, какъ мы соединялись въ горестные, но славные дни осады! Опасайтесь утратить въ одинъ день ту славу, которую вы съумѣли пріобрѣсти, благодаря вашему мужеству и терпѣнію, въ теченіи пяти мѣсяцевъ! Будемте искать, граждане, точекъ соприкосновенія, а не предлоговъ къ раздору! Мы желаемъ сохраненія и упроченія великаго учрежденія національной гвардіи, существованіе которой неразрывно съ существованіемъ республики: мы достигнемъ этого. Мы желаемъ возвращенія Парижу муниципальныхъ правъ, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ, благодаря произволу деспотизма: мы получимъ ихъ. Ваши представители заявили Національному Собранію о вашихъ желаніяхъ; Собраніе единогласно признало ихъ справедливыми, обѣщавъ предписать въ са-

момъ непродолжительномъ времени муниципальные выборы въ Парижѣ и во всѣхъ общинахъ Франціи *). Въ ожиданіи этихъ правильныхъ, законныхъ и соотвѣтствующихъ республиканскимъ принципамъ выборовъ, обязанность добрыхъ гражданъ заключается въ томъ, чтобы не отвѣчать на призывъ, обращенный къ нимъ людьми, не имѣющими на то никакого права. Мы, представители ваши въ Палатѣ и въ муниципальномъ управленіи, объявляемъ поэтому, что останемся совершенно чужды назначеннымъ на завтра выборамъ и признаемъ ихъ незаконными. Граждане! Соединимся въ уваженіи къ закону и спасемъ этимъ отечество и республику! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!" (Слѣдуютъ подписи).—Въ то же время редакціи 35 вліятельнѣйшихъ парижскихъ газетъ, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, (въ томъ числѣ „Opinion Nationale", „Temps", „Cloche", „Journal des Débats", „Libertè", „Bien Public", „National", „Presse", „Constitutionnel", „Moniteur Universel", „Figaro", „Gaulois", „Pays", „Univers", „Gazette de France", „Presse", „France" и пр. и пр.), обнародовали слѣдующую прокламацію къ избирателямъ, въ которой приглашали ихъ не принимать участія въ выборахъ 22-го марта: „Заявленіе печати парижскимъ избирателямъ! Въ виду того, что призывъ избирателей къ урнамъ есть проявленіе народовластія; въ виду того, что представителями народовластія являются только лица, облеченныя полномочіями въ силу всенароднаго голосованія; въ виду того, что, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, комитетъ, засѣдающій въ Ратушѣ, не имѣетъ никакого права предписывать выборы—представители нижепоименованныхъ органовъ печати считаютъ постановленіе о назначеніи выборовъ на 22-е марта неимѣющимъ никакой законной силы и приглашаютъ избирателей не слѣдовать этому приглашенію." Это заявленіе возбудило, понятно, негодованіе дѣятелей революціи 18-го марта и

*) Здѣсь нельзя не отмѣтить маленькой неточности: Собраніе накапунѣ признало только неотложнымъ обсужденіе предложенія парижскихъ мэровъ и депутатовъ, но было далеко отъ мысли удовлетворить ихъ требованія, какъ показали послѣдствія.

ихъ органовъ, которые ставили главнымъ образомъ въ вину авторамъ этого заявленія то, что они огласили его на „бѣлыхъ“ афишахъ, т. е. на афишахъ „офиціальнаго“ цвѣта. На „самозванныхъ“ совѣтниковъ парижанъ посыпались въ Rappel'ѣ, „Père Duchesne'ѣ“ и въ другихъ подобныхъ органахъ самые энергическіе упреки за ихъ непрошенное вмѣшательство. Упреки эти (за исключеніемъ „Rappel'я“, выражавшагося, по крайнѣй мѣрѣ, всегда прилично), были высказываемы въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, авторовъ заявленія называли „бунтовщиками“, „революціонерами“, и т. д. Но рядомъ съ неприличными, кабацкими ругательствами можно было прочесть, напр. въ „Père Duchesne'ѣ“ слѣдующія строки: „Патріоты! Охраняйте свободу печати. Пусть эта свобода остается для всѣхъ навсегда священной! Исключительныя обстоятельства требуютъ исключительныхъ мѣръ, но свободу печати слѣдуетъ всегда уважать; нужно давать мысли право высказываться; здравыя мысли всегда восторжествуютъ. Мы, подвергавшіеся въ былое время самымъ жестокимъ нападкамъ реакціонной печати, требуемъ свободы печати и возможности для нашихъ враговъ оскорблять насъ. Пусть реакціонеры оскорбляютъ насъ, сколько имъ угодно! Совѣтуемъ лицамъ, засѣдающимъ нынѣ въ Ратушѣ, не посягать на свободу печати, не арестовать журналистовъ, не запрещать газетъ, не лишать ихъ свободы. Все, что вы имѣете право сдѣлать—это отказать имъ въ вашемъ содѣйствіи для распространенія ихъ идей. Они оскорбляютъ, унижаютъ васъ—пусть они это дѣлаютъ, но на свой собственный счетъ. Въ вашихъ рукахъ почта и желѣзныя дороги: вы имѣете право отказать имъ въ вашемъ содѣйствіи для распространенія ихъ изданій этими путями. Пусть они сами изыскиваютъ средствъ для распространенія своихъ ученій; они, понятно, не имѣютъ права разсчитывать въ этомъ отношеніи на средства правительства, которое они ежеминутно стараются низвергнуть. Вотъ предѣлы, точно опредѣленные предѣлы, вашей власти, гг. члены Центральнаго комитета. Касаться же свободы печати было бы большой ошибкой. Вамъ,

тораго, повинуясь первому впечатлѣнію уваженія къ этимъ безкорыстнымъ ходатаямъ, поднялись съ своихъ мѣстъ. Раздались громкія рукоплесканія; на лѣвой сторонѣ послышались громкіе клики: „да здравствуетъ республика!“, на что правая сторона отвѣчала кликами: „да здравствуетъ Франція“. Къ голосамъ лѣвой стороны присоединились голоса мэровъ и публики, занимавшей галлереи, и клики „да здравствуетъ республика!“ повторились съ удвоенной силой. Тогда съ правой стороны и изъ центра раздались голоса: „къ порядку! къ порядку!“, все еще заглушаемые восклицаніями въ честь республики. Правая и лѣвая стороны стали перебрасываться упреками и оскорбленіями; нѣкоторые изъ членовъ правой стороны обратились съ рѣзкими словами къ мэрамъ; наконецъ они вскочили съ мѣстъ и накрылись шляпами, не обращая вниманія на президента Греви, который продолжалъ занимать президентское кресло съ непокрытой головой. Съ лѣвой стороны кричали правой: „Шляпы долой! Вы оскорбляете самихъ себя! Обнажите головы!“ Одинъ изъ парижскихъ мэровъ, состоящій въ то же время депутатомъ, обратился къ правой сторонѣ съ словами: „вы оскорбляете Парижъ“; на это ему отвѣчали: „а вы оскорбляете Францію!“ Волненіе не только не уменьшалось, но съ каждой минутой все болѣе и болѣе усиливалось; члены лѣвой стороны остались на своихъ скамьяхъ, между тѣмъ какъ многіе члены правой стороны и центра въ негодованіи покинули залу засѣданія. Президентъ, убѣдившись въ невозможности продолжать пренія, объявилъ засѣданіе закрытымъ, прибавивъ, что теперь члены палаты разойдутся по отдѣленіямъ, а вечеромъ послѣдуетъ новое засѣданіе. Въ этомъ вечернемъ засѣданіи присутствовали лишь немногіе мэры, такъ какъ большая часть ихъ уѣхали въ Парижъ. Чтобъ изгладить хоть нѣсколько впечатлѣніе, которое утренняя сцена въ Собраніи должна была произвести въ Парижѣ, президентъ Греви объявилъ, при самомъ открытіи вечерняго засѣданія, что утреннее было закрыто тотчасъ по прибытіи въ Собраніе мэровъ лишь потому, что на очереди не было болѣе никакихъ дѣлъ. Затѣмъ депутатъ Арно (мэръ 7-го парижскаго округа) прочелъ, отъ имени всѣхъ мэровъ,

слѣдующее заявленіе: „Мм. гг. Мы должны сдѣлать вамъ весьма важное сообщеніе: Парижъ находится наканунѣ—уже не возстанія, нѣтъ—междоусобной войны, со всѣми ея ужасами. Населеніе съ величайшимъ безпокойствомъ ожидаетъ прежде всего отъ васъ, господа, а затѣмъ и отъ насъ, такихъ мѣръ, которыя могли бы предъупредить кровопролитіе. Мы хорошо знакомы съ настроеніемъ умовъ въ Парижѣ и полагаемъ, что для торжества порядка и для спасенія республики необходимо слѣдующее: 1) Чтобы Національное Собраніе вошло въ постоянныя сношенія съ мэрами столицы тѣми способами, которые оно найдетъ для того наиболѣе пригодными; 2) чтобъ оно разрѣшило мэрамъ принимать, въ случаѣ надобности, тѣ мѣропріятія, которыя они найдутъ нужными для сохраненія общественной безопасности, съ тѣмъ, чтобы дать вамъ впослѣдствіи отчетъ въ этихъ мѣрахъ и нести за нихъ передъ вами отвѣтственность; 3) чтобъ избраніе главнаго начальника національной гвардіи было назначено на 28-е марта; 4) чтобы выборы въ члены муниципальнаго совѣта были назначены на 3-е апрѣля, а, если можно, то и ранѣе этого срока; и наконецъ 5) чтобы мэры и ихъ помощники завѣдывали выборами и чтобъ избирателемъ могъ быть всякій, жившій въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ въ Парижѣ“.

Эти предложенія, въ сущности довольно умѣренныя, были признаны Собраніемъ требующими немедленнаго обсужденія и тотчасъ же переданы на разсмотрѣніе отдѣленіямъ. Еслибъ имъ тогда же была придана форма закона, то это, безъ сомнѣнія, произвело бы очень хорошее впечатлѣніе въ Парижѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, именно въ это время усиливались элементы сопротивленія Центральному комитету. Изданіе подобнаго закона заставило бы колеблющихся—а ихъ было не мало—рѣшительно перейти на сторону мэровъ, и авторитетъ Центральнаго комитета былъ бы, вѣроятно, поколебленъ. Но, къ сожалѣнію, Національное Собраніе не захотѣло или не съумѣло воспользоваться этимъ случаемъ для умиротворенія Парижа. Въ утреннемъ засѣданіи 24-го числа предложеніе мэровъ вовсе не обсуждалось; Собраніе въ этомъ засѣданіи

приняло только резолюцію о томъ, что срокъ уплаты по просроченнымъ векселямъ продолжается на одинъ мѣсяцъ; но эта запоздалая и неполная уступка не могла уже удовлетворить парижанъ. Затѣмъ, по предложенію Тирара, было назначено вечернее засѣданіе, для обсужденія положенія Парижа. Въ этомъ вечернемъ засѣданіи предсѣдатель коммиссіи, на разсмотрѣніе которой было передано предложеніе мэровъ, депутатъ Пейрамонъ, объявилъ, что, по мнѣнію коммиссіи, при настоящихъ обстоятельствахъ обсужденіе означеннаго предложенія представляло бы немалую опасность; поэтому онъ убѣждалъ авторовъ его взять его назадъ, увѣряя, что въ такомъ случаѣ они скорѣе достигнутъ предположенной цѣли, чѣмъ подвергая свое предложеніе публичному обсужденію. Эти довольно неопредѣленныя слова вызвали нѣкоторое удивленіе въ Собраніи и среди публики. Когда послѣ Пейрамона на трибуну взошелъ Тьеръ, многіе ожидали услышать что-нибудь болѣе ясное и опредѣленное. Но онъ, вполнѣ присоединяясь къ предложенію Пейрамона, тоже не вдался ни въ какія подробности, а сказалъ только слѣдующее: „Если вы станете обсуждать предложеніе, то можетъ случиться, что какое-нибудь неосторожное слово, сказанное безъ всякаго злаго умысла, поведетъ къ пролитію потоковъ крови. Если вы желаете быть собраніемъ въ полномъ смыслѣ слова политическимъ, то, умоляю васъ, согласитесь съ предложеніемъ вашей коммиссіи и не требуйте объясненій, которыя въ настоящую минуту представляли бы серьозную опасность. Если же пренія, къ несчастію, начнутся, то вы убѣдитесь, что мы не въ нашихъ интересахъ требовали молчанія“. Послѣ этихъ словъ Собраніе постановило отсрочить обсужденіе предложенія мэровъ до другаго раза. Публика, выходя изъ этого засѣданія, находилась въ самомъ мрачномъ настроеніи. Таинственныя, двусмысленныя рѣчи предсѣдателя коммиссіи и главы исполнительной власти не предвѣщали ничего добраго. Всѣ отлично сознавали, что соглашеніе, котораго такъ мужественно и настойчиво требовали парижскіе мэры и депутаты, не состоялось, что послѣдняя ихъ попытка вырвать власть у парижскаго Центральнаго комитета разбилась, и что отнынѣ они

останутся совершенно безсильными въ виду торжествующаго парижскаго возстанія.

Между тѣмъ, въ ожиданіи назначенныхъ на 26-е марта муниципальныхъ выборовъ, Центральный комитетъ продолжалъ разъигрывать въ Парижѣ роль властителя. Такъ онъ объявилъ 23-го марта, что вошелъ въ сношенія съ прусскимъ генераломъ Шлотгеймомъ, командовавшимъ нѣмецкими гарнизонами въ фортахъ къ сѣверу и востоку отъ Парижа, и объявилъ ему, что совершившаяся въ Парижѣ революція имѣетъ характеръ чисто муниципальный, ни въ чемъ не намѣрена касаться предварительныхъ условій мира и не имѣетъ никакихъ наступательныхъ видовъ относительно германской арміи. Шлотгеймъ, въ свою очередь, извѣстилъ „нынѣшняго коменданта Парижа“, что нѣмецкимъ войскамъ предписано не выходить изъ предѣловъ строгаго нейтралитета, пока противъ нихъ не будетъ предпринято никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Обнародованіе этихъ депешъ успокоило парижанъ, встревоженныхъ прочитанною за два дня передъ тѣмъ вышеприведенною депешею нѣмецкаго генерала Фабрице къ Жюлю Фавру. Въ тотъ же день въ „Официальной Газетѣ“ появился декретъ Центральнаго комитета, въ силу котораго всѣ солдаты, находившіеся въ то время въ Парижѣ, зачислялись въ національную гвардію и получали присвоенное національнымъ гвардейцамъ содержаніе. Центральный комитетъ постановилъ также отказать линейнымъ солдатамъ, перешедшимъ 18-го марта въ ряды инсургентовъ, въ просьбѣ ихъ о возвращеніи на родину, изъ опасенія, чтобы тотчасъ по выходѣ ихъ изъ Парижа версальское правительство не переловило ихъ и не предало суду, какъ дезертировъ. Наконецъ, въ парижской „Официальной Газетѣ“ отъ 23-го марта была напечатана угроза реакціоннымъ органамъ—предать ихъ, за подстрекательства противъ Центральнаго комитета, судамъ, учрежденнымъ этимъ комитетомъ, въ виду того, что версальское правительство прекратило отправленіе правосудія обыкновенными судами. 24-го марта Центральный комитетъ объявилъ, что такъ какъ ему не удалось достигнуть полнаго соглашенія съ мэрами, то онъ рѣшился приступить 26-го

марта къ муниципальнымъ выборамъ безъ содѣйствія мэровъ; затѣмъ слѣдовали подробныя правила относительно порядка производства выборовъ 26-го числа.

Однако, несмотря на этотъ декретъ, переговоры между мэрами и Центральнымъ комитетомъ возобновились. Совершонная наканунѣ мэрами поѣздка въ Версаль и неудачное появленіе ихъ въ Національномъ Собраніи совершенно разсѣяли ихъ иллюзіи относительно возможности добиться уступокъ отъ народныхъ представителей. Между тѣмъ они ясно видѣли, что не они одни въ Парижѣ желали примиренія. Со всѣхъ сторонъ раздавались требованія въ этомъ смыслѣ; очень многіе сознавали необходимость предотвратить ужасную междоусобную борьбу, которую самый ничтожный случай могъ вызвать въ центральныхъ кварталахъ; но всѣ понимали также, что кровавой катастрофы можно избѣжать только путемъ взаимныхъ уступокъ и величайшаго благоразумія съ обѣихъ сторонъ. Адмиралъ Сессэ, котораго мэры, въ своей прокламаціи отъ 23-го марта, „въ силу данныхъ имъ полномочій," назначили главнокомандующимъ парижской національной гвардіей, всячески старался содѣйствовать усиліямъ, направленнымъ въ эту сторону. 24-го марта утромъ на улицахъ Парижа появилась слѣдующая его прокламація, помѣченная 23-мъ марта: „Любезные сограждане! Спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что, по соглашенію съ депутатами сенскаго департамента и парижскими мэрами, мы добились отъ Національнаго Собранія слѣдующаго: 1) Полнаго признанія вашихъ муниципальныхъ правъ; 2) избранія самими національными гвардейцами всѣхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и главнаго начальника своего; 3) измѣненія закона объ уплатѣ по просроченнымъ векселямъ; 4) изданія закона о квартирной платѣ, благопріятнаго для лицъ, платящихъ менѣе 1,200 фр. въ годъ за свои квартиры. Въ ожиданіи того, пока вы меня или утвердите въ занимаемой мною въ настоящее время должности, или замѣните меня другимъ лицомъ, я останусь на моемъ почетномъ постѣ, чтобы наблюдать за исполненіемъ тѣхъ примирительныхъ законовъ, изданія которыхъ намъ удалось добиться, и чтобы способ-

ствовать такимъ образомъ упроченію республики. *Временный главный начальникъ парижской національной гвардіи вице-адмиралъ Сессэ.*“ —Возвѣщенныя въ этой прокламаціи уступки были очень соблазнительны и вполнѣ были бы способны удовлетворить и успокоить парижское населеніе. Но, къ сожалѣнію, вскорѣ оказалось, что всѣ эти уступки, будто бы достигнутыя парижскими депутатами, мэрами и адмираломъ Сессэ, были чистая химера, что Національное Собраніе и не думало соглашаться на то, о чемъ адмиралъ извѣщалъ парижанъ. Какимъ же образомъ объяснить тогда появленіе этой прокламаціи? Когда обнаружилось, что Національное Собраніе и не думало дѣлать тѣхъ уступокъ, о которыхъ такъ торжественно возвѣщалъ Сессэ, то всѣ невольно ставили себѣ слѣдующую дилемму: или Сессэ дѣйствовалъ по внушенію Тьера—и въ такомъ случаѣ довольно странное зрѣлище представляло правительство, выставлявшее себя выразителемъ желаній Національнаго Собранія и такъ рѣзко шедшее на-перекоръ самымъ положительнымъ его рѣшеніямъ; или же адмиралъ Сессэ повиновался лишь собственному своему вдохновенію— и въ такомъ случаѣ непонятно, какимъ образомъ онъ 23-го числа не зналъ того, что утромъ происходило въ версальскомъ Собраніи, и въ своей прокламаціи выставлялъ рѣшеннымъ дѣломъ то, что не подвергалось даже обсужденію. Неужели онъ могъ серьозно думать, что подобная прокламація, такъ рѣзко расходившаяся съ дѣйствительностью, могла облегчить соглашеніе, которое во всякомъ случаѣ вышло бы только обманчивымъ? Неужели онъ могъ думать, что парижское населеніе, узнавъ истину, такъ легко проститъ ему то, что онъ такимъ образомъ ввелъ его въ заблужденіе? Неужели онъ не понималъ, что этимъ путемъ онъ только усилитъ волненіе умовъ, вмѣсто того чтобъ успокоить его? Неужели онъ могъ разсчитывать привлечь къ себѣ этимъ средствомъ заблудшихся и ослабить авторитетъ инсургентовъ? Неужели онъ не понималъ, что этимъ онъ только усилитъ разладъ между Парижемъ, правительствомъ и Собраніемъ, что такимъ образомъ онъ дѣлаетъ дѣло, нисколько не подходящее къ принятой имъ на себя роли примирителя? Вотъ тѣ

вопросы, которые задавали себѣ всѣ парижане, когда, вскорѣ послѣ перваго чувства радости, вызванной прокламаціей Сессэ, стало извѣстно истинное положеніе дѣлъ. Самъ адмиралъ объяснилъ въ слѣдственной коммиссіи появленіе означенной прокламаціи недоразумѣніемъ или чьей-то невѣдомой ему, адмиралу, махинаціей, снимая съ себя всякую въ этомъ отношеніи отвѣтственность. По его словамъ, 23 марта, когда ежеминутно можно было ожидать междоусобной войны въ Парижѣ, онъ, желая всячески предъупредить эту борьбу, написалъ, съ цѣлью утишить волненіе, нѣсколько проектовъ прокламацій, то на одинъ манеръ, то на другой; въ этихъ проектахъ онъ писалъ то: „мы надѣемся достигнуть уступокъ“, то „мы достигли уступокъ;“ все это писалось на всякій случай и должно было появиться въ свѣтъ въ той или другой редакціи, смотря по обороту, который примутъ дѣла. По соглашенію съ мэрами, онъ рѣшился обнародовать 24-го марта прокламацію, въ которой предполагалось возвѣстить, что они, т. е. адмиралъ Сессэ, мэры и депутаты, *надѣются* достигнуть такихъ то уступокъ. Но вдругъ утромъ 24-го числа ему показали появившуюся на улицахъ Парижа вышеприведенную прокламацію, въ которой все, что обѣщалось въ условной формѣ, въ видѣ pia desideria мэровъ и Сессэ, выставлялось какъ нѣчто положительно добытое, освященное рѣшеніемъ Національнаго Собранія. Адъютантъ адмирала Сессэ, Тюреннъ, доставилъ ему оригиналъ этой прокламаціи, съ надписью: „печатать въ 25,000 экземпляровъ“; этотъ оригиналъ былъ подписанъ неизвѣстнымъ адмиралу именемъ какого-то Ришара, но самъ Сессэ увѣрялъ слѣдственную коммиссію честнымъ словомъ, что онъ не давалъ разрѣшенія печатать эту прокламацію. Онъ полагаетъ, что кто-нибудь, пользуясь хаосомъ, царствовавшимъ въ тѣ смутныя времена въ импровизированномъ его штабѣ, въ Грандъ-Отелѣ, похитилъ писанный или исправленный его рукой проектъ прокламаціи, сдѣлалъ въ немъ измѣненія, въ силу которыхъ „желанія“ обратились въ „совершившіеся факты“, и велѣлъ ее напечатать и распространить; самъ же онъ ни за что не обнародовалъ бы подобной прокламаціи безъ предварительнаго соглашенія съ мэрами, которымъ, какъ

онъ отлично сознавалъ, въ этомъ случаѣ принадлежала главная роль. На вопросъ, обращенный къ нему въ слѣдственной коммиссіи, кто же, по его мнѣнію, является главнымъ виновникомъ въ этой мистификаціи, адмиралъ Сессэ отвѣтилъ: „Всѣ мэры, безъ сомнѣнія, скажутъ вамъ, что они въ этомъ столь же невиновны, какъ и я, и я увѣренъ, что это правда. Но дѣло въ томъ, что мы тогда не имѣли въ Парижѣ въ нашемъ распоряженіи казенной типографіи; всѣ типографіи были въ рукахъ инсургентовъ; приэтомъ немудрено, что могли происходить разныя злоупотребленія. Такимъ образомъ и типографія Дюпона, въ которой была напечатана прокламація, могла напечатать ее съ текста проекта, подписаннаго мною—въ моемъ штабѣ было въ этотъ день не менѣе шести такихъ проектовъ—но безъ моего разрѣшенія, на основаніи подписи какого-то совершенно мнѣ неизвѣстнаго человѣка.“ На вопросъ, почему онъ не отрекся тотчасъ же отъ этой прокламаціи, Сессэ отвѣтилъ, что, во-первыхъ, онъ не имѣлъ на то средствъ, не располагая казенной типографіей, а во-вторыхъ, не зная навѣрное происхожденія прокламаціи, онъ боялся вызвать столкновеніе по этому поводу съ мэрами, что могло бы принести пользу только Центральному комитету.

Въ тотъ же день, когда появилась въ Парижѣ эта прокламація, отъ которой адмиралъ Сессэ такъ рѣшительно отрекся, и когда версальское Собраніе, съ согласія и по совѣту самого Тьера, отложило въ долгій ящикъ обсужденіе предложенія парижскихъ мэровъ, представлявшаго единственный якорь спасенія отъ ужасовъ междоусобной войны, делегаты Центральнаго комитета, Прото и Брюнель, въ сопровожденіи значительнаго отряда національныхъ гвардейцевъ, при орудіяхъ, явились къ зданію мэріи 1-го округа. Появленіе вооруженной силы вызвало панику въ этомъ кварталѣ, преданномъ дѣлу порядка. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ делегаты комитета были допущены въ мэрію, гдѣ они имѣли продолжительное и оживленное совѣщаніе съ помощниками мэра 1-го округа, Мелиномъ и Адамомъ, которые, наконецъ, въ виду того, что въ распоряженіи Центральнаго комитета

было до 85,000 хорошо вооруженныхъ людей, а число защитниковъ порядка не превышало 10,000 человѣкъ, да и изъ нихъ не всѣ были достаточно надежны, согласились на избраніе главнаго начальника національной гвардіи самими національными гвардейцами и на производство муниципальныхъ выборовъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Отсюда делегаты, въ сопровожденіи той же вооруженной силы, направились въ мэрію 2-го округа. Прибывъ въ зданіе Биржи, они застали тамъ 12 мэровъ и помощниковъ ихъ, въ томъ числѣ Тирара, Вотрена, Элигона, Демаре, Дюбайля, Шельхера и др., и вступили съ ними въ переговоры. Тѣ долго отказывались присоединиться къ рѣшенію, принятому ихъ товарищами изъ 1-го округа. Они питали еще слабую надежду на то, что Національное Собраніе приметъ предложеніе, которое они внесли наканунѣ (предложеніе это было отвергнуто только вечеромъ того дня, въ который все это происходило въ Парижѣ); кромѣ того они очевидно боялись упрека въ томъ, что приняли ультиматумъ, навязанный имъ вооруженной силой. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что муниципальные выборы, уже три раза отсрочивавшіеся, будутъ еще разъ отложены до 30-го марта, а выборы начальника національной гвардіи назначены на 2-е апрѣля. Извѣстіе объ этой сдѣлкѣ, подававшей надежду на окончательное соглашеніе, быстро распространилось по всему Парижу. Оно обрадовало массу, которая видѣла въ немъ выходъ изъ невыносимаго положенія. Возвращаясь изъ зданія Биржи въ Ратушу, національные гвардейцы, сопровождавшіе делегатовъ Центральнаго комитета, прошли мимо стоявшихъ вокругъ Биржи „батальоновъ порядка“ съ поднятыми вверхъ прикладами; тѣ послѣдовали ихъ примѣру; и тѣ, и другіе оглашали воздухъ кликами: „да здравствуетъ республика“.

Но этому радостному настроенію суждено было продолжаться недолго—всего нѣсколько часовъ. По возвращеніи делегатовъ Центральнаго комитета въ Ратушу, комитетъ, въ общемъ своемъ составѣ, не одобрилъ соглашенія, въ которое они вошли съ мэрами, и не призналъ основательными тѣ доводы, на основаніи кото-

рыхъ мэры требовали отсрочки муниципальныхъ выборовъ до 30-го марта. Мэры главнымъ образомъ напирали на то, что нужно дать избирателямъ время приготовиться къ выборамъ, обсудить кандидатуры, между тѣмъ какъ при назначеніи выборовъ на 26-е марта это было невозможно; къ тому же они желали, чтобы выборы были одобрены Національнымъ Собраніемъ, и считали это еще возможнымъ. Между тѣмъ Центральный комитетъ, опасавшійся очевидно лишиться вліянія на выборы въ случаѣ новой ихъ отсрочки, нашелъ, что достоинство его несомнѣнно пострадаетъ, если выборы, которыхъ желало парижское населеніе, и которые уже три раза были офиціально назначаемы—сначала на 22-е, потомъ на 23-е, и наконецъ на 26-е марта—будутъ еще разъ отсрочены. Поэтому онъ, выслушавъ отчетъ своихъ делегатовъ, послалъ своихъ членовъ Ранвье и Арнольда сказать мэрамъ, что онъ рѣшительно не находитъ возможнымъ отложить выборы до 30-го марта. Мэры, въ особенности Дюбайль и Вотренъ, были возмущены этимъ отказомъ комитета отъ состоявшагося уже соглашенія и въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказали это посланнымъ комитета. Дюбайль и Элигонъ, которые все время энергичнѣе всѣхъ стояли за сопротивленіе комитету, стали готовиться къ защитѣ. Дюбайль остался всю ночь въ мэріи, ожидая нападенія и готовясь отразить его; Элигонъ, который еще въ теченіи дня собралъ и вооружилъ до 300 отставныхъ офицеровъ и нѣсколько сотъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, осматривалъ аванпосты, разставленные вокругъ квартала Биржи, и послалъ къ адмиралу приглашеніе стать во главѣ національныхъ гвардейцевъ и другихъ лицъ, собравшихся для защиты этого квартала, но Сессэ не явился. Центральный комитетъ тоже удвоивалъ въ эту ночь свои посты.

На другой день, 25-го марта, утромъ, въ „Офиціальной Газетѣ“ появилась прокламація Центральнаго комитета къ національнымъ гвардейцамъ, въ которой говорилось между прочимъ, что „нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, введенные въ заблужденіе своими начальниками-реакціонерами, предприняли непонятную оппозицію противъ законныхъ стремленій большинства

парижскаго населенія, причемъ парижскіе мэры и депутаты, забывая свои обязанности, поддерживали это сопротивленіе, равно какъ и реакціонная печать и трусливые граждане“; прокламація приглашала національныхъ гвардейцевъ твердо и неуклонно идти къ предположенной цѣли, не смущаясь этой оппозиціей. Такимъ образомъ Центральный комитетъ въ офиціальномъ органѣ своемъ открыто упрекалъ мэровъ и депутатовъ за ихъ попытки къ примиренію и выставлялъ эти попытки помѣхой развитію народнаго движенія. Нечего распространяться о томъ, насколько основательны были эти упреки. Все, что произошло въ первую недѣлю возстанія, ясно показываетъ, что парижскіе депутаты и мэры въ это смутное время, когда всѣ шли къ неизвѣстному и страшному будущему, добросовѣстно и самоотверженно хлопотали только объ одномъ: они употребляли всѣ усилія на то, чтобъ избѣжать ужасной междоусобной войны. Многіе изъ нихъ лишились при этомъ своей популярности, уваженія и поддержки старыхъ друзей и единомышленниковъ, и уже это одно должно бы избавить ихъ отъ подобныхъ упрековъ. Но особенность смутныхъ эпохъ, въ родѣ тѣхъ, которую мы описываемъ въ настоящемъ очеркѣ, заключается именно въ томъ, что онѣ вызываютъ всеобщее взаимное недовѣріе, что самыя тяжкія обвиненія высказываются съ непонятнымъ легкомысліемъ, что самые искренніе либералы выставляются, подъ вліяніемъ политическихъ страстей, какими-то отчаянными реакціонерами, а люди весьма сомнительной политической нравственности—ярыми поборниками свободы. Въ подобныя эпохи люди, особенно люди мало развитые, легко доходятъ до того, что готовы видѣть отъявленнаго врага во всякомъ, кто не слѣдуетъ по ихъ стопамъ. Такимъ образомъ могло случиться то, что мэры и депутаты, заслуживающіе величайшей похвалы за свой умѣренный, патріотическій и въ то же время либеральный образъ дѣйствій въ первую недѣлю парижскаго возстанія, сдѣлались предметомъ несправедливыхъ упрековъ.

Еще рѣзче выразилъ Центральный комитетъ свое нежеланіе входить въ какія-либо соглашенія съ мэрами въ другой небольшой прокламаціи, помѣченной 25-мъ марта, и появившейся въ этотъ же

день, около полудня, на улицахъ Парижа. Вотъ эта прокламація: „Граждане! Одушевленные примирительными наклонностями и въ надеждѣ достигнуть соглашенія, цѣли всѣхъ нашихъ усилій, мы честно подали братскую руку тѣмъ, кто дѣйствовалъ противъ насъ. Но упорство противной стороны въ своихъ замыслахъ, и въ особенности ночная перевозка митральезъ къ мэріи 2-го округа, заставляютъ насъ настаивать на нашемъ постановленіи — чтобы муниципальные выборы были произведены 26-го марта. Если мы ошибаемся относительно замысловъ нашихъ противниковъ, то пусть они докажутъ намъ это, присоединившись къ намъ завтра своимъ голосованіемъ“.—Дѣйствительно въ ночь на 25-е марта къ зданію Биржи были привезены митральезы, и національные гвардейцы, защищавшіе мэрію 2-го округа, снабжены были достаточнымъ количествомъ патроновъ. Но Центральный комитетъ не могъ понять того, что его противники желали быть вооруженными и готовыми къ оборонѣ, между тѣмъ какъ повиновавшіеся ему батальоны національной гвардіи находились въ такомъ положеніи уже цѣлую недѣлю, т. е. съ 18-го марта.

Наконецъ 25 марта парижскіе мэры, къ которымъ присоединились нѣкоторые депутаты, рѣшились уступить Центральному комитету и состоялась такъ называемая „капитуляція мэровъ“. Соглашеніе между ними было подписано въ мэріи 1-го округа. Мэръ 10-го округа, Дюбайль, съ согласія нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, предложилъ было, вмѣсто всякихъ уступокъ комитету, обнародовать слѣдующее заявленіе: „Центральный комитетъ второй разъ отказывается отъ обязательствъ, принятыхъ на себя отъ его имени его делегатами *). Онъ желаетъ произвести завтра выборы безъ всякаго контроля, безъ всякихъ гарантій правильности ихъ. Онъ этимъ ввергаетъ Парижъ въ междоусобную войну: пусть же на него одного падаетъ вся отвѣтственность за это. Что касается мэ-

*) Первый его отказъ отъ принятыхъ на себя обязательствъ произошелъ, какъ мы видѣли выше, 20-го марта, когда Центральный комитетъ отказался, вопреки состоявшемуся наканунѣ соглашенію его делегатовъ съ мэрами, сдать послѣднимъ Ратушу.

болѣе чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ заботиться объ охраненіи свободы печати.“

Пока организовалась эта легальная оппозиція противъ Центральнаго комитета, послѣдній все еще колебался выступить слишкомъ активно. Предписавъ произвести муниципальные выборы 22 марта, онъ ограничился довольно безцвѣтными декретами и заявленіями, обнародованными въ „офиціальномъ“ его органѣ отъ 21 марта. Такъ, напр., въ „Офиціальной Газетѣ“ появилось слѣдующее обращеніе „Къ печати“: „Республиканскія власти столицы желаютъ оградить свободу печати, наравнѣ съ прочими видами свободы; онѣ выражаютъ твердую увѣренность въ томъ, что всѣ органы печати поймутъ надлежащимъ образомъ свои обязанности. заключающіяся прежде всего въ томъ, чтобъ оказывать уваженіе республикѣ, справедливости и праву, предоставленныхъ защитѣ всѣхъ добрыхъ гражданъ“. Далѣе слѣдовали обращеніе ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ—остерегаться роялистскихъ и имперіалистскихъ интригъ и охранять республику, длинное оправданіе событій 18 марта и приглашеніе парижскихъ избирателей принять участіе въ существенно-важныхъ для будущности Парижа и Франціи выборахъ 22 марта. Въ томъ же нумерѣ „Офиціальной Газеты“ объявлялось, что „версальское правительство“ направило въ Парижъ значительное число лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ по уголовнымъ преступленіямъ, и національная гвардія приглашалась имѣть наблюденіе надъ подозрительными личностями. (Замѣтимъ здѣсь кстати, что версальское правительство обвиняло, въ свою очередь, Центральный комитетъ въ томъ, что онъ выпустилъ этихъ лицъ изъ тюремъ, и тѣмъ усилилъ наплывъ неблагонадежныхъ элементовъ въ Парижѣ). Далѣе извѣщалось о принятіи мѣръ для правильной уплаты жалованья національной гвардіи— въ чемъ наканунѣ, какъ сказано выше, представились нѣкоторыя затрудненія — о прекращеніи телеграфныхъ сношеній съ остальною Франціей, объ отсрочкѣ на одинъ мѣсяцъ уплаты по векселямъ и о томъ, что домовладѣльцы, „впредь до дальнѣйшаго распоряженія“, не имѣютъ права выгонять изъ квартиръ не внесшихъ платы

за истекшіе кварталы жильцовъ. Возвращаясь къ вопросу объ исполненіи предварительныхъ условій мира, Центральный комитетъ объявлялъ 21-го марта слѣдующее: „Центральный комитетъ національной гвардіи рѣшился соблюдать мирныя условія; но онъ считаетъ справедливымъ, чтобы виновники той проклятой войны, отъ которой мы всѣ страдаемъ, внесли соотвѣтствующую часть контрибуціи, наложенной на насъ безпощаднымъ побѣдителемъ“. Наконецъ, нельзя не упомянуть объ одномъ интересномъ „правительственномъ заявленіи“, появившемся 21-го марта и имѣвшемъ въ виду опроверженіе слуховъ о несовмѣстимости стремленій Парижа съ стремленіями остальной Франціи. Вотъ это заявленіе, подписанное членомъ Центральнаго комитета Дювалемъ, которому Центральный комитетъ поручилъ завѣдываніе префектурой полиціи: „Парижъ сдѣлался свободнымъ городомъ. Въ этомъ свободномъ городѣ всякій имѣетъ право высказывать свои мысли, не предъявляя никакихъ притязаній вліять на судьбы Франціи. Парижъ требуетъ только слѣдующаго: права избрать себѣ главнаго мэра; права избрать мэровъ, помощниковъ ихъ и муниципальныхъ совѣтниковъ для своихъ 20-ти округовъ; права избирать всѣхъ начальниковъ національной гвардіи, отъ низшаго до высшаго. Парижъ нисколько не помышляетъ о томъ, чтобъ отдѣлиться отъ Франціи; напротивъ того, онъ долго выносилъ для нея правительство второй имперіи и правительство народной обороны, со всей его трусостью и измѣною. Нынѣ онъ не желаетъ отдѣляться отъ Франціи, а говоритъ ей только: защищайся, какъ я защищался; борись противъ гнета, какъ я боролся“.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ одному изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ возстанія Коммуны—къ демонстраціямъ „друзей порядка“ и къ ихъ послѣдствіямъ.

Начало этихъ демонстрацій можно усмотрѣть въ появившихся еще 20-го марта протестахъ противъ Центральнаго комитета, въ которыхъ заявлялось, что парижское населеніе не желаетъ отдѣляться отъ правительства до тѣхъ поръ, пока то не отступитъ отъ программы, начертанной имъ въ „Офиціальной Газетѣ“ отъ 9-го

марта (защита республики и пр.) Въ тотъ же день одинъ капитанъ національной гвардіи, нѣкто Боннъ, рѣшился распространить въ Парижѣ слѣдующую прокламацію: „Обращаюсь къ патріотизму и мужеству населенія, желающаго порядка, спокойствія и уваженія къ законамъ. Время не терпитъ: необходимо создать плотину противъ революціи. Пусть всѣ добрые граждане окажутъ тому содѣйствіе". Затѣмъ въ этомъ дѣлѣ приняли участіе и представители печати. Вотъ что показывалъ одинъ изъ нихъ, главный редакторъ „Journal de Paris", Эрве, въ слѣдственной коммиссіи: „Съ 19-го марта мы были предоставлены сами себѣ. Начиная съ этого дня среди главныхъ редакторовъ газетъ, приверженныхъ къ порядку, явилась мысль объ упраздненіи, мирными, конечно средствами, деспотизма Центральнаго комитета. Обстоятельства заставили меня сдѣлаться выразителемъ этой мысли. Я былъ убѣжденъ, что если мы желаемъ противодѣйствовать съ успѣхомъ деспотизму комитета, намъ не слѣдуетъ дѣйствовать по-одиночкѣ; я полагалъ, что если каждый журналъ приметъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, особое, ему только свойственное, положеніе, то комитету не трудно будетъ разъединить и запугать насъ; между тѣмъ, еслибы всѣ газеты явились вполнѣ солидарными между собою въ противодѣйствіи комитету, то послѣдній, вѣроятно, не рѣшился бы предпринять что-либо противъ значительнаго числа газетъ. Я отправился въ редакцію „Journal des Débats" и изложилъ мою мысль; временно завѣдывавшій тогда редакціей г. Бартъ вполнѣ одобрилъ ее и изъявилъ готовность участвовать въ предположенномъ мною собраніи журналистовъ, но замѣтилъ, что ему неудобно отъ своего имени созывать ихъ, такъ какъ онъ не главный редакторъ газеты. Онъ предложилъ мнѣ сдѣлать это; я возразилъ ему, что я слишкомъ молодъ для того, чтобы брать на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда мы рѣшились обратиться къ г. Геру (бывшему депутату и главному редактору „Opinion Nationale"). Тотъ изъявилъ согласіе взять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ и созвалъ представителей главныхъ парижскихъ газетъ". Результатомъ этого со-

бранія былъ вышеприведенный протестъ 35 газетъ противъ распоряженій комитета.

Результатомъ протеста печати и обнародованнаго наканунѣ воззванія капитана Бонна къ умѣренной части національной гвардіи явилась 21-го марта первая демонстрація „въ пользу порядка", повторившаяся въ большихъ размѣрахъ и съ болѣе печальными последствіями на слѣдующій день. Подъ вліяніемъ воззванія и протеста журналистовъ, на площади Новой Оперы собралась группа людей вокругъ знамени, на которомъ были начертаны слова: „Лига друзей порядка". Группа эта, съ своимъ знаменемъ, двинулась по бульварамъ къ зданію Биржи, а оттуда на Вандомскую площадь, къ штабу національной гвардіи. По дорогѣ къ шествующимъ присоединились многіе прохожіе, такъ что на Вандомскую площадь процессія прибыла въ числѣ до 1000 человѣкъ; по пути ея, такъ какъ она проходила по кварталу наиболѣе спокойному и наименѣе сочувствовавшему возстанію, ее встрѣчали кликами: „Да здравствуетъ порядокъ! Да здравствуетъ Собраніе! Долой комитетъ"! По прибытіи ея къ штабу національной гвардіи, на балконѣ этого зданія появился членъ комитета, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, и изъявилъ желаніе говорить, но долгое время шумъ въ толпѣ мѣшалъ ему произнести слово. Когда толпа нѣсколько успокоилась, онъ едва успѣлъ выговорить: „Граждане! члены комитета..." какъ снова раздались крики: „Не нужно комитета! Долой комитетъ! Да здравствуетъ Собраніе"! Наконецъ оратору удалось произнести слова: „Пришлите къ намъ делегатовъ; мы объяснимся съ ними"—и затѣмъ онъ ушелъ съ балкона. Нѣкоторые изъ толпы хотѣли было приступить къ назначенію делегатовъ, но большинство закричало: „Не нужно делегатовъ! Они убьютъ ихъ! Мы не признаемъ комитета!" Еще нѣсколько времени участники демонстраціи простояли на площади, продолжая криками выражать враждебныя свои чувства къ комитету; наконецъ національные гвардейцы, охранявшіе штабъ, выстроились и стали оттѣснять толпу съ площади. Та разошлась по ближайшимъ улицамъ, и вскорѣ участники демонстраціи разсѣялись, условившись снова собраться на слѣдующій

день, безъ оружія, на площади Новой Оперы.—22-го марта, въ началѣ 2-го часа, въ назначенномъ мѣстѣ стали собираться значительныя группы; распорядители демонстраціи раздавали участникамъ голубыя ленты, которыя тѣ продѣвали въ петлицы. Около 2-хъ часовъ процессія, въ количествѣ приблизительно отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, направилась къ Вандомской площади. При входѣ съ бульвара въ улицу Мира ее встрѣтилъ взводъ національныхъ гвардейцевъ, прибывшій съ Вандомской площади. Повинуясь, вѣроятно, инструкціямъ комитета, они не только не отдали честь проносимому передъ ними знамени, какъ дѣлали это наканунѣ, но скрестили штыки. Толпа стала кричать: „Долой комитетъ! Долой убійцъ! Да здравствуетъ порядокъ! Да здравствуетъ Собраніе!“ Національные гвардейцы зарядили, или по крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что заряжаютъ ружья, но пока еще ничего не предприняли противъ толпы, а отступили на Вандомскую площадь. Толпа съ криками послѣдовала за ними туда. Тутъ нѣсколько времени она простояла передъ выстроившимися вдоль зданія штаба національными гвардейцами, продолжая кричать: „долой убійцъ! долой комитетъ!“ Увѣряютъ, что дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ, что у нѣкоторыхъ національныхъ гвардейцевъ вырывали изъ рукъ ружья, и пр.; но о событіяхъ этого дня существуетъ столько противорѣчивыхъ показаній, что совершенно невозможно сказать положительно, какъ происходило дѣло и почему оно окончилось побоищемъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что когда „друзья порядка“ и національные гвардейцы стояли такимъ образомъ другъ противъ друга, послѣдовалъ традиціонный, повторяющійся во всѣхъ революціонныхъ вспышкахъ, „неизвѣстно откуда раздавшійся“ выстрѣлъ изъ пистолета. Члены комитета увѣряли впослѣдствіи, что выстрѣлъ этотъ раздался изъ рядовъ толпы, послѣ того какъ ее до десяти разъ приглашали разойтись, что и послѣ этого выстрѣла національные гвардейцы выстрѣлили сперва на воздухъ, и уже потомъ, когда толпа стала ихъ тѣснить и обезоруживать, дала залпъ по толпѣ. Противники комитета, напротивъ, увѣряютъ, что этотъ выстрѣлъ изъ пистолета раздался позади рядовъ національной гвардіи, что

это былъ сигналъ, поданный однимъ изъ офицеровъ ея, для открытія огня по толпѣ. Повторяемъ, почти невозможно сказать положительно, которое изъ многочисленныхъ объясненій событій этого дня ближе къ истинѣ; замѣтимъ только, что, въ виду принятаго наканунѣ „друзьями порядка“ рѣшенія собраться „безъ оружія“, правдоподобнѣе, повидимому, то, что первый выстрѣлъ раздался со стороны вооруженной, т. е. національной гвардіи, а не безоружной, т. е. демонстрирующей толпы. Разсказы о двухъ убитыхъ и 8 раненныхъ національныхъ гвардейцахъ, объ американскомъ генералѣ Шериданѣ, видѣвшемъ будто бы изъ окна сосѣдняго дома, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ однимъ изъ „друзей порядка“, о значительномъ числѣ револьверовъ, поднятыхъ будто бы на площади послѣ бѣгства толпы, о томъ, будто по національнымъ гвардейцамъ стрѣляли изъ домовъ — всѣ эти разсказы ничѣмъ не подтверждены, и ихъ скорѣе всего слѣдуетъ отнести къ разряду сочиненныхъ впослѣдствіи подробностей, имѣвшихъ цѣлью оправдать поведеніе Бержере, приказавшаго стрѣлять по безоружной толпѣ. Вѣрно то, что національная гвардія дала залпъ по толпѣ, что отъ этого залпа толпа разбѣжалась по сосѣднимъ улицамъ въ величайшемъ ужасѣ и страшномъ безпорядкѣ, и что печальнымъ исходомъ этой демонстраціи были человѣкъ 10 убитыхъ и отъ 20 до 30 раненныхъ. Въ числѣ первыхъ былъ одинъ изъ директоровъ банка, Готтингеръ; въ числѣ послѣднихъ: журналистъ Пенъ, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и распорядителей демонстраціи, литераторъ Жолливе и др. Адмиралъ Сессэ, который, какъ мы увидимъ ниже, выступилъ въ это время однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ парижскихъ событіяхъ, слѣдующимъ образомъ отозвался въ слѣдственной коммиссіи о демонстраціяхъ 21-го и 22-го марта: „Я считалъ эти демонстраціи большою ошибкою; я лично отправился на мѣсто, чтобы протестовать противъ этихъ глупыхъ выходокъ, такъ какъ я не могъ себѣ представить демонстраціи безъ оружія и былъ убѣжденъ, что какіе-нибудь злонамѣренные люди устраиваютъ все это, чтобы вызвать кровопролитіе. Нѣкто Дрейфюсъ явился тутъ въ качествѣ моего представителя. Это ложь: я никогда не уполно-

мочивалъ ни на что этого Дрейфюса. Иные даже называли эту смѣшную демонстрацію—„демонстраціей Сессэ“. Повторяю, что это невѣрно, что я отправился въ улицу Мира только съ тѣмъ, чтобы помѣшать этой опасной игрѣ, причемъ я и сопровождавшій меня г. Сироденъ едва не поплатились жизнью, такъ какъ вокругъ насъ свистѣли пули“.—Къ вечеру на обѣихъ сторонахъ Вандомской площади появились баррикады, вооруженныя пушками.

Демонстраціи на Вандомской площади 21-го и 22-го марта были только однимъ изъ проявленій—и притомъ весьма неудачнымъ—того духа сопротивленія Центральному комитету, который сталъ обнаруживаться въ Парижѣ, какъ только прошло изумленіе, вызванное удаленіемъ правительства и быстрыми успѣхами возстанія. Мы упомянули выше о первыхъ переговорахъ мэровъ и парижскихъ депутатовъ съ Центральнымъ комитетомъ и о протестѣ ихъ противъ назначенныхъ на 22-е марта выборовъ, о протестѣ печати, о воззваніи одного офицера національной гвардіи противъ самовластія комитета. Уже 21-го марта начальники батальоновъ 2-го парижскаго округа собрались для совѣщаній о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, и, по соглашенію съ мэромъ и его помощниками, рѣшили организовать сопротивленіе комитету. Примѣру ихъ послѣдовали начальники батальоновъ 1-го округа, которые собрались 22-го марта въ мэрію этого округа и рѣшили слѣдующее: Батальоны каждаго округа должны сами охранять общественныя зданія своего квартала, не допуская къ тому другихъ батальоновъ, въ особенности тѣхъ, которые повинуются Центральному комитету. Далѣе всѣ присутствовавшіе офицеры подписали прокламацію, въ которой они признавали власть Національнаго Собранія и провозглашали независимость національной гвардіи отъ Центральнаго комитета. Изъ 10-ти батальоновъ 1-го округа девять признали эту программу безусловно, а одинъ батальонъ — лишь отчасти. Немедленно было приступлено къ принятію мѣръ, необходимыхъ для защиты мэрій 1-го и 2-го округовъ. Во 2-мъ округѣ (Биржа) это было нетрудно сдѣлать, такъ какъ онъ почти сплошь состоялъ изъ приверженцевъ порядка. Но въ 1-мъ округѣ, гдѣ

инсургенты владѣли уже Лувромъ и Вандомской площадью, гдѣ къ тому же было мало оружія, это дѣло представлялось гораздо болѣе труднымъ. Однако рѣшено было защищаться и здѣсь. Тотчасъ же было приступлено къ избранію начальника легіона 1-го округа, и на эту должность былъ единогласно избранъ полковникъ Барре, который выказалъ величайшую энергію. Оба округа, 1-й и 2-й, образовавшіе такимъ образомъ въ центрѣ Парижа ядро сопротивленія Центральному комитету, вошли въ постоянныя между собою сношенія. Всюду были разставлены караулы, пикеты, часовые; батальоны 1-го и 2-го округовъ перехватывали курьеровъ комитета, скакавшихъ изъ Ратуши на Вандомскую площадь и обратно, и задерживали, какъ на войнѣ, транспорты съ припасами, назначавшіеся для мятежныхъ батальоновъ; въ зданіи „Грандъ-Отеля“ было устроено нѣчто въ родѣ главнаго штаба „батальоновъ порядка“, и начальникомъ его назначенъ подполковникъ Богранъ. Батальоны, повиновавшіеся комитету, и „батальоны порядка“ расхаживали вооруженные, враждебно посматривая другъ на друга, и ежеминутно можно было опасаться, что дѣло дойдетъ до открытой борьбы на улицахъ Парижа. На лѣвомъ берегу Сены тоже стали появляться протесты противъ Центральнаго комитета. Даже въ собраніи мэровъ и депутатовъ, все еще продолжавшихъ предпринятую ими неблагодарную задачу соглашенія между Центральнымъ комитетомъ и правительствомъ, между Парижемъ и Національнымъ Собраніемъ—даже въ этомъ собраніи заходила рѣчь объ открытомъ сопротивленіи возстанію. Одинъ изъ парижскихъ мэровъ, имя котораго мы упоминали уже выше, Элигонъ, объяснилъ въ слѣдственной коммиссіи слѣдующее: „21-го марта, вечеромъ, стало обнаруживаться среди извѣстной части парижскаго населенія стремленіе къ сопротивленію Центральному комитету. Въ виду этого я взялся въ собраніи мэровъ изложить истинное положеніе дѣлъ; я высказалъ мое мнѣніе о людяхъ, стоявшихъ во главѣ возстанія, и заключилъ мою рѣчь словами: „Намъ остается только „одно: взять въ руки ружья и идти на бунтовщиковъ. Вашъ Цент„ральный комитетъ только ширмы, за которыми скрываются истин-

„ные вожаки. Впередъ выдвинули разныхъ ничтожныхъ людей, но „позади ихъ скрываются, я въ томъ увѣренъ, лица, заставляющія „прыгать маріонетки: это—члены бывшихъ лондонскихъ револю-„ціонныхъ обществъ, бланкисты, старые революціонеры 1848 г. „Эти люди никогда не заботились объ интересахъ рабочихъ; нынѣ „они пользуются рабочими, какъ орудіемъ". Еслибы Центральный комитетъ одержалъ полную побѣду—а отъ этого было недалеко—то эти лица выступили бы освободителями, спасителями общества и тотчасъ же устранили бы комитетъ, заставивъ его совершить самую неблаговидную часть работы. Вотъ что я объяснилъ собранію мэровъ. Но мнѣ не повѣрили, меня не послушались, меня даже назвали реакціонеромъ, и голосъ мой остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ".

При такихъ обстоятельствахъ на сценѣ появляется адмиралъ Сессэ. 20-го марта Сессэ—пользовавшійся большою популярностью среди національныхъ гвардейцевъ за мужество и заботливость о нихъ, выказанныя имъ во время прусской осады—появился случайно въ улицѣ Мира, и ему сдѣлана была овація. Объ этомъ узнали въ Версалѣ. Когда адмиралъ—членъ Національнаго Собранія—явился туда, депутаты Андре, Денорманди и Ротшильдъ обратились къ нему съ просьбой помочь умиротворенію Парижа. Тьеръ призвалъ его къ себѣ, убѣждалъ его стать во главѣ „партіи порядка" и собственноручно написалъ слѣдующій декретъ: „Глава исполнительной власти назначаетъ адмирала Сессэ главнымъ начальникомъ парижской національной гвардіи". При отъѣздѣ Сессэ изъ Версаля Тьеръ не далъ ему письменныхъ инструкцій, а сказалъ ему только на словахъ: „Я вамъ не предписываю отправляться въ Парижъ; я только радуюсь вашей готовности сдѣлать это. Дѣлайте все, что будетъ возможно, пользуясь вашей популярностью, въ видахъ устраненія ужасовъ междоусобной войны. Я вамъ не даю инструкцій; снеситесь съ парижскими мэрами. Пусть они дѣлаютъ, что найдутъ нужнымъ; вы же помогайте имъ лишь вашимъ совѣтомъ, въ случаѣ надобности—военной силой, и только". По прибытіи въ Парижъ, 21-го марта, адмиралъ Сессэ, на осно-

ваніи послѣднихъ словъ Тьера, вошелъ въ сношенія съ мэрами. Онъ встрѣтилъ въ большинствѣ изъ нихъ полную готовность помогать ему, но въ то же время изъ разговоровъ съ ними убѣдился въ томъ, что настроеніе умовъ въ Парижѣ, даже среди такъ называемыхъ „друзей порядка“, таково, что адмиралъ предложилъ мэрамъ вопросъ: „Благоразумно-ли будетъ, если онъ предстанетъ передъ населеніемъ Парижа въ качествѣ главнокомандующаго національной гвардіей, назначеннаго въ Версалѣ главой исполнительной власти, и не лучше ли ему явиться органомъ муниципалитета, умалчивая о происхожденіи своей власти?“ Вскорѣ послѣ того къ нему явился тотъ же Элигонъ и объяснилъ ему слѣдующее: „Намъ приходится имѣть дѣло съ людьми, которые наобѣщаютъ вамъ все, но не сдѣлаютъ ничего; для нихъ всѣ средства хороши. Васъ окружаютъ шпіоны, которые будутъ за вами ухаживать. Не довѣряйтесь имъ: это іезуиты демократіи. Что касается собранія мэровъ, то вы не разсчитывайте и на него. Въ числѣ ихъ есть люди, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы уйти подальше отъ общественной дѣятельности; другіе постараются пріобрѣсти ваше довѣріе, чтобы помѣшать вамъ сдѣлать что-либо; третьи, наконецъ, явятся открытыми вашими противниками и сторонниками Центральнаго комитета“.

Итакъ адмиралъ Сессэ, съ перваго же шага, очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны Тьеръ послалъ его въ Парижъ безъ всякихъ инструкцій, рекомендовавъ ему только дѣйствовать согласно съ указаніями мэровъ; съ другой стороны, тотчасъ же по прибытіи его въ Парижъ, является къ нему одинъ изъ мэровъ и объясняетъ, что въ этой корпораціи онъ встрѣтитъ или открытыхъ сторонниковъ Центральнаго комитета, или людей двуличныхъ, или совершенно индифферентныхъ. Бѣдный адмиралъ Сессэ тутъ же, вѣроятно, понялъ, что онъ принялъ на себя задачу не по силамъ, однако не хотѣлъ тотчасъ бѣжать съ своего поста и сталъ осматриваться вокругъ себя, ища элементовъ противодѣйствія Центральному комитету. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ самъ разсказывалъ слѣдственной коммиссіи о результа-

тахъ своихъ поисковъ: „Я вскорѣ убѣдился, что имѣлъ въ моемъ распоряженіи людей, вооруженныхъ разнокалиберными ружьями, съ весьма незначительнымъ запасомъ патроновъ, безъ провіанта, а главное—почти безъ офицеровъ. Большая часть офицеровъ писали мнѣ: „Я ни въ какомъ случаѣ не желаю повиноваться Центральному „комитету; прошу объ увольненіи меня“. Я сжегъ множество подобныхъ писемъ, другія я послалъ г. Бартелеми-Сентъ-Илеру (секретарю Тьера). Я бы желалъ, чтобъ они писали мнѣ: „я предоставляю себя въ ваше распоряженіе“, а они вмѣсто того писали: „я подаю въ отставку“. Офицеры національной гвардіи разсуждали о декретахъ касательно квартирной платы и векселей, о предстоящихъ выборахъ, о томъ, какъ недостойно покинуло ихъ Національное Собраніе, но почти никто изъ нихъ не говорилъ мнѣ: „Мы готовы драться; того требуютъ обстоятельства; пойдемте противъ самозванцевъ“. Все это не могло внушать мнѣ особаго довѣрія къ тѣмъ воинамъ, которые окружали меня. Я считаю себя человѣкомъ рѣшительнымъ и энергическимъ, но я никогда въ жизни не терпѣлъ пораженій, и когда я рѣшаюсь драться, то желаю напередъ знать, способны ли тѣ, кто окружаетъ меня, помогать мнѣ. Приведу одинъ примѣръ: Ко мнѣ явились два офицера національной гвардіи и объявили, что ихъ батальоны въ моемъ распоряженіи для защиты порядка. Я сказалъ имъ: „Въ такомъ случаѣ выведите ихъ нынче ночью, въ 2 часа, изъ Пасси, отправляйтесь во дворецъ Промышленности, я тамъ стану во главѣ ихъ и мы постараемся овладѣть Елисейскими полями и зданіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ; позаботьтесь только о томъ, чтобъ у вашихъ командъ было какъ можно болѣе зарядовъ“. Немного погодя они пришли объявить мнѣ, что національные гвардейцы ихъ батальоновъ готовы защищать свои кварталы, но не выйдутъ изъ нихъ. Такимъ образомъ эти два батальона округа Пасси отказали мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Я просилъ правительство прислать мнѣ хоть 300 человѣкъ морской пѣхоты, моихъ бывшихъ подчиненныхъ, которые пошли бы за мной въ огонь и въ воду; я хотѣлъ стать во главѣ ихъ и надѣялся съ ихъ помощью сдѣлать какой-

нибудь рѣшительный шагъ, который могъ бы увлечь колеблющихся; но мнѣ ихъ не дали... Я учредилъ свою главную квартиру въ Грандъ-Отелѣ. Насупротивъ этой гостинницы, по другую сторону бульвара, есть два дома, через которые можно пройти въ улицу Мира, по сосѣдству съ Вандомской площадью. Осмотрѣвъ инкогнито мѣстность, я увидѣлъ, что можно этимъ путемъ произвести нападеніе въ-расплохъ на инсургентовъ, при томъ условіи, конечно, если люди, окружавшіе меня въ Грандъ-Отелѣ, добросовѣстно исполнятъ свою обязанность. Желая убѣдиться въ ихъ надежности, я спустился ночью во дворъ и крикнулъ: „Къ оружію! На насъ нападаютъ!“ Я увидѣлъ не мало національныхъ гвардейцевъ, сидѣвшихъ за столиками, распивавшихъ вино и пиво и пѣвшихъ „Марсельезу“. Никто не шевельнулся. Я сказалъ часовому: „Развѣ вы не видите приближающуюся колонну? Позовите вашего офицера!“ Часовой сначала посмотрѣлъ на меня, ничего не отвѣтивъ, потомъ позвалъ офицера. Тотъ сказалъ мнѣ: „Кто вы такой! Я васъ не знаю!“ Я назвался ему. Тогда онъ сталъ собирать людей, чтобы пойти высмотрѣть колонну, о которой я извѣстилъ ихъ; но опять-таки никто не двинулся съ мѣста. Въ то же время начальникъ батальона, занимавшаго Грандъ-Отель, объявилъ мнѣ, что, при всей приверженности его батальона къ порядку, онъ не захочетъ серьезно драться противъ другихъ батальоновъ. Было также сдѣлано нѣсколько попытокъ сгруппировать національныхъ гвардейцевъ, стоявшихъ вокругъ мэріи 2-го округа; но такъ какъ ни съ той, ни съ другой стороны не было серьезнаго желанія драться, то все дѣло ограничилось криками и объятіями. Словомъ, я убѣдился, что было бы безуміемъ съ моей стороны предпринимать что-либо съ подобными людьми. Я убѣдился, что я безоруженъ, имѣя передъ собой людей, твердо рѣшившихся драться, защищенныхъ баррикадами, снабженныхъ пушками и митральезами.“

ГЛАВА VI.

Старанія мэровъ о соглашеніи.—Неудача ихъ въ Парижѣ и въ Версалѣ.—Адмиралъ Сессэ и Центральный комитетъ.—Отсрочка выборовъ.—„Капитуляція мэровъ".—Отъѣздъ Сессэ въ Версаль.

Мы привели правдивое, безъискусственное описаніе того положенія, въ которомъ очутился импровизированный начальникъ парижской національной гвардіи по прибытіи своемъ въ Парижъ. Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію того, что дѣлало Національное Собраніе въ виду парижскихъ событій и къ описанію переговоровъ, происходившихъ въ промежутокъ времени между 21-мъ и 26-мъ марта между парижскими мэрами, депутатами и адмираломъ Сессэ—съ Національнымъ Собраніемъ, съ одной стороны, и съ Центральнымъ комитетомъ—съ другой. Относительно этого предмета мы находимъ самыя обстоятельныя указанія въ офиціальныхъ документахъ этой эпохи, появлявшихся какъ въ Парижѣ, такъ и въ Версалѣ, и въ пространныхъ объясненіяхъ, представленныхъ по этому поводу въ слѣдственной коммиссіи членами парижскаго муниципалитета Тираромъ, Вотреномъ, Флоке, Дюбайлемъ, Элигономъ и самимъ адмираломъ Сессэ. Всѣ эти документы и показанія слишкомъ пространны для того, чтобы мы могли привести ихъ здѣсь цѣликомъ или въ подробныхъ выпискахъ; но мы постараемся, на основаніи ихъ, представить общую картину этихъ интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ поучительныхъ переговоровъ.

21 марта Національное Собраніе единогласно рѣшило обнаро-

довать слѣдующую прокламацію къ народу и къ арміи: „Граждане и солдаты! Открытое возстаніе противъ народовластія, самое преступное покушеніе, которое можетъ произвести народъ, претендующій на названіе свободнаго народа, явилось новымъ звеномъ въ длинной цѣпи несчастій нашего отечества. Преступники, безумцы не побоялись, тотчасъ послѣ тяжкихъ несчастій, обрушившихся на насъ, когда непріятель только что сталъ удаляться съ опустошенныхъ нашихъ полей, внести въ Парижъ, который они будто бы защищали и покрывали славою, безпорядокъ, раззореніе, позоръ. Они обагрили его кровью, они опозорили благородное слово „республика", которое имѣетъ смыслъ только тогда, когда оно неразрывно связано съ понятіями „справедливость и свобода." Франція отрекается отъ этого преступнаго дѣла. Не опасайтесь съ нашей стороны слабости, которая могла бы только ухудшить зло посредствомъ компромиссовъ съ преступниками. Мы сохранимъ въ цѣлости драгоцѣнный залогъ, который вы намъ вручили; мы спасемъ и устроимъ страну, мы отстоимъ принципъ народовластія. Вы выразили намъ ваше довѣріе путемъ совершенно свободныхъ всеобщихъ выборовъ; мы—единственные ваши представители и уполномоченные; мы одни имѣемъ право, на основаніи данныхъ вами намъ полномочій, управлять всей страной, слѣдовательно, и геройскимъ городомъ, сердцемъ Франціи, которое не можетъ долго оставаться во власти мятежнаго меньшинства. Граждане и солдаты! Дѣло касается самыхъ священныхъ вашихъ правъ; вы должны отстаивать ихъ. Ваши представители единогласно обращаются къ вашему мужеству, требуютъ отъ васъ энергической поддержки. Мы всѣ умоляемъ васъ тѣсно сплотиться вокругъ Національнаго Собранія, вашего созданія, вашего образа, вашей надежды, вашего единственнаго спасенія."—Относительно содержанія и редакціи этого воззванія не было представлено никакихъ возраженій. Только парижскій депутатъ Мильеръ, который не могъ добиться слова прежде голосованія, заявилъ, уже послѣ одобренія воззванія, что въ немъ, по его мнѣнію, заключается „нѣсколько неудачныхъ выраженій." Два другихъ парижскихъ депутата, Пейра и Ланглуа, потребовали было,

чтобы воззваніе было заключено словами: „Да здравствуетъ республика!“, но правая сторона заглушила своими криками слова этихъ ораторовъ. Когда глава исполнительной власти, Тьеръ, хотѣлъ послѣ того сказать нѣсколько словъ, правая сторона, раздраженная словами Мильера, Пейра̀ и Ланглуа, прерывала его на каждомъ шагу, такъ что онъ, наконецъ, нашелся вынужденнымъ замѣтить ей: „Повѣрьте, что вы нимало не увеличиваете вашего арторитета, прерывая рѣчь главы исполнительной власти!“ Послѣ Тьера взошелъ на трибуну Жюль Фавръ, и произнесъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ большинства Собранія, блестящую, но въ высшей степени рѣзкую рѣчь противъ виновниковъ парижскихъ безпорядковъ. Когда послѣ того Тьеръ снова попросилъ слова, чтобы смягчить нѣсколько впечатлѣніе, произведенное словами Фавра, и произнести нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ приглашалъ Собраніе къ благоразумію и умѣренности, большинство Палаты опять стало выражать знаки нетерпѣнія и недоброжелательства. Послѣ того, въ виду послѣдовавшаго наканунѣ объявленія Центральнаго комитета о назначеніи парижскихъ муниципальныхъ выборовъ на 22-е марта, депутаты Клемансо, Ланглуа, Бриссонъ и Леонъ Сэ пытались убѣдить Собраніе распространить на Парижъ права, которыми пользуется вся остальная Франція, и предоставить ему самому избрать своихъ муниципальныхъ совѣтниковъ. На это Тьеръ отвѣтилъ, что хотя правительство готово признать за Парижемъ право избирать своихъ муниципальныхъ совѣтниковъ, но оно не находитъ возможнымъ допустить, чтобы Парижъ управлялся точно такъ же, какъ мѣстечко съ тремя стами душъ населенія, и что нужно время для организаціи управленія Парижа на разумныхъ началахъ.

Въ тотъ же день Тьеръ разослалъ по департаментамъ депешу, въ которой онъ сообщалъ, что во всей Франціи, за исключеніемъ Парижа, господствуетъ полнѣйшій порядокъ, что даже въ Парижѣ добрые граждане начинаютъ сплачиваться для противодѣйствія возстанію, что парижскіе мэры отказываются участвовать въ выборахъ, что Національное Собраніе единогласно и строго порицаетъ безпорядки и ихъ виновниковъ, и что національные гвар-

дейцы и ихъ офицеры пріѣзжали въ Версаль просить о назначеніи адмирала Сессэ главнымъ начальникомъ національной гвардіи.

Засѣданіе 21-го марта произвело сильное впечатлѣніе въ Парижѣ, среди мэровъ и депутатовъ съ одной стороны, и среди дѣятелей возстанія—съ другой. Первые обнародовали 22-го марта слѣдующее воззваніе, замѣтно разнившееся съ тѣмъ, которое они же написали наканунѣ: „Граждане! Мы не сомнѣваемся въ томъ, что вы вполнѣ поймете, при чтеніи отчета о вчерашнемъ засѣданіи Собранія, тѣ чувства, которыми преисполнена наша душа. Не мы виноваты въ томъ, что засѣданіе это не имѣло инаго характера и лучшихъ результатовъ. Мы добились, впрочемъ, формальнаго признанія правъ Парижа, который вслѣдствіе того будетъ призванъ въ самомъ непродолжительномъ времени къ избранію своего муниципальнаго совѣта. При такихъ обстоятельствахъ вы, не хуже насъ, поймете необходимость избѣгать въ настоящую минуту всякихъ столкновеній между гражданами. Да здравствуетъ Франція! Да зравствуетъ республика!“ (Слѣдуютъ подписи). Съ своей стороны члены Центральнаго комитета, объявляя въ „Оффиціальной Газетѣ“ о томъ, что выборы, назначенные на 22-е марта, отлагаются до 23-го, и приглашая обитателей Парижа не пренебрегать своими гражданскими обязанностями, сочли нужнымъ обратиться съ строгимъ предостереженіемъ къ печати по поводу обнародованнаго наканунѣ коллективнаго протеста главныхъ органовъ печати противъ назначенныхъ Центральнымъ комитетомъ на 22-е марта муниципальныхъ выборовъ. „Засѣдающій въ Ратушѣ Центральный комитетъ національной гвардіи“—говорилось въ этомъ предостереженіи—„объявилъ уже о своемъ намѣреніи уважать свободу печати, т. е. право каждаго гражданина путемъ печати контролировать, обсуждать и критиковать всѣ дѣйствія комитета; но онъ твердо рѣшился заставить уважать рѣшенія парижскаго населенія, органомъ котораго онъ служитъ, и не потерпитъ, чтобы на будущее время безнаказанно приглашали гражданъ къ ослушанію его рѣшеніямъ и предписаніямъ. Подобныя покушенія, въ случаѣ повторенія ихъ, повлекутъ за собою строгія карательныя мѣры“. Эта устрашающая за-

мѣтка вызвала строгое порицаніе не только со стороны органовъ печати, противъ которыхъ она была направлена, но и со стороны тѣхъ газетъ, которыя держали сторону Центральнаго комитета и которыя усмотрѣли въ ней, точно такъ же, какъ и въ запрещеніи газетъ „Figaro" и „Gaulois", посягательство на свободу печати.

Переговоры между парижскими муниципальными властями и Центральнымъ комитетомъ тѣмъ временемъ все продолжались, хотя было очевидно, что разладъ между ними съ каждымъ днемъ обнаруживался все яснѣе и яснѣе. Комитетъ разослалъ 21-го и 22-го марта делегатовъ своихъ въ разныя мэріи, чтобъ овладѣть ими, главнымъ образомъ въ видахъ обезпеченія успѣха предстоящихъ выборовъ. Делегаты являлись въ сопровожденіи отрядовъ національныхъ гвардейцевъ и съ порученіемъ арестовать непослушныхъ мэровъ; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ дѣйствительно были арестованы и содержались подъ стражей въ теченіи нѣсколькихъ часовъ за то, что протестовали противъ произвольныхъ дѣйствій комитета. Однѣ только мэріи 1-го и 2-го округовъ имѣли возможность съ успѣхомъ противиться попыткамъ овладѣть ими. Онѣ представляли два центра, вокругъ которыхъ группировались сторонники порядка, и были окружены значительнымъ числомъ національныхъ гвардейцевъ, стоявшихъ за мэровъ, за порядокъ и законность. Желая увеличить число приверженцевъ порядка, три мэра, энергичнѣе всего хлопотавшіе о сопротивленіи Центральному комитету, Тираръ (2-го округа), Дюбайль (10-го округа) и Элигонъ (14-го округа), обнародовали, „по порученію своихъ товарищей", слѣдующее объявленіе: „Жалованье національнымъ гвардейцамъ будетъ аккуратно выплачиваться мэрами, единственными законными представителями Парижа, имѣющими въ своихъ рукахъ необходимые для того фонды. Батальоны, принадлежащіе къ тѣмъ округамъ, мэріи которыхъ заняты делегатами Центральнаго комитета, могутъ получать свое жалованье въ зданіи Биржи, во 2-мъ округѣ; тотчасъ же по возвращеніи мэровъ и помощниковъ въ ихъ мэріи жалованье будетъ выдаваться въ этихъ послѣднихъ". Около 25,000 національныхъ гвардейцевъ собрались въ 1-мъ и 2-мъ

округахъ. Всюду были разставлены караулы и пикеты, и съ 22-го числа доступъ въ „кварталы порядка“ сдѣлался затруднительнѣе, чѣмъ въ кварталы, занятые возставшими батальонами. Въ тотъ же день національные гвардейцы, стоявшіе на сторонѣ мэровъ и Національнаго Собранія, изгнали изъ дебаркадера Сенъ-Лазаръ (главнаго центра сообщенія съ Версалемъ) инсургентовъ, владѣвшихъ имъ съ 19-го марта. Весь Парижъ распался какъ бы на два враждебныхъ лагеря; часовые этихъ импровизированныхъ непріятелей, разставленные на довольно обширной окружности, взирали другъ на друга съ недовѣріемъ, и нѣсколько разъ можно было опасаться въ разныхъ мѣстахъ неминуемаго столкновенія.

Мы сказали выше, что переговоры между мэрами и Центральнымъ комитетомъ все время продолжались безостановочно. Послѣдній настаивалъ на томъ, чтобы первые взяли назадъ свой протестъ противъ выборовъ, назначенныхъ сначала комитетомъ на 22-е марта, а потомъ отложенныхъ до 23-го; мэры упорствовали. Тогда одинъ изъ самыхъ выдающихся членовъ комитета, Журдъ, въ гнѣвѣ сказалъ делегаціи мэровъ: „Если мы будемъ побѣждены, мы сожжемъ Парижъ, сдѣлаемъ изъ Франціи вторую Польшу“. Другой членъ комитета, Арнольдъ, сказалъ Тирару: „Не воображайте себѣ, что вы имѣете дѣло съ слабымъ возстаніемъ: вы имѣете дѣло съ силою, которая къ тому же не сосредоточена въ одномъ Парижѣ, но распространена по всей Франціи. Вашимъ сопротивленіемъ вы вызовете междоусобную войну, и войну ужасную—съ грабежемъ и пожарами“.

22-го марта, вечеромъ, адмиралъ Сессэ отправился съ депутатомъ Шельхеромъ въ мэрію 2-го округа, гдѣ онъ засталъ мэра этого округа, Тирара; тотъ объявилъ ему, что въ эту самую ночь делегаты Центральнаго комитета должны прибыть въ мэрію для переговоровъ съ мэрами, и что, можетъ быть, возможно будетъ соглашеніе, если Сессэ лично приметъ участіе въ этихъ переговорахъ. Сессэ согласился остаться и ждалъ въ кабинетѣ Тирара прибытія делегатовъ Центральнаго комитета. Въ это время отворилась дверь и вошелъ какой-то человѣкъ, который бросилъ на столъ пачку ассигнацій, со словами: „Довольно съ меня! Пусть они оставятъ меня

въ покоѣ! Это просто убійцы!“ Сессэ спросилъ его, кто онъ такой? „Я Лебретонъ, главный интендантъ Коммуны“, отвѣтилъ вошедшій, и затѣмъ продолжалъ: „Это ужасно: они тамъ разстрѣливаютъ другъ друга; вчера на моихъ глазахъ разстрѣляли 12 человѣкъ. Я не хочу болѣе видѣть этихъ ужасовъ. Сегодня Асси позвалъ меня обѣдать въ Ратушу, объявивъ, что ему нужно переговорить со мною. Я пообѣдалъ съ нимъ — мимоходомъ сказать очень недурно; въ концѣ обѣда онъ сказалъ мнѣ: „Знаешь, у интенданта всегда должны быть деньги“. „Да у меня нѣтъ денегъ“, отвѣтилъ я. „Вотъ вздоръ“, сказалъ онъ; „ты главный интендантъ, а у главнаго интенданта должно быть болѣе денегъ, чѣмъ у интенданта обыкновеннаго. Ты долженъ мнѣ дать 300,000 франковъ, потому что мнѣ нужно бѣжать въ Бельгію. Если ты мнѣ не дашь ихъ, я тебя убью“. Я сказалъ ему: „Ты шутишь; дѣлай какъ хочешь, но у меня нѣтъ денегъ“. Въ это время въ комнату вошелъ, распѣвая, съ стаканомъ шампанскаго въ рукахъ, Люлье. Асси прикрикнулъ на него: „Чего тебѣ здѣсь нужно“? очень безцеремонно прогналъ его и въ то же время велѣлъ его арестовать. Затѣмъ онъ снова обратился ко мнѣ: „Ты дашь мнѣ 300,000 франковъ, такъ какъ я въ эту же ночь долженъ уѣхать. Иначе тебѣ конецъ“. Немного погодя въ комнату вошли шесть гарибальдійцевъ, вооруженныхъ ружьями Шасспо, стали позади меня, и одинъ изъ нихъ, котораго я зналъ лично, сказалъ мнѣ: „Намъ приказано разстрѣлять васъ, если вы не дадите денегъ Асси“. Я объявилъ, что мнѣ нужно отправиться домой, чтобы принести денегъ; мнѣ удалось такимъ образомъ ускользнуть изъ Ратуши, и я поспѣшилъ сюда“. Тираръ посовѣтовалъ адмиралу Сессэ поскорѣе отправить Лебретона въ Бельгію. Сессэ принялъ у него подъ росписку 1000 франковъ, оставивъ ему 450 фр. на путевые расходы. Лебретонъ просилъ ихъ позаботиться объ его женѣ и дѣтяхъ; Сессэ поручилъ Тирару распорядиться о томъ, чтобы жена Лебретона не была арестована инсургентами. Вскорѣ послѣ этого интереснаго эпизода адмиралу Сессэ сообщили, что въ сосѣдней комнатѣ открылось совѣщаніе. Адмиралъ, войдя въ эту комнату, увидѣлъ нѣсколькихъ париж-

скихъ мэровъ, опоясанныхъ трехцвѣтными шарфами, и нѣсколькихъ лицъ, опоясанныхъ красными шарфами. Сессэ не зналъ ни одного изъ этихъ послѣднихъ, но Шельхеръ назвалъ ему въ числѣ этихъ лицъ Ранвье. Когда Сессэ вошелъ, происходили очень оживленныя пренія. Увидѣвъ его, Тираръ сказалъ ему: „Такъ какъ вы вошли, то я удаляюсь; постарайтесь оказать услугу дѣлу порядка“. Сессэ выступилъ впередъ и сказалъ: „Я адмиралъ Сессэ, главнокомандующій національной гвардіей сенскаго департамента; я явился къ вамъ съ цѣлью достигнуть соглашенія и устранить недоразумѣнія“. Тогда поднялся съ мѣста Моттю, мэръ 11-го округа, одинъ изъ тѣхъ, которые держали сторону Центральнаго комитета, и сказалъ: „Вы не республиканецъ. Вы доказали это вчера въ Собраніи, во время рѣчи Жюля Фавра. Вы измѣнникъ. „Rappel“ прямо называетъ васъ измѣнникомъ“ *). Сессэ успѣлъ только отвѣтить ему: „Неужели вы вѣрите Rappel'ю?“ Поднялась страшная буря; тогда Шельхеръ сказалъ: „Адмиралъ, уйдемте“. Они вышли на улицу и встрѣтили тамъ лѣсъ штыковъ; всѣ толкались, кричали. Благодаря Шельхеру, имъ удалось найти извощичью карету около зданія Биржи; они сѣли въ нее, Шельхеръ довезъ адмирала до Грандъ-Отеля и сказалъ ему: „Я возвращусь въ мэрію; нужно принести себя въ жертву и покончить съ этимъ“. Вслѣдъ затѣмъ нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ пришли къ адмиралу Сессэ и сказали ему: „Вы были всегда такъ добры къ намъ, что мы считаемъ нашею обязанностью предъупредить васъ о томъ, что васъ считаютъ не искреннимъ республиканцемъ; будьте осторожны, иначе съ вами можетъ приключиться бѣда“.

Сессэ рѣшился однако остаться на своемъ постѣ. На слѣдую-

---

*) Обстоятельство, на которое намекалъ Моттю, заключалось въ слѣдующемъ: 21-го марта, во время вышеупомянутой нами рѣзкой рѣчи Фавра противъ парижскихъ инсургентовъ, Сессэ, какъ увѣряли иные, прервалъ его восклицаніемъ: „Да, обратимся къ провинціи и пойдемъ, если нужно, на Парижъ. Необходимо покончить съ возстаніемъ“. Нѣсколько дней спустя тотъ же радикальный „Rappel“ опровергъ эти, приписываемыя адмиралу Сессэ, слова; но слухъ о произнесеніи ихъ все-таки распространился въ Парижѣ.

щее утро, 23-го марта, онъ созвалъ у себя, къ 9-ти часамъ, офицеровъ національной гвардіи, чтобы дать имъ инструкціи. Лишь немногіе изъ нихъ явились на это приглашеніе, и въ томъ числѣ одинъ начальникъ батальона, по фамиліи Мейеръ, который впослѣдствіи служилъ Коммунѣ. Дежурный адъютантъ Сессэ, Тюреннъ, пришелъ къ адмиралу и сказалъ: „Происходятъ странныя вещи. Вотъ предписанія, только что полученныя съ Вандомской площади (изъ штаба національной гвардіи); они во всемъ противорѣчатъ вашимъ“. Дѣйствительно распоряженія Сессэ были измѣнены: онъ предписалъ батальонамъ, стоявшимъ за порядокъ, занять Вандомскую площадь и мэрію 9-го округа, съ цѣлью произвести на слѣдующій день, во главѣ ихъ, диверсію по разнымъ кварталамъ; но штабъ распорядился, чтобъ означенные пункты были заняты другими батальонами, и это предписаніе было исполнено. Тогда Мейеръ сказалъ Сессэ: „Адмиралъ, эти пункты заняты моимъ батальономъ; таковы были распоряженія Центральнаго комитета и ихъ нельзя было ослушаться“. Сессэ ему замѣтилъ, что онъ, адмиралъ, главный начальникъ національной гвардіи, что слѣдуетъ слушаться его, а не какого-то комитета; Мейеръ объявилъ, что въ такомъ случаѣ неизбѣжна междоусобная война и вышелъ; Сессэ велѣлъ было его арестовать, но Мейеръ успѣлъ скрыться. Немного погодя адмиралъ Сессэ спустился съ однимъ изъ офицеровъ своего штаба во дворъ и вышелъ оттуда на улицу Скрибъ; тамъ два повстрѣчавшихся съ нимъ линейныхъ солдата оскорбили его самымъ площаднымъ образомъ. Онъ подозвалъ одного унтеръ-офицера національной гвардіи и велѣлъ арестовать этихъ солдатъ; тотъ исполнилъ его приказаніе, но нѣсколько минутъ спустя адмиралу доложили, что арестованныхъ тотчасъ же выпустили на свободу. Эти случаи отлично характеризуютъ положеніе Сессэ среди парижской національной гвардіи и полное безсиліе его. Большая часть изъ приглашенныхъ имъ офицеровъ національной гвардіи совсѣмъ не явились на его приглашеніе, а тѣ, которые явились, говорили съ нимъ весьма страннымъ тономъ; ихъ примѣру слѣдовали и простые солдаты. Въ виду такого положенія дѣлъ Сессэ отправился въ Версаль, чтобы сообщить обо

всемъ Тьеру. Тотъ принялъ его очень благосклонно, и, выслушавъ его разсказъ, посовѣтовалъ даже не возвращаться въ Парижъ. Но Сессэ отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, я возвращусь; я посмотрю, нельзя ли еще что нибудь сдѣлать“. Вернувшись въ Грандъ-Отель, онъ узналъ, что полковнику Лавалетту удалось собрать отъ 350 до 400 національныхъ гвардейцевъ, вполнѣ надежныхъ. Онъ сказалъ имъ: „Займите площадь Новой Оперы, но ограничивайтесь обороной; вы видите, что нечего и думать о наступательномъ образѣ дѣйствій, о подавленіи возстанія; инсургенты хорошо вооружены, они опьянены успѣхомъ; вамъ ничего съ ними не подѣлать; оставайтесь въ домахъ, ограничивайтесь защитой собственности, женщинъ и дѣтей, но избѣгайте уличныхъ схватокъ“. „Я при данныхъ обстоятельствахъ счелъ нужнымъ дать именно такія инструкціи“, объяснялъ Сессэ въ слѣдственной коммиссіи; „это не было отступленіе, но было выжидательное положеніе; это предписывалось благоразуміемъ. Отдавая отчетъ Тьеру о положеніи Парижа, я былъ твердо убѣжденъ, что еслибы мы вздумали вступить въ открытый бой, мы были бы подавлены и торжествующіе инсургенты безпрепятственно дошли бы до Версаля. Они въ это время были уже совершенно организованы, имѣли достаточно зарядовъ и военныхъ припасовъ. Еслибъ они вздумали произвести на насъ серьезное нападеніе, они легко могли бы одержать верхъ, тѣмъ болѣе, что мы не могли полагаться на армію. Поэтому благоразуміе предписывало намъ избѣгать въ это время открытаго боя. Одинъ вполнѣ надежный человѣкъ предъупредилъ меня, что если я вздумаю вступить въ борьбу, мои же собственные солдаты станутъ стрѣлять въ меня сзади или же я буду задержанъ, какъ заложникъ“.

Національное Собраніе и правительство однако не слишкомъ заботились, повидимому, о безотрадномъ положеніи, въ которомъ очутились поставленный ими главный начальникъ парижской національной гвардіи и умѣреннѣйшіе изъ парижскихъ мэровъ. Такъ, въ засѣданіи 22-го марта Вашро, отъ имени коммиссіи, которой въ засѣданіи 20-го числа поручено было разсмотрѣніе предложенія парижскихъ депутатовъ о немедленномъ назначеніи муниципальныхъ

выборовъ въ Парижѣ, предложилъ отклонить это предложеніе. Въ томъ же засѣданіи министръ внутреннихъ дѣлъ, Пикаръ, внесъ проектъ муниципальнаго закона, рѣзко противорѣчившій требованіямъ не только Центральнаго комитета, но и хлопотавшихъ о соглашеніи парижскихъ мэровъ и депутатовъ. Такъ напр. созваніе избирателей по округамъ возлагалось на префекта сенскаго департамента; назначеніе мэровъ и ихъ помощниковъ въ 20-ти парижскихъ округахъ предоставлялось главѣ исполнительной власти; префектъ сенскаго департамента и полицейскій префектъ имѣли право присутствовать, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ засѣданіяхъ парижскаго муниципальнаго совѣта; муниципальный совѣтъ могъ быть созываемъ только префектомъ сенскаго департамента, и пр. Собраніе признало обсужденіе этого законопроекта неотложнымъ. Въ томъ же засѣданіи Жюль Фавръ прочелъ съ трибуны депешу нѣмецкаго генерала Фабрице, угрожавшаго возобновленіемъ военныхъ дѣйствій противъ Парижа, если предварительныя условія мира будутъ въ чемъ-либо нарушены, и отвѣтъ свой генералу Фабрице; въ этомъ отвѣтѣ онъ обѣщалъ ему добросовѣстное исполненіе условій мира и просилъ его пока ничего не предпринимать противъ Парижа. Одновременно съ сообщеніемъ этихъ депешъ Національному Собранію Фавръ сообщилъ ихъ мэру 2-го округа, Тирару, „чтобы дать ему понятіе о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергается Парижъ вслѣдствіе сатурналій, производящихся въ парижской Ратушѣ“. Въ другой депешѣ, отправленной въ тотъ же день, вечеромъ, къ Тирару, Фавръ писалъ: „Излишне было бы увѣрять васъ въ томъ, что мы желаемъ прійти къ вамъ на помощь. Пусть національная гвардія соберется подъ начальствомъ адмирала Сессэ; мы войдемъ съ нимъ въ сношенія и сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы соединить элементы сопротивленія и справиться общими силами съ возстаніемъ“. Однако, не смотря на это обѣщаніе, правительство не дѣлало или не могло дѣлать никакихъ усилій, а адмиралъ Сессэ и парижскіе мэры оставались предоставленными своимъ собственнымъ средствамъ. Это не помѣшало впрочемъ правительству разослать въ тотъ же же день по департаментамъ депеши, въ кото-

рыхъ оно увѣряло, что порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, что онъ даже возстановляется въ Парижѣ, „доказательствомъ чему служитъ внушительная, произведенная тамъ наканунѣ демонстрація", что армія и мобили предлагаютъ правительству и Національному Собранію поддержку; депеши оканчивались приглашеніемъ, обращеннымъ ко всѣмъ добрымъ гражданамъ, успокоиться и довѣрять правительству.

Въ теченіи 22-го марта парижскимъ мэрамъ, все еще надѣявшимся достигнуть соглашенія между парижскимъ населеніемъ съ одной стороны, и правительствомъ и Національнымъ Собраніемъ—съ другой, удалось добиться отъ Центральнаго комитета, чтобы муниципальные выборы, назначенные сперва на 22-е число, а потомъ отложенные до 23-го, были отсрочены до 26-го марта. Центральный комитетъ согласился на эту новую отсрочку очень неохотно, какъ видно изъ слѣдующей его прокламаціи, появившейся 23-го марта утромъ въ „Оффиціальной Газетѣ": „Граждане! Ваше справедливое негодованіе поставило насъ 18-го марта на тотъ постъ, который мы съ самаго начала намѣревались сохранить только до тѣхъ поръ, пока вы успѣете произвести муниципальные выборы. Ваши мэры и представители, отрекаясь отъ тѣхъ обязательствъ, которыя они приняли на себя въ то время, когда были кандидатами, всячески стараются отсрочить эти выборы, которые мы желали произвести какъ можно скорѣе. Поднятая ими на ноги реакція объявляетъ намъ войну. Мы должны принять вызовъ, и, сломивъ сопротивленіе, дать вамъ возможность приступить къ выборамъ въ сознаніи вашей силы, съ цѣлью твердо заявить вашу волю. Поэтому выборы окончательно назначаются на слѣдующее воскресенье, 26-го марта. До тѣхъ поръ самыя энергическія мѣры будутъ приняты для защиты тѣхъ правъ, которыхъ вы справедливо требуете". Въ другой прокламаціи, напечатанной въ томъ же нумерѣ оффиціальной газеты, Центральный комитетъ, приглашая парижскихъ избирателей принять въ возможно большемъ числѣ участіе въ выборахъ 26-го марта, подробно опредѣлялъ права того представительнаго собранія, которое предполагалось учредить. Эта про-

кламація оканчивалась слѣдующими словами: „Граждане! Парижъ не желаетъ властвовать, а желаетъ быть свободнымъ; онъ не желаетъ диктатуры, а желаетъ только служить примѣромъ; онъ не желаетъ издавать декретовъ, но не желаетъ также повиноваться такъ называемымъ рѣшеніямъ народнаго голосованія. Онъ указываетъ путь къ муниципальной свободѣ, выступая впереди другихъ городовъ по этому пути, и подготовляетъ свободу другимъ, обезпечивая свою собственную. Онъ никого не толкаетъ насильно на путь республики, а довольствуется тѣмъ, что первый вступаетъ на него“.

Въ виду явнаго раздраженія противъ мэровъ членовъ Центральнаго комитета положеніе парижскихъ муниципальныхъ властей становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Мэры и ихъ помощники поставили себѣ задачей достигнуть соглашенія между тогдашними временными правителями Парижа и правительствомъ, но всѣ усилія ихъ пропадали даромъ и многіе изъ нихъ поплатились за свои самоотверженныя попытки своею популярностью. Центральный комитетъ не хотѣлъ слышать ни о какихъ уступкахъ, ни о какихъ компромиссахъ съ Національнымъ Собраніемъ. Тогда парижскіе мэры, убѣдившись въ полномъ своемъ безсиліи относительно Центральнаго комитета, рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку къ тому, чтобы склонить къ уступкамъ Національное Собраніе. И въ теченіе предшествовавшихъ трехъ дней, т. е. съ 20-го марта, когда открылись засѣданія Собранія, съ ихъ стороны не было недостатка въ подобныхъ попыткахъ; они, какъ мы видѣли, не переставали убѣждать Собраніе согласиться на немедленное назначеніе муниципальныхъ выборовъ въ Парижѣ; но всѣ ихъ убѣжденія и аргументы оставались безсильными, и скорѣе даже еще увеличивали раздраженіе Собранія противъ Парижа. Тогда они рѣшились сдѣлать 23-го числа еще одну попытку, въ болѣе торжественной обстановкѣ. Къ этому ихъ побудило, между прочимъ, и только что выраженное явное сочувствіе Тьера къ ихъ усиліямъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е марта мэры 4-го и 9-го округовъ, Демаре и Вотренъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ дру-

гихъ членовъ муниципалитета, отправились въ Версаль и привезли въ Парижъ, утромъ 23-го числа, письмо Тьера, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Гг. мэры, вы не расходитесь съ видами правительства, если полагаете, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, оно одобритъ всѣ мѣры прощенія и забвенія, которыя вы найдете нужнымъ принять для возвращенія въ ряды защитниковъ порядка людей, въ минутномъ заблужденіи приставшихъ къ возстанію“. Получивъ это письмо главы исполнительной власти, мэры рѣшились отправиться, всѣ вмѣстѣ, въ Версаль и потребовать отъ Національнаго Собранія уступокъ въ пользу Парижа. Предварительно они объявили отъ своего имени, „въ силу предоставленныхъ имъ полномочій, какъ законные избранники парижскаго населенія и въ ожиданіи изданія новаго закона о національной гвардіи“, о назначеніи адмирала Сессэ главнымъ начальникомъ парижской національной гвардіи, полковника Ланглуа—начальникомъ его штаба, а полковника Шельхера—начальникомъ артиллеріи національной гвардіи.

Въ засѣданіи Національнаго Собранія 23-го марта депутатъ Беранже предложилъ послать въ Парижъ делегацію, состоящую изъ 15 или 30 депутатовъ, съ тѣмъ, чтобъ она содѣйствовала подавленію и усмиренію возстанія. Собраніе только что рѣшило было разойтись по отдѣленіямъ. чтобъ обсудить это предложеніе, когда президенту (Греви) сообщили о прибытіи въ Версаль парижскихъ мэровъ, желавшихъ сдѣлать Собранію предложеніе. Рѣшено было, что одинъ изъ мэровъ прочтетъ это предложеніе съ трибуны, между тѣмъ какъ другіе будутъ сидѣть въ особо отведенной для нихъ квесторомъ Базомъ галлереѣ. Вслѣдъ затѣмъ мэры, опоясанные своими шарфами, вошли въ назначенную для нихъ галлерею; появленіе ихъ вызвало замѣтное волненіе въ Собраніи и въ публикѣ, наполнявшей другія галлереи. Всѣ взоры обратились къ этимъ муниципальнымъ властямъ возмутившагося города, прибывшимъ въ Собраніе съ благородною цѣлью—сдѣлать послѣднюю попытку къ устраненію страшной междоусобной войны. Мэры, очевидно, были не менѣе взволнованы, чѣмъ Собраніе, члены ко-

ровъ, то они приглашаютъ національную гвардію собраться вокругъ нихъ для защиты порядка и республики." Но многіе изъ мэровъ находили, что обнародованіе этого заявленія было бы равносильно объявленію междоусобной войны, а они все еще надѣялись избѣжать ея. Въ то время, какъ они разсуждали объ этомъ вопросѣ, въ ихъ собраніе прибыли нѣкоторые парижскіе депутаты и сообщили о неблагопріятномъ для мэровъ результатѣ вечерняго засѣданія Національнаго Собранія 24-го марта. Почти одновременно съ ними въ мэрію 1-го округа, снова прибыли члены Центральнаго комитета, Ранвье и Арнольдъ, и сказали мэрамъ: „Если вы согласитесь на то, чтобы выборы были произведены въ назначенный нами день, мы возвратимъ вамъ мэріи и выборы будутъ произведены подъ вашимъ контролемъ; въ противномъ случаѣ мы обойдемся безъ васъ." Нужно было принять немедленно какое-нибудь рѣшеніе. Съ одной стороны, въ виду обѣщанія Ранвье и Арнольда, нѣкоторые изъ мэровъ надѣялись сохранить какое-нибудь вліяніе на выборы; другіе, какъ объяснилъ въ слѣдственной коммиссіи Вотренъ, опасались, въ случаѣ окончательнаго прекращенія переговоровъ, похода инсургентовъ на Версаль и желали выиграть хоть нѣсколько дней, чтобы дать правительству время приготовиться къ оборонѣ. Но они все еще колебались, какъ вдругъ въ средѣ ихъ распространился слухъ, что наканунѣ вечеромъ Національное Собраніе провозгласило герцога Омальскаго намѣстникомъ королевства. Откуда взялся этотъ слухъ—неизвѣстно. Элигонъ, правда, показалъ въ слѣдственной коммиссіи, что это извѣстіе привезли мэры-депутаты Клемансо и Флоке, возвратившіеся утромъ 25-го марта изъ Версаля. Но Флоке въ той же коммисіи положительно отвергалъ это показаніе, увѣряя, что онъ говорилъ объ этомъ только въ видѣ слуховъ, ходившихъ наканунѣ передъ засѣданіемъ Палаты, въ Версалѣ; тогда дѣйствительно члены правой стороны, узнавъ объ извѣстной прокламаціи Сессэ, говорили, что если эта прокламація обнародована съ согласія Тьера, то Собраніе низложитъ главу исполнительной власти и назначитъ намѣстникомъ королевства герцога Омальскаго; но такъ какъ ничего подобнаго въ Палатѣ не про-

изошло, то онъ, Флоке, не только не распространялъ 25-го числа этого извѣстія, но даже опровергалъ его, когда оно дошло до него. Дюбайль тоже не подтвердилъ показанія Элигона относительно Флоке.

Какъ бы то ни было, откуда бы ни возникъ этотъ слухъ, но достовѣрно то, что онъ положилъ конецъ колебаніямъ большинства мэровъ и заставилъ ихъ подписать такъ называемую „капитуляцію.“ Они всѣ были республиканцы, хотя большею частью умѣренные, и къ прочимъ соображеніямъ у нихъ теперъ присоединилось еще желаніе этимъ путемъ спасти республику. Вотъ текстъ этой капитуляціи: „Парижскіе депутаты, мэры и ихъ помощники и члены Центральнаго комитета, будучи убѣждены, что для избѣжанія кровопролитія и междоусобной войны и для упроченія республики необходимо немедленно приступить къ выборамъ, созываютъ избирательныя коллегіи на завтра, 26-го марта. Выборы начнутся въ 8 часовъ утра и окончатся въ полночь. Мэры и ихъ помощники возвратятся въ свои мэріи. Обитатели Парижа поймутъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ всякому слѣдуетъ принять участіе въ выборахъ, для того чтобъ эти послѣдніе имѣли серьозный характеръ, который одинъ только можетъ обезпечить спокойствіе города“. Это соглашеніе было подписано семью мэрами и 32 помощниками мэровъ (мэръ 2-го округа Тираръ не подписалъ его, потому что былъ въ Версалѣ; мэры 10-го и 14-го округовъ, Дюбайль и Элигонъ, тоже не подписали его, потому что не одобряли его содержанія, и тутъ же, сложивъ съ себя свои званія, уѣхали въ Версаль); кромѣ того его подписали шесть парижскихъ депутатовъ: Локруа, Флоке, Клемансо, Толенъ, Греппо и Шельхеръ (послѣдній, какъ онъ объявилъ впослѣдствіи, сдѣлалъ это главнымъ образомъ для того, чтобы не подвергать опасности адмирала Сессэ, находившагося еще въ Парижѣ), и, наконецъ, делегаты Центральнаго комитета, Ранвье и Арнольдъ. Центральный комитетъ въ прокламаціи, распространенной имъ нѣсколько часовъ спустя въ Парижѣ, измѣнилъ начало этого соглашенія, придавъ ему такую редакцію: „Центральный комитетъ, къ которому присоединились парижскіе депутаты, мэры и пр..., созываетъ избирателей

на завтра и т. д.". Такимъ образомъ выходило, что не мэры назначаютъ выборы, а Центральный комитетъ, къ которому присоединились депутаты и мэры. Послѣдніе поспѣшили протестовать противъ этого искаженія, обнародовавъ подлинный текстъ соглашенія.

Какъ бы то ни было, но извѣстіе о состоявшемся соглашеніи преисполнило радостью парижанъ; оба лагеря были довольны тѣмъ, что устранена опасность междоусобной войны. Національные гвардейцы, собранные въ 1-мъ и 2-мъ округахъ, братались съ батальонами, повиновавшимися комитету; взаимное недовѣріе исчезло и всѣ братски протягивали другъ другу руки. Тотчасъ же въ каждомъ изъ 20-ти парижскихъ округовъ былъ организованъ избирательный комитетъ для предстоявшихъ выборовъ. Центральный комитетъ, желая показать, что онъ не желаетъ имѣть никакого вліянія на выборы, запретилъ даже печатать въ находящейся въ его распоряженіи національной типографіи списки кандидатовъ, составленные изъ именъ членовъ комитета. На радостяхъ комитетъ въ этотъ же день освободилъ изъ тюрьмы „Santé" генерала Шанзи, арестованнаго въ первый день возстанія, 18-го марта, на занятой инсургентами станціи Орлеанской желѣзной дороги и освобожденія котораго въ теченіи истекшей недѣли неоднократно требовали мэры и депутаты.

Адмиралъ Сессэ, узнавъ о состоявшемся соглашеніи, рѣшился сойти со сцены. Онъ не одобрялъ его, видѣлъ въ немъ признаніе мэрами своей слабости; онъ былъ убѣжденъ, что чѣмъ болѣе дѣлать уступокъ комитету, тѣмъ болѣе онъ будетъ требовать, что инсургенты твердо рѣшились вызвать правительство и „друзей порядка" на борьбу, и что дѣйствительно безъ открытой борьбы съ ними не справиться, а для борьбы у него было менѣе средствъ, чѣмъ когда-либо. Поэтому онъ счелъ свою роль сыгранною, удовольствовавшись тѣмъ, что ему удалось дать Тьеру хоть нѣсколько лишнихъ дней для образованія версальской арміи. Онъ предписалъ національнымъ гвардейцамъ, собравшимся въ 1-мъ и 2-мъ округахъ, разойтись по домамъ. Около четырехъ часовъ пополудни, 25-го марта, Биржа и прилегающій къ ней кварталъ были очищены

„батальонами порядка“ и заняты федеральными батальонами; немного погодя были распущены по домамъ и батальоны Пасси, тоже повиновавшіеся адмиралу Сессэ; около семи часовъ вечера адмиралъ Сессэ велѣлъ своему штабу отправиться въ Версаль, а самъ пошелъ туда же пѣшкомъ. Многіе строго порицали Сессэ за оставленіе имъ Парижа 25-го марта. Вотъ какъ онъ оправдывался впослѣдствіи противъ этого обвиненія въ слѣдственной коммиссіи: „Если за недѣлю передъ тѣмъ генералъ Винуа не могъ ничего сдѣлать съ 15,000-ной регулярной арміей, то что же могъ сдѣлать бѣдный Сессэ съ гораздо меньшими средствами? Моя карьера уже кончалась. Неужели же, еслибы была хотя малѣйшая возможность бороться, я уклонился бы отъ борьбы, я отступилъ бы—въ первый разъ въ моей жизни? Повѣрьте, что мнѣ нужно было имѣть въ то время гораздо болѣе мужества, чтобы сказать моимъ подчиненнымъ: „разойдитесь по домамъ“, чѣмъ: „идемъ сражаться“. Но еслибъ я произнесъ эти послѣднія слова, то я принесъ бы только въ жертву жизнь нѣсколькихъ тысячъ честныхъ гражданъ. безъ малѣйшей пользы для дѣла порядка. Нѣтъ, господа, повѣрьте, что. поступая такъ, я поступалъ честно и благоразумно, и послѣдствія оправдали мой образъ дѣйствій“.

Между тѣмъ версальское Собраніе выказывало по-прежнему очень мало готовности принять какія-либо мѣры, которыя могли бы успокоить волненіе въ Парижѣ. Въ засѣданіи 25-го марта депутатъ Арно (одинъ изъ парижскихъ мэровъ) взялъ назадъ внесенное имъ 23-го марта, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, предложеніе, такъ какъ. въ виду новѣйшаго оборота дѣлъ, это предложеніе не имѣло уже смысла. Заявленіе Арно было встрѣчено рукоплесканіями членовъ правой стороны. Затѣмъ Люи Бланъ, сообщивъ содержаніе конвенціи, заключенной мэрами и депутатами съ делегатами Центральнаго комитета, напомнилъ, что въ теченіи пяти дней представители Парижа умоляли правительство и Собраніе сдѣлать что-нибудь для успокоенія Парижа, но всѣ ихъ просьбы и представленія оставались тщетными; наконецъ, желая во что бы то ни стало избѣжать междоусобной войны и кровопролитія, они, подъ собствен-

ною своею отвѣтственностью, заключили означенную конвенцію; поэтому Люи Бланъ, отъ имени своего и 10 своихъ товарищей, просилъ признать, въ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, что „принимая то рѣшеніе, которое предписывалось мэрамъ угрожающими обстоятельствами минуты, они поступили какъ добрые граждане". Національное Собраніе, не отрекаясь отъ своихъ постановленій, принятыхъ въ предшествовавшіе дни, не могло принять резолюціи, предложенной Люи Бланомъ; заявить, что, заключая конвенцію съ Центральнымъ комитетомъ, мэры поступили какъ добрые граждане, значило бы нѣкоторымъ образомъ одобрить эту конвенцію, значило бы, хотя косвенно, входить въ соглашеніе съ возстаніемъ. Поэтому Собраніе отвергло предложеніе о передачѣ этой резолюціи 15-ти-членной коммиссіи, которой нѣсколько дней тому назадъ было поручено обсудить, вмѣстѣ съ главою исполнительной власти, лучшія мѣры къ умиротворенію Парижа, и передало предложеніе Блана въ коммиссію парламентскаго почина—общую могилу всѣхъ предложеній, которыя Собраніе заранѣе рѣшилось отвергнуть. Дѣйствительно, въ засѣданіи 27-го марта предложеніе Люи Блана, согласно докладу коммиссіи парламентскаго почина, было отвергнуто Собраніемъ почти единогласно.

Слѣдственная коммиссія по поводу возстанія 18-го марта рѣзко осудила, въ своемъ докладѣ Палатѣ, капитуляцію парижскихъ мэровъ. По ея мнѣнію, подписанная ими конвенція все испортила, между тѣмъ какъ иной образъ дѣйствій ихъ могъ все спасти. Этотъ компромиссъ, говоритъ коммиссія, ввелъ въ заблужденіе парижское населеніе, заставляя его полагать, что выборы членовъ Коммуны были совершенно правильны, и придавая такимъ образомъ нѣкоторый видъ легальности господству Коммуны; населеніе знало, что власть мэровъ освящена правительствомъ, что послѣднее какъ бы передало первымъ свои полномочія, и потому мэрамъ слѣдовало, при данныхъ обстоятельствахъ, скорѣе отступить передъ возстаніемъ, чѣмъ входить съ нимъ въ сдѣлки. Та отговорка, что мэры хотѣли дать этимъ правительству возможность выиграть хоть недѣлю времени, тоже, по мнѣнію слѣдственной коммиссіи, не вы-

держиваетъ критики, такъ какъ на первомъ планѣ въ глазахъ представителей правительства въ Парижѣ, мэровъ, должны были стоять въ настоящемъ случаѣ соображенія политичечкія, вопросъ о законности, а не соображенія военно-административныя и стратегическія. Коммиссія заключила эту часть своего доклада увѣреніемъ, что уступка, сдѣланная мэрами возстанію, едва не повергла Францію въ самыя страшныя несчастія. Были ли бы эти несчастія болѣе ужасны, чѣмъ тѣ, въ которыя ввѣргли страну близорукость и неуступчивость Національнаго Собранія, упорно отвергавшаго самыя законныя и справедливыя требованія испытанныхъ патріотовъ—это, конечно, еще весьма сомнительно; но мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь, что Тьеръ выказалъ въ данномъ случаѣ болѣе проницательности и благоразумія, чѣмъ большинство Собранія, лучше оцѣнилъ поведеніе мэровъ. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ 25-го же марта съ мэромъ 2-го округа, Тираромъ, онъ замѣтилъ, что назначеніе выборовъ на 26-е число представляетъ мало гарантій правильности и законности ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что ни правительство, ни мэры, въ настоящее время не имѣютъ ни возможности отсрочить ихъ моральными средствами, ни достаточныхъ силъ, чтобы воспрепятствовать имъ, такъ какъ раньше двухъ-трехъ недѣль армія, собираемая въ Версалѣ, не будетъ въ состояніи предпринять что-либо противъ Парижа. Когда же Тираръ спросилъ его, слѣдуетъ ли ему возвратиться въ Парижъ и обратиться къ населенію съ воззваніемъ, протестовать противъ заключенной утромъ конвенціи и пригласить парижское населеніе не участвовать въ выборахъ 26-го марта, Тьеръ отвѣтилъ ему: „Этимъ вы нисколько не поможете дѣлу. Вамъ слѣдуетъ заботиться только объ одномъ—о предотвращеніи кровопролитія. Если вы полагаете, что заключенная мэрами конвенція можетъ достигнуть этой цѣли, хотя бы на нѣсколько дней, то вы не должны продолжать безполезнаго сопротивленія, а, напротивъ, даже присоединить свою подпись къ конвенціи. Во всякомъ случаѣ вы поступили какъ добрый гражданинъ, и я вамъ буду всегда благодаренъ“. Эти слова не помѣшали однако Тьеру телеграфировать 26-го марта префектамъ департамен-

товъ: „Соглашеніе, которому правительство осталось чуждо, состоялось между такъ называемой Коммуной и мэрами; въ силу этого соглашенія сегодня въ Парижѣ будутъ произведены выборы, безъ всякой свободы и порядка. Но пусть страна этимъ не тревожится: порядокъ будетъ возстановленъ въ Парижѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ“.

ГЛАВА VII.

Выборы 26-го марта.—Послѣднія распоряженія Центральнаго комитета.—Водвореніе Коммуны. — Краткіе біографическіе очерки главныхъ дѣятелей Коммуны.

Исторія парижскаго возстанія 1871 года имѣетъ много общаго съ тѣми драмами Шекспира, въ которыхъ комическій элементъ перемѣшанъ съ трагическимъ, въ которыхъ разныя забавныя выходки смѣняютъ торжественныя тирады. Трагикомедія, разъигранная парижской Коммуной, состоитъ изъ трехъ актовъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Прологъ—это дѣйствія Національнаго Собранія до 18-го марта и приготовленія парижанъ къ возстанію; содержаніе перваго акта изложено нами выше; самые интересные эпизоды его составляютъ извѣстная демонстрація „друзей порядка" и капитуляція мэровъ; занавѣсъ послѣ этого дѣйствія опустился въ ту минуту, когда парижане отправились къ избирательнымъ урнамъ для совершенія общинныхъ выборовъ. Теперь начинается второе дѣйствіе, въ которомъ авторы трагикомедіи до того запутываютъ интригу, что зритель положительно недоумѣваетъ относительно того, къ какой развязкѣ они желаютъ привести его, пока наконецъ третій актъ не приноситъ съ собою нетерпѣливо ожидаемой развязки. Второе дѣйствіе начинается съ водворенія такъ называемой Коммуны, которой Центральный комитетъ, самовольно пользовавшійся до сихъ поръ властью, передалъ свои полномочія, вмѣстѣ съ зданіемъ городской Ратуши.

26-го марта, утромъ, Центральный комитетъ національной гвар-

діи еще разъ обратился къ парижанамъ съ прокламаціей, въ которой объявилъ, что съ этимъ днемъ оканчивается его задача, и благодарилъ населеніе за то, что оно, своимъ патріотическимъ образомъ дѣйствій, дало ему, комитету, возможность достигнуть завѣтной своей цѣли—упроченія республики. Далѣе онъ давалъ избирателямъ въ той же прокламаціи нѣкоторые совѣты относительно того, кого выбирать и кого не выбирать. „Не упускайте изъ виду того“—говорилъ онъ—„что лучше всего могутъ служить вашимъ интересамъ люди, выбранные изъ вашей же среды, живущіе вашей жизнью, страдающіе вашими страданіями. Остерегайтесь честолюбцевъ и выскочекъ: тѣ и другіе руководствуются только своими собственными интересами и всегда кончаютъ тѣмъ, что считаютъ себя необходимыми. Остерегайтесь также говоруновъ, неспособныхъ дѣйствовать: они всѣмъ пожертвуютъ для какой-нибудь рѣчи, для ораторскаго эффекта, для остроумнаго слова. Остерегайтесь, наконецъ, людей слишкомъ щедро надѣленныхъ судьбою: почти никогда человѣкъ богатый не согласится смотрѣть на рабочаго, какъ на своего брата. Ищите, напротивъ, людей искренне-убѣжденныхъ, людей, вышедшихъ изъ народа, рѣшительныхъ, дѣятельныхъ, отличающихся здравымъ смысломъ и общепризнанной честностью. Выбирайте преимущественно такихъ людей, которые не будутъ домогаться вашихъ голосовъ; люди истинно-достойные всегда скромны, и избиратели должны сами знать, кто имъ нуженъ, пренебрегая навязывающими себя кандидатами. Мы увѣрены, что если вы не оставите безъ вниманія этихъ нашихъ совѣтовъ, то вы положите начало истинному народному представительству, вы будете имѣть представителей, которые никогда не будутъ считать себя вашими повелителями“. Въ силу состоявшагося наканунѣ соглашенія, муниципальныя власти, возвращенныя въ свои мэріи, должны были завѣдывать выборами; но Центральный комитетъ счелъ нужнымъ избавить ихъ отъ этого труда: когда 26-го числа, утромъ, мэры явились въ свои мэріи, то большая часть изъ нихъ убѣдилась, что всѣ приготовленія къ выборамъ сдѣланы уже безъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ число лицъ, принимавшихъ участіе въ выбо-

рахъ было очень незначительно; но въ другихъ, въ особенности въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, въ Монмартрѣ. Бельвиллѣ, Лавильеттѣ и другихъ рабочихъ кварталахъ, оно было очень значительно, въ особенности послѣ полудня. Нигдѣ порядокъ не былъ нарушенъ, и дѣло обошлось даже почти безъ всякихъ демонстрацій; только въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи избиратели отправились къ урнамъ группами отъ 6 до 7 сотъ чел.. неся передъ собою красное знамя и обходя вокругъ іюльской колонны, прежде чѣмъ идти къ мэріи; притомъ изъ среды этихъ группъ раздавались клики: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Коммуна!“ Погода въ это воскресенье, какъ и въ предшествующее, стояла чудесная, и улицы Парижа были покрыты гуляющими, которые, опустивъ въ урны свои голоса, отправлялись глазѣть на возведенныя въ разныхъ мѣстахъ баррикады или разсыпались по окрестностямъ Парижа.

Поздно вечеромъ, передъ тѣмъ какъ начался счетъ голосовъ, Центральный комитетъ, узнавъ, конечно, что во многихъ округахъ. преимущественно центральныхъ, число лицъ, подавшихъ голоса. было крайне незначительно, обнародовалъ слѣдующее распоряженіе: „Въ силу закона 1849-го достаточно, чтобы въ выборахъ принимала участіе восьмая часть записанныхъ избирателей, для того чтобы выборы могли считаться законно-состоявшимися. Центральный комитетъ возстановляетъ силу этого закона“. 27-е число прошло безъ особыхъ приключеній; весь этотъ день въ мэріяхъ продолжался счетъ голосовъ, и парижское населеніе, съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ, ожидало результатовъ произведенныхъ наканунѣ выборовъ. Въ этотъ день появилась прокламація Центральнаго комитета, въ которой онъ объявлялъ, что сходитъ со сцены, исполнивъ свою задачу. Впрочемъ, для ближайшаго завѣдыванія національной гвардіей, онъ образовалъ изъ своихъ членовъ субъкоммиссію, состоявшую изъ 11 лицъ, подъ предсѣдательствомъ Асси; въ составъ этой коммиссіи вошли „генералы“ Бержере, Анри, Дюваль и Клюзре; здѣсь въ первый разъ имя Клюзре появляется въ исторіи тогдашнихъ парижскихъ событій. Еще ранѣе того, а имен-

но 25-го марта, Центральный комитетъ вручилъ высшую военную власть въ Парижѣ „генераламъ“ Брюнелю, Эду и Дювалю, которые должны были дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, „въ ожиданіи прибытія Гарибальди“, провозглашеннаго главнокомандующимъ парижской арміей еще до возстанія, въ собраніи делегатовъ національной гвардіи 13-го марта. Новые „генералы“ тогда же обратились къ парижскому населенію съ прокламаціей, въ которой они прямо объявляли, что „всякій, кто не за насъ — противъ насъ“, и угрожали самыми строгими карами „зачинщикамъ контръ-революціи, реакціонерамъ и монархистамъ“. Въ другой прокламаціи они объявляли, что наканунѣ жандармы и полицейскіе сержанты, переодѣтые въ мундиры національныхъ гвардейцевъ, стрѣляли по прусскимъ линіямъ; опасаясь какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны пруссаковъ въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго, „генералы“ предъупреждали, что въ видахъ охраненія безопасности цѣлаго города они намѣрены немедленно и безъ всякой пощады разстрѣливать лицъ, которыя окажутся виновными въ подобныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что помимо извѣстія о назначеніи этихъ трехъ новыхъ „генераловъ“ парижане въ послѣднюю недѣлю не замѣчали никакихъ особыхъ признаковъ военнаго положенія; напротивъ, Парижъ послѣ 18-го марта принималъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мирный видъ. Баррикады, возведенныя въ тотъ день въ разныхъ мѣстахъ города, были разобраны настолько, что экипажи могли свободно проѣзжать по улицамъ, а нѣкоторыя даже совсѣмъ снесены; общество омнибусовъ возобновило движеніе своихъ каретъ по главнымъ улицамъ, прерванное въ теченіи первыхъ дней возстанія; только на Вандомской площади движеніе экипажей было совершенно прекращено двумя громадными баррикадами, возведенными при входѣ на эту площадь въ самый день извѣстной демонстраціи. Въ окрестностяхъ Парижа тоже все было мирно и спокойно. Занявъ 19-го марта южные форты, инсургенты производили незначительныя рекогносцировки въ окрестностяхъ ихъ, доходя до Кламара, Баньё и Шатильона. 24-го марта генералъ

Дюкро, назначенный въ этотъ день командиромъ одного изъ корпусовъ версальской арміи, произвелъ, въ свою очередь, рекогносцировку къ фортамъ; но все это обходилось безъ всякаго кровопролитія. Инсургенты, прогнанные 22-го марта со станціи Сенъ-Лазаръ „батальонами порядка“, заняли въ значительномъ числѣ желѣзную дорогу въ Версаль близъ Батиньоля, и здѣсь подвергали съ 23-го марта тщательному осмотру каждый поѣздъ, идущій изъ Парижа въ Версаль и обратно; но такъ какъ на этихъ поѣздахъ не перевозились ни войска, ни военные припасы, а проѣзжали только мирные пассажиры, то эти осмотры имѣли совершенно безобидный характеръ, и единственный результатъ ихъ былъ тотъ, что переѣздъ въ Версаль требовалъ полутора и двухъ часовъ, вмѣсто 40 минутъ.

28-го марта, въ 4 часа пополудни, съ большою торжественностію были провозглашены въ Ратушѣ имена вновь избранныхъ членовъ „Коммуны“, офиціально замѣнившей съ этого дня прежній Центральный комитетъ. На площадь Ратуши и въ близълежащія улицы собралось къ этому времени до ста тысячъ человѣкъ. Передъ главнымъ фасадомъ Ратуши была устроена эстрада, надъ которою возвышался бюстъ республики въ фригійской шапкѣ; статуя Генриха IV была завѣшена красными флагами. Вокругъ эстрады размѣстились батальоны національной гвардіи; военные оркестры играли „Марсельезу“, которую подхватывали десятки тысячъ голосовъ, заглушавшихъ даже раздававшуюся въ это же время пушечную пальбу. Наконецъ на эстрадѣ появились члены Центральнаго комитета, большею частью въ мундирахъ національныхъ гвардейцевъ, иные въ статскомъ, но всѣ повязанные красными шарфами. Предсѣдательствовалъ членъ комитета Ранвье; другой членъ сталъ провозглашать имена выбранныхъ 26-го числа членовъ Коммуны. Провозглашеніе ихъ именъ сопровождалось залпами изъ орудій. Двое изъ членовъ комитета произнесли рѣчи, содержаніе которыхъ, за шумомъ, нельзя было разобрать; потомъ батальоны національныхъ гвардейцевъ прошли мимо эстрады при кликахъ „да здравствуетъ Коммуна“, и этимъ окончилась це-

ремонія. Съ этого момента, въ теченіи ровно двухъ мѣсяцевъ (до 28-го мая), Коммуна властвовала въ Парижѣ.

Въ члены Коммуны при выборахъ 26-го марта оказались избранными 88 лицъ, которыхъ можно группировать слѣдующимъ образомъ: 13 членовъ бывшаго Центральнаго комитета, а именно: Арно, Бабикъ, Бержере, Билліорэ, Бланше, Брюнель, Дюпонъ, Жеремъ, Журдъ, Мортье, Ранвье, Фортюне и Эдъ; 17 членовъ Интернаціонала (изъ нихъ нѣкоторые тоже входили съ конца февраля въ число членовъ Центральнаго комитета), а именно: Авріаль, Асси, Белэ, Вальянъ, Варленъ, Дереръ, Дюваль, Эженъ Жирарденъ, Клемансъ, Викторъ Клеманъ, Ланжевенъ, Лефрансе, Малонъ, Пенди, Тейссъ, Френкель и Шаленъ; 20 бланкистовъ, радикальныхъ и ультра-революціонныхъ журналистовъ: Арну, Бланки, Валлесъ, Вердюръ, Верморель, Гамбонъ, Паскаль Груссе, Делеклюзъ, Жанъ Клеманъ, Курне, Міо, Феликсъ Піà, Прото, Ранкъ, Рауль Риго, Робине, Тридонъ, Ферре, Флурансъ и Шардонъ; 21 клубныхъ ораторовъ и лицъ, извѣстныхъ вообще по своему участію въ народныхъ собраніяхъ: Алликсъ, Амуру, Гуппль, Деканъ, Демэ, Шарль Жирарденъ, Эмиль Клеманъ, Ледруа, Лефевръ, Мартеле, Мейльє, Остенъ, Паранъ, Паризель, Пюже, Растуль, Режеръ, Удэ, Урбенъ, Фрюно и Шампи; наконецъ 16 членовъ умѣренной (или, какъ ихъ называли въ то время въ Парижѣ, „буржуазной") партіи, большею частью входившихъ въ составъ тогдашнихъ парижскихъ муниципальныхъ властей: Адамъ, Барре, Брелэ, Бріонъ, Демаре, Дебутелье, Леруа, Луазо-Пенсонъ, Мармоттанъ, Мелинъ, Мюратъ, Настъ, Рошаръ, Тираръ, Ферри и Шеронъ; наконецъ одно изъ избранныхъ 26-го марта лицъ не принадлежало ни къ какой изъ означенныхъ группъ — генералъ Гарибальди, избранный въ 20-мъ округѣ, и тотчасъ же сложившій съ себя званіе члена Коммуны. Изъ послѣдней категоріи трое, а именно Демаре, Настъ и Ферри, избранные представителями 9-го округа, подали прошенія объ отставкѣ еще 27-го числа, до офиціальнаго провозглашенія именъ избранниковъ 26-го марта; остальныя 13 лицъ послѣдней категоріи отказались отъ возложеннаго на

нихъ званія членовъ Коммуны тотчасъ по организаціи послѣдней, не принимая участія ни въ одномъ изъ ея засѣданій; наконецъ 12 дней спустя послѣ организаціи Коммуны 6 членовъ ея, принадлежавшіе частью къ третьей группѣ (Ранкъ и Робине), частью къ четвертой (Гупиль, Лефевръ, Паранъ и Фрюно) послѣдовали ихъ примѣру, увидѣвъ, на какой опасный путь вступаетъ Коммуна. Изъ всѣхъ 20 парижскихъ округовъ самое дѣятельное участіе въ выборахъ 26-го марта принялъ 11-й (Попенкуръ или Сентъ-Антуанское предмѣстье): его шесть кандидатовъ стоятъ первыми по числу поданныхъ за нихъ голосовъ въ числѣ 88 членовъ Коммуны, избранныхъ 26-го числа; наибольшее число голосовъ въ этомъ округѣ, и вообще во всемъ Парижѣ, получилъ нѣкто Мортье, очень мало извѣстный въ Парижѣ членъ Центральнаго комитета, получившій 19,397 голосовъ; затѣмъ слѣдуютъ: Прото (18,062 гол.), Асси (18,041 гол.), Эдъ (17,392 гол.), Авріаль (16,193 гол.) и Вердюръ (15,657 гол.). За 11-мъ округомъ, по числу лицъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи, слѣдуетъ 18-й округъ (Монмартръ); здѣсь наибольшее число голосовъ получили Бланки и Тейссъ (по 14,950) и наименьшее Паскаль Груссе (13,784); кромѣ означенныхъ двухъ дѣятелей Коммуны въ этомъ округѣ избраны были изъ болѣе извѣстныхъ лицъ Ферре и Верморель. Избиратели 20-го округа (Бельвиля) выказали почти такое же усердіе къ выборамъ: здѣсь избраны Ранвье—14,127 голосовъ, Бержере (14,103 гол.), Флурансъ — 13,498 гол. и, наконецъ, Гарибальди — 6,986 гол. Въ 10-мъ округѣ (Сенъ-Лоранъ) приливъ избирателей къ урнамъ былъ тоже довольно значителенъ; изъ лицъ, выбранныхъ въ этомъ округѣ, наибольшее число голосовъ получилъ Феликсъ Піà (11,813), наименьшее — Растуль (10,325). Въ 19-мъ округѣ (Лавильетѣ) наибольшее число голосовъ доходило до 10,065 (Уде), наименьшее до 5,065 (Остенъ); представителями этого округа, между прочимъ, избраны были Делеклюзъ (5,846 гол.), Курне (одинъ изъ префектовъ полиціи при Коммунѣ) и Міо. Въ 3-мъ округѣ (Hotel-de-Ville) избраны были пять депутатовъ почти совсѣмъ неизвѣстныхъ; наибольшее число

голосовъ, поданныхъ въ этомъ округѣ, было 8,730, наименьшее—3,052. Почти столь же значительно было число избирателей въ 4-мъ округѣ (Тампльскомъ), гдѣ изъ пяти кандидатовъ наибольшее число голосовъ, а именно 8,619, получилъ Лефрансе (бывшій впослѣдствіи одно время предсѣдателемъ Коммуны), а наименьшее—Арну (8,068 г.). Избранники 1-го и 2-го округовъ (Лувра и Биржи) всѣ безъ исключенія сложили съ себя депутатскія полномочія, не принявъ участія ни въ одномъ изъ засѣданій Коммуны, а именно: въ 1-мъ округѣ: Адамъ (7,272 гол.), Мелинъ (7,251 гол.), Рошаръ (6,629 гол.) и Барре — одинъ изъ главныхъ организаторовъ „батальоновъ порядка" — (6,294 гол.), а во 2-мъ: Брелэ (7,025 гол.), Луазо-Пенсонъ (6,962 гол.), Тираръ (6,391 гол.) и Шеронъ (6,066 гол.). За этими двумя „кварталами порядка" слѣдуютъ, по числу поданныхъ голосовъ: 17-й округъ (Батиньоль), въ которомъ наибольшее число голосовъ было подано за Эмиля Клемана (7,121), а наименьшее за Дюпона (3,450); изъ болѣе извѣстныхъ лицъ въ этомъ округѣ избранъ только Малонъ, энергическій дѣятель Международнаго общества рабочихъ. Въ 13-мъ округѣ (Монпарнассъ) наибольшее число поданныхъ голосовъ составляло 6,664, а наименьшее — 4,520; въ этомъ округѣ между прочимъ избраны извѣстный „генералъ" Дюваль и членъ Интернаціонала, австріецъ Френкель. Почти одинаково значительно было участіе избирателей въ 9-мъ, самомъ буржуазномъ округѣ (Оперы), гдѣ избраны 6 депутатовъ, отказавшихся отъ полномочій или тотчасъ послѣ своего избранія — Демаре, Настъ, Ферри, Бріонъ—или 12 дней спустя—Ранкъ и Паранъ; изъ числа этихъ лицъ наибольшее число голосовъ получилъ Ранкъ (8,950), наименьшее—Бріонъ—2,456. Въ 14-мъ округѣ (Гренель) избраны всего три кандидата, изъ которыхъ наибольшее число голосовъ (6,100) получилъ Билліорэ, пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Центральнаго комитета, а наименьшее (5,830)—Деканъ. Въ 12-мъ округѣ наибольшее число голосовъ, данныхъ четыремъ депутатамъ, было 5,810, наименьшее — 2,194. Въ 15-мъ округѣ

(Вожираръ), въ которомъ между прочимъ избранъ былъ извѣстный радикальный публицистъ Жюль Валлесъ, число голосовъ колебалось между 5,025 и 2,417, въ 5-мъ (Пантеонъ) — между 4,026 и 3,266; въ этомъ округѣ между прочимъ были избраны довольно извѣстные дѣятели Коммуны Режеръ, Журдъ и Тридонъ. Въ 6-мъ округѣ (Люксамбуръ) число избирателей, принимавшихъ участіе въ голосованіи 26-го марта, было довольно незначительно; наибольшее число голосовъ въ этомъ округѣ изъ шести избранныхъ получилъ Леруа, избранный 5,800 голосовъ, наименьшее — Рожаръ (2,294); изъ представителей этого округа четверо (Леруа, Гупиль, Робине и Рожаръ) сложили съ себя свои полномочія въ самомъ началѣ; остальные двое—Варленъ и Белэ — принадлежали къ самымъ извѣстнымъ дѣятелямъ Коммуны. Въ 7-мъ округѣ (Палэ-Бурбонъ) число поданныхъ голосовъ было еще менѣе: наибольшее число голосовъ (3,367) получилъ здѣсь Паризель, наименьшее—„генералъ“ Брюнель (1,947); одинъ изъ представителей этого округа, Лефевръ, вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ образованія Коммуны. Наконецъ, наименьшее число голосовъ было подано въ 8-мъ округѣ (Элизе), гдѣ изъ трехъ избранныхъ лицъ наибольшее число голосовъ получилъ стяжавшій себѣ впослѣдствіи такую печальную извѣстность Рауль Риго (2,175), а наименьшее—Алликсъ (2,028).

Мы просимъ у читателей извиненія за этотъ длинный рядъ именъ и цифръ; но группировка результатовъ парижскихъ выборовъ 26-го марта казалась намъ небезъинтересной для опредѣленія того участія, которое различные округи Парижа, кварталы рабочіе и буржуазные, приняли въ созданіи правительства, властвовавшаго надъ столицей Франціи въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Читатели замѣтили также, что изъ 88 именъ, вышедшихъ 26 марта изъ парижскихъ избирательныхъ урнъ, едва 10—12 пользовались до вступленія своего въ Коммуну какою-либо извѣстностью; остальныя же принадлежали лицамъ неизвѣстнымъ не только за предѣлами Парижа и Франціи, но по большей части и въ самомъ Парижѣ. Однако въ виду того, что всѣмъ этимъ лицамъ

вообще, а нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенности, суждено было стяжать себѣ нѣкоторую извѣстность - и большею частью не особенно завидную—въ смутное время господства Коммуны, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь, хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ. нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этихъ столь неожиданно появившихся и столь же внезапно исчезнувшихъ общественныхъ дѣятеляхъ.

Личности Бланки, Делеклюза, Феликса Піá и Флуранса достаточно извѣстны тѣмъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ новѣйшей исторіей Франціи, и потому мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ ихъ прежней жизни; замѣтимъ только, что Бланки, хотя и былъ избранъ въ члены Коммуны довольно значительнымъ числомъ голосовъ, никогда не принималъ и не могъ принимать участія въ ея дѣйствіяхъ, потому что, будучи арестованъ и осужденъ за попытку къ возстанію 22-го января, все время возстанія провелъ въ версальской тюрьмѣ. Къ числу лицъ, пользовавшихся нѣкоторою, хотя и не особенно громкою, и частью не слишкомъ завидною репутаціей до водворенія Коммуны, слѣдуетъ отнести изъ группы радикальныхъ журналистовъ и бланкистовъ: Вермореля, Валлеса, Паскаля Груссе, Прото, Рауля Риго, Ферре, Міо и Курне. Наиболѣе интересными личностями изъ числа членовъ Международнаго общества и бывшаго Центральнаго комитета, вошедшихъ въ составъ Коммуны, являются: Варленъ, Лефрансе, Малонъ, Асси, Эдъ, Дюваль, Бержере, Брюнель, Журдъ, Белэ, Бабикъ и Френкель.

Верморель, которому въ 1871-мъ году было всего 30 лѣтъ отъ роду, принадлежалъ къ числу довольно извѣстныхъ въ послѣдніе годы второй имперіи демократическихъ журналистовъ. Выступивъ лѣтъ 20-ти на журнальное поприще, онъ, съ первыхъ же своихъ шаговъ на немъ, подвергся осужденію и заключенію въ тюрьму Сентъ-Пелажи за свои статьи въ основанныхъ имъ же небольшихъ газетахъ: „La Jeune France“ и „La Jeunese“. Написавъ затѣмъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ, онъ обратилъ на себя вниманіе Эмиля Жирардена, который пригласилъ его къ участію сначала въ „Presse“, а потомъ въ „Liberté“. Не довольствуясь скромною ролью сотруд-

ника въ чужомъ журналѣ, онъ основалъ въ 1866-мъ году газету „Courrier français“, получившую вскорѣ довольно громкую извѣстность своей рѣзкой и смѣлой оппозиціей второй имперіи. Цѣлый рядъ процессовъ, штрафовъ, наконецъ вторичное заключеніе въ тюрьму „Сентъ-Пелажи“, переходъ въ другія руки газеты „Courrier français“ и потеря почти всего состоянія Вермореля были результатами этого новаго его литературнаго предпріятія. По выходѣ изъ тюрьмы Верморель издалъ два сочиненія: „Дѣятели 48-го года“ и „Дѣятели 51-го года“; въ первомъ онъ рѣзко нападалъ на дѣятелей февральской революціи, и это-то обстоятельство подало первый поводъ къ возникновенію вышеупомянутыхъ нами слуховъ о томъ, будто Верморель, дѣйствуя по внушеніямъ Руэра, старался, въ интересахъ наполеоновской имперіи, посѣять раздоръ въ средѣ республиканцевъ. Изданный имъ въ 1869-мъ году небольшой памфлетъ „Вампиры“, въ которомъ онъ рѣзко нападалъ на тогдашнюю оппозицію въ Законодательномъ Корпусѣ, далъ новую пищу этимъ слухамъ и увеличилъ нерасположеніе къ нему республиканцевъ. По выходѣ своемъ изъ третьяго тюремнаго заключенія, къ которому онъ былъ приговоренъ какъ редакторъ основанной имъ въ 1869-мъ же году газеты „Reforme“, онъ былъ публично названъ Рошфоромъ въ засѣданіи Законодательнаго Корпуса „шпіономъ Руэра“. Верморель потребовалъ суда чести, отъ котораго Рошфоръ уклонился; впослѣдствіи, послѣ паденія имперіи, послѣдній впрочемъ взялъ назадъ свое обвиненіе въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ журналахъ. 4-е сентября застало Вермореля опять таки въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, откуда онъ былъ освобожденъ народомъ одновременно съ Рошфоромъ. Онъ возобновилъ было изданіе „Courrier français“, но вскорѣ поступилъ въ артиллерію національной гвардіи и отличался въ монмартрскихъ народныхъ сходкахъ своими рѣзкими нападками на правительство народной обороны, состоявшее по большей части изъ членовъ прежней оппозиціи въ Законодательномъ Корпусѣ, къ которой онъ никогда не чувствовалъ особой симпатіи. Замѣшанный въ событіяхъ 31-го октября, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ про-

былъ до февраля, когда военный судъ оправдалъ его отъ обвиненія въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ. Будучи избранъ 18-мъ (монмартрскимъ) округомъ въ члены Коммуны, онъ присталъ въ ней къ умѣренной партіи, однако не покинулъ ея вмѣстѣ съ Ранкомъ, Параномъ и др., когда увидѣлъ, на какой путь она окончательно вступила. Онъ, впрочемъ, всегда протестовалъ противъ неистовствъ Рауля Риго, Піà (съ которымъ имѣлъ даже крупныя столкновенія въ Коммунѣ) и др.; поэтому большинство членовъ Коммуны всегда относилось къ нему подозрительно и старалось по возможности оттирать его. Онъ пытался было основать, въ бытность свою въ Коммунѣ, новый органъ „La Justice", въ которомъ проповѣдовалъ относительную умѣренность и благоразуміе, но не имѣлъ успѣха. Въ послѣднее время онъ очевидно искалъ смерти, являясь постоянно въ мѣстахъ самаго жаркаго боя, но не нашелъ ея.—Другой журналистъ, тоже пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью еще при имперіи, Жюль Валлесъ, представляется личностью совершенно другаго закала. Выступивъ на журнальное поприще вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря, онъ участвовалъ нѣкоторое время, какъ хроникеръ, въ газетахъ „Figaro" и „Evènement" и основывалъ нѣсколько разъ собственныя свои газеты, не имѣвшія впрочемъ успѣха. Въ 1869 году онъ явился въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи кандидатомъ соціалистской партіи при выборахъ въ члены Законодательнаго Корпуса, но былъ безъ труда побѣжденъ Жюлемъ Симономъ. Послѣ 4-го сентября онъ былъ назначенъ начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи, но вслѣдствіе участія въ возстаніи 31-го октября былъ удаленъ отъ этой должности. Впослѣдствіи онъ основалъ газету „Cri du peuple", въ которой рѣзко протестовалъ противъ капитуляціи 28-го января, что доставило ему популярность въ рабочихъ кварталахъ. Эта газета была запрещена генераломъ Винуа и вновь появилась только послѣ 18-го марта. При февральскихъ выборахъ въ члены Національнаго Собранія онъ получилъ нѣсколько тысячъ голосовъ, но все-таки не попалъ въ депутаты. Будучи избранъ 26-го марта въ члены Коммуны, онъ присоединился съ самаго начала къ крайней

партіи ея и все время шелъ вмѣстѣ съ нею. Это былъ одинъ изъ самыхъ типическихъ, но не даровитыхъ представителей парижской литературной богемы, человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, безъ энергіи, мало образованный и неспособный, легко поддававшійся всякимъ увлеченіямъ. — Паскаль Груссе представлялъ въ Коммунѣ бульварно-фельетонный элементъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26, родомъ изъ Корсики, недурной собою, всегда изящно одѣтый, чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ большинства своихъ товарищей. Окончивъ курсъ въ Медицинской Школѣ, онъ обратился къ журнализму, но не сдѣлался сразу тѣмъ ярымъ республиканцемъ, какимъ мы его видимъ при Коммунѣ: онъ сначала участвовалъ въ газетахъ „Figaro" и „Etendard", но, не находя здѣсь удовлетворенія своему честолюбію, перешелъ въ радикальный лагерь и сдѣлался сотрудникомъ „Марсельезы" Рошфора. Въ это время онъ сдѣлался невольной причиной убійства Виктора Нуара: вслѣдствіе журнальной полемики, возникшей между Груссе и принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ, первый послалъ къ послѣднему своихъ секундантовъ, Виктора Нуара и Фонвьеля, и вызовъ этотъ кончился, какъ извѣстно, убіеніемъ Нуара. Отсюда начинается нѣкоторая популярность Груссе въ Парижѣ и ярая его оппозиція противъ второй имперіи, которая привела его, передъ паденіемъ имперіи, въ тюрьму Сентъ-Пелажи. Послѣ 4-го сентября онъ принялъ было на себя завѣдываніе редакціей „Марсельезы", но вскорѣ оставилъ ее вслѣдствіе разногласій съ Рошфоромъ; тогда онъ въ народныхъ собраніяхъ сталъ продолжать нападки на правительство народной обороны, начатыя имъ въ журналѣ. По избраніи въ члены Коммуны легкомысленный журналистъ-булевардье дѣлается вдругъ чѣмъ-то въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ Коммуны, т. е. „делегатомъ по иностраннымъ дѣламъ". Въ Коммунѣ онъ всегда являлся сторонникомъ самыхъ крайнихъ мѣръ и предложеній и самымъ рѣшительнымъ противникомъ умѣренныхъ элементовъ ея.—Прото, сынъ крестьянина изъ департамента Котъ-д'Оръ, явился въ Парижъ безъ всякихъ средствъ, но успѣлъ все-таки кончить курсъ въ Юридической школѣ и получить званіе адвоката. Въ бытность свою въ

школѣ онъ участвовалъ въ разныхъ тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ Латинскомъ кварталѣ, и сотрудничалъ въ маленькихъ демократическихъ газетахъ. По выходѣ своемъ изъ тюрьмы Сентъ-Пелажи, въ которой онъ высидѣлъ 15 мѣсяцевъ за участіе въ какомъ-то тайномъ обществѣ, онъ сдѣлался популяренъ въ рабочихъ кварталахъ, какъ защитникъ рабочаго Межи, преданнаго суду за убіеніе полицейскаго агента. Передъ извѣстнымъ процессомъ въ Блуа Прото тоже былъ арестованъ, но вскорѣ освобожденъ, по настоянію корпораціи адвокатовъ, и явился въ этомъ процессѣ защитникомъ того же Межи. Послѣ 4-го сентября онъ былъ выбранъ начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи, выступилъ усерднымъ противникомъ правительства народной обороны и защищалъ передъ военнымъ судомъ одного изъ главныхъ участниковъ возстанія 31-го октября, Везинье. Послѣ избранія его въ члены Коммуны Прото почти единогласно былъ назначенъ „министромъ юстиціи“, т. е. делегатомъ по судебному вѣдомству; этимъ назначеніемъ онъ обязанъ главнымъ образомъ рекомендаціи ультра-радикальнаго Père Duchesne'а, который выставлялъ его парижскимъ рабочимъ, какъ единственнаго преданнаго дѣлу народа ученаго юриста. Хотя онъ былъ образованнѣе большинства другихъ членовъ Коммуны, но это не помѣшало ему присоединиться къ самой крайней фракціи ея.

Изъ всѣхъ членовъ парижской Коммуны самую печальную репутацію стяжалъ себѣ безспорно самый младшій изъ нихъ, Рауль Риго, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, сынъ су-префекта имперіи, медицинскій студентъ, назначенный по вступленіи своемъ въ Коммуну сначала префектомъ полиціи, а затѣмъ прокуроромъ Коммуны. Въ Латинскомъ кварталѣ онъ пользовался нѣкоторой извѣстностью вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ столкновеній съ наполеоновской полиціей. Онъ проводилъ время не столько въ аудиторіяхъ, сколько въ кофейняхъ, пивныхъ и въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ вскорѣ сталъ извѣстенъ рѣзкостью своихъ выходокъ. Преданный суду за кощунство, онъ отличился на судѣ слѣдующей выходкой: когда прокуроръ потребовалъ для него у судей снисхожденія, въ виду его крайней молодости, Риго поднялся съ

мѣста и сказалъ: „Г. прокуроръ, гг. судьи, мнѣ не нужно вашего снисхожденія; когда власть будетъ въ нашихъ рукахъ, вы не встрѣтите его съ нашей стороны“. Этимъ словамъ, надъ которыми тогда смѣялись, какъ надъ смѣшной фанфаронадой, суждено было сдѣлаться впослѣдствіи печальной истиной. Онъ имѣлъ какое-то врожденное пристрастіе къ полицейскимъ обязанностямъ, и въ бытность свою въ Латинскомъ кварталѣ занимался ими con amore, какъ диллетантъ; никто лучше его не зналъ всѣхъ тайныхъ полицейскихъ агентовъ, за которыми онъ учредилъ настоящій надзоръ. Послѣ 4-го сентября онъ поспѣшилъ въ полицейскую префектуру, захватилъ всѣ секретные документы и самовольно занялъ мѣсто начальника секретнаго отдѣленія полиціи, Лагранжа; но правительство народной обороны не нашло удобнымъ оставлять его на этомъ постѣ; префектъ полиціи, Антоненъ Дюбостъ, взялъ было его къ себѣ секретаремъ, но тоже скоро удалилъ его. Тогда Риго сталъ заниматься полицейскими дѣлами, какъ волонтеръ, рылся въ архивахъ политическаго отдѣла префектуры, откуда онъ извлекалъ компрометирующіе документы и пр. 31-го октября онъ пытался было овладѣть префектурой полиціи отъ имени того правительства, которое должно было замѣнить правительство народной обороны, и, не успѣвъ въ этомъ, съумѣлъ однако избѣгнуть преслѣдованій, возбужденныхъ противъ виновниковъ этого возстанія. Будучи избранъ еще раньше того начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи, онъ никогда не командовалъ имъ, а посвящалъ свои досуги тому, что написалъ для газеты Бланки „Patrie en danger“ цѣлый рядъ статей объ извѣстнѣйшихъ полицейскихъ агентахъ второй имперіи. По избраніи своемъ въ члены Коммуны онъ сдѣлался сначала помощникомъ полицейскаго префекта, „генерала“ Дюваля, а послѣ смерти послѣдняго—префектомъ. Въ этой должности онъ стяжалъ себѣ самую мрачную извѣстность своими жестокостями и кровожадностью. Мы будемъ еще имѣть случай, въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, упоминать о дѣйствіяхъ этого антипатичнѣйшаго дѣятеля Коммуны; замѣтимъ здѣсь только, что его произвольныя и жестокія мѣры заставили вскорѣ даже его това-

рищей замѣнить его сначала Курне, а потомъ Ферре; но успѣвъ наполнить префектуру полиціи своими креатурами и добившись назначенія прокуроромъ Коммуны, Риго сохранилъ возможность продолжать свою гибельную дѣятельность до самаго вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ.—Изъ другихъ лицъ той группы, къ которой принадлежали Верморель, Валлесъ, Груссе, Прото и Риго, можно упомянуть еще о Курне, Ферре и Міо. Первый изъ нихъ, сынъ отставнаго флотскаго лейтенанта, убитаго въ 1848 году на одной изъ тампльскихъ баррикадъ, подобно многимъ другимъ дѣятелямъ этой эпохи провелъ свою молодость въ сотрудничествѣ въ маленькихъ демократическихъ журналахъ и въ составленіи миніатюрныхъ заговоровъ противъ имперіи. Онъ сблизился съ Делеклюзомъ, былъ арестованъ за участіе въ демонстраціи на могилѣ Бодена (въ декабрѣ 1868 года), затѣмъ снова арестованъ и заключенъ въ тюрьму Мазасъ въ 1869 году за свои статьи въ газетѣ Делеклюза „Reveil"; по выходѣ изъ тюрьмы онъ снова сотрудничалъ въ этой газетѣ, былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ демонстраціи въ день похоронъ Нуара, въ февралѣ 1870 года былъ арестованъ по обвиненію въ соучастіи въ заговорѣ на жизнь Наполеона III, но благодаря защитѣ адвоката Флоке признанъ невиновнымъ Блуасскимъ верховнымъ судомъ. Послѣ 4-го сентября Курне весь предался защитѣ Парижа въ качествѣ начальника одного изъ монмартрскихъ батальоновъ и участвовалъ въ нѣкоторыхъ вылазкахъ. Будучи избранъ въ Коммуну, онъ присталъ въ ней къ партіи якобинцевъ и нѣкоторое время, какъ сказано выше, былъ префектомъ полиціи, по удаленіи съ этого поста Риго. Какъ якобинецъ и сторонникъ Делеклюза и Піа, онъ, конечно, являлся сторонникомъ крайнихъ мѣръ, хотя и не въ такой степени, какъ Риго.—Ферре, молодой человѣкъ лѣтъ 26, обратилъ на себя вниманіе какъ участникъ демонстраціи на могилѣ Бодена, затѣмъ сталъ являться въ народныхъ собраніяхъ, въ которыхъ проповѣдывалъ самый крайній якобинизмъ; за свои рѣчи онъ неоднократно подвергался арестамъ и тюремному заключенію, тоже былъ замѣшанъ въ блуасскій процессъ, но оправданъ, подобно Курне, по недоста-

точности уликъ. Послѣ 4-го сентября онъ поступилъ въ одинъ изъ монмартрскихъ батальоновъ, а въ Коммунѣ сблизился съ Раулемъ Риго. Когда экзальтированной части Коммуны Курне, замѣнившій Риго, показался слишкомъ мягкимъ полицейскимъ префектомъ, на его мѣсто назначили Ферре, гораздо болѣе напоминавшаго Риго. Это былъ человѣкъ неспособный и необразованный, только и умѣвшій толковать, и то очевидно безъ должнаго пониманія, о „великихъ принципахъ 93-го года“.—Наконецъ Міо, старый республиканецъ, человѣкъ лѣтъ 60 слишкомъ, съ длинной сѣдой бородой, по профессіи аптекарь, бывшій членъ Національнаго Собранія 1849 года, въ которомъ онъ принадлежалъ къ крайней лѣвой сторонѣ. Послѣ 2-го декабря онъ былъ сосланъ въ Алжиръ, откуда вернулся только вслѣдствіе амнистіи 1859 года. Открывъ аптеку въ улицѣ Риволи, Міо явился въ шестидесятыхъ годахъ кандидатомъ радикальной партіи при выборахъ въ члены Законодательнаго Корпуса, но не имѣлъ успѣха. Въ Коммунѣ Міо постоянно хлопоталъ лишь о томъ, чтобы новые властители Парижа рабски слѣдовали преданіямъ 93 года; по его предложенію, между прочимъ, впослѣдствіи былъ учрежденъ „комитетъ общественнаго спасенія“.

Изъ группы рабочихъ и членовъ Центральнаго комитета самою выдающеюся личностью въ Коммунѣ былъ безспорно Варленъ, по ремеслу переплетчикъ, 31 года, одинъ изъ основателей и самыхъ усердныхъ дѣятелей парижскаго отдѣла Интернаціонала. Это былъ человѣкъ скромный, холодный, сдержанный, мало говорившій и не любившій безъ особой нужды высказывать свои мысли. Онъ участвовалъ въ 1866 и 1869 годахъ въ Женевскомъ и Базельскомъ конгрессахъ Интернаціонала, какъ представитель парижскаго отдѣла, пропагандировалъ идеи Общества всюду—въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели, Руанѣ, Лиллѣ, Крёзо и пр.—то лично, то письменно, участвовалъ въ составленіи значительнѣйшихъ забастовокъ рабочихъ, между прочимъ и извѣстной забастовки въ Крёзо. Будучи заключенъ на три мѣсяца въ тюрьму въ 1868 году за участіе въ тайномъ обществѣ, онъ тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы принялся за преобразованіе парижскаго

отдѣла, разстроившагося вслѣдствіе его ареста и заключенія, и вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Въ началѣ 1870 года онъ былъ замѣшанъ въ большой процессъ Интернаціонала; изъ захваченной у него переписки обнаружилась съ такою ясностью та выдающаяся роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ этого общества, что прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи съ полнымъ основаніемъ могъ выставить его главнымъ дѣятелемъ Интернаціонала во Франціи, отозвавшись о немъ, что „это умъ недюжинный". Въ этомъ процессѣ Варленъ былъ приговоренъ заочно къ годичному тюремному заключенію за участіе въ тайномъ обществѣ. Послѣ 4-го сентября онъ безъ всякаго шума, не выдвигаясь впередъ, снова принялся за организацію ассоціаціи рабочихъ, которая, какъ мы видѣли въ первой главѣ нашего очерка, съ конца февраля 1871 года вошла въ постоянныя сношенія съ Центральнымъ комитетомъ. Въ Коммунѣ — въ которую онъ былъ избранъ отъ 3-хъ парижскихъ округовъ—онъ всегда принадлежалъ къ умѣренной партіи, и подъ конецъ, послѣ окончательнаго торжества экзальтированныхъ, перестал даже, вмѣстѣ съ другими членами меньшинства, участвовать въ ея засѣданіяхъ.—Лефрансе, человѣкъ лѣтъ 45, бывшій народный учитель, удаленный отъ должности въ 1850 году и сосланный послѣ 2-го декабря, сталъ извѣстенъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ какъ довольно искусный ораторъ народныхъ собраній, въ которыхъ онъ проповѣдывалъ соціалистскія идеи и рѣзко нападалъ на тогдашнюю оппозицію въ Законодательномъ Корпусѣ. Послѣ 4-го сентября онъ продолжалъ свою ожесточенную борьбу противъ членовъ бывшей оппозиціи, вошедшихъ въ составъ правительства народной обороны. 31-го октября онъ былъ арестованъ за участіе въ нападеніи на Ратушу и четыре мѣсяца провелъ въ тюрьмѣ Мазасъ, но въ февралѣ оправданъ военнымъ судомъ. Послѣ того онъ былъ избранъ помощникомъ мэра 20-го округа, и, по образованіи Коммуны — первымъ ея президентомъ. Лефрансе былъ холодный и энергическій революціонеръ, но въ Коммунѣ принадлежалъ къ болѣе умѣренному меньшинству. — Малонъ, 30-ти лѣтъ, сынъ бѣднаго крестьянина, пріобрѣлъ самыя скудныя позна-

нія отъ своего старшаго брата, сельскаго учителя, затѣмъ былъ поденщикомъ, носильщикомъ, и наконецъ сдѣлался красильщикомъ. Подобно Варлену онъ сдѣлался однимъ изъ энергическихъ дѣятелей Интернаціонала, участвовалъ въ Базельскомъ конгрессѣ, разъѣзжалъ въ видахъ пропаганды по всей Франціи, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію въ 1868 году за участіе въ тайномъ обществѣ, организовалъ въ 1870 году забастовку въ Крёзо, а затѣмъ посылалъ въ „Марсельезу" корреспонденціи объ этой забастовкѣ, и этимъ корреспонденціямъ главнымъ образомъ обязанъ своею популярностью среди рабочихъ. Изъ писемъ его, захваченныхъ у Варлена, обнаружилось участіе его въ организаціи этой забастовки; онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Освобожденный изъ тюрьмы послѣ 4-го сентября, онъ сдѣлался помощникомъ мэра 17-го округа (Батиньоля), участвовалъ въ нападеніи, произведенномъ 22-го января на Ратушу, въ февралѣ былъ избранъ членомъ Національнаго Собранія, но вскорѣ сложилъ съ себя это званіе и вернулся въ свою мэрію. Въ совѣщаніяхъ Коммуны онъ принималъ вообще мало участія, занимаясь болѣе администраціей своего округа; вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ Варленомъ онъ принадлежалъ къ меньшинству въ Коммунѣ и подъ конецъ совсѣмъ устранился изъ нея.— Болѣе извѣстенъ, чѣмъ Варленъ, Малонъ и Лефрансе, но гораздо ничтожнѣе ихъ — Асси, молодой механикъ 31 года. Поступивъ 17-ти лѣтъ въ военную службу, онъ на 19-мъ году дезертировалъ, ушелъ въ Швейцарію, гдѣ нашелъ работу на механическихъ заводахъ, потомъ поступилъ онъ на службу къ Гарибальди (Асси — итальянецъ по происхожденію), въ 1864-мъ году, вслѣдствіе амнистіи, вернулся во Францію и поступилъ на механическіе заводы Шнейдера, въ Крёзо. Здѣсь рабочіе избрали его завѣдующимъ вспомогательной кассой ихъ. Послѣ небольшой забастовки, происшедшей въ январѣ 1870 года, Асси побывалъ въ Парижѣ, гдѣ онъ вступилъ въ сношенія съ интернаціоналами. Въ мартѣ онъ возвратился въ Крёзо, и тогда здѣсь началась большая забастовка, потребовавшая вмѣшательства вооруженной силы; организаторами

ея были собственно Варленъ и Малонъ, но они прикрывались именемъ Асси, который сталъ поэтому извѣстенъ всей Франціи, какъ главный виновникъ этой забастовки. Его арестовали и предали суду, который однако, лучше понявъ, чѣмъ публика, какъ распредѣлены были роли въ событіяхъ Крёзо, оправдалъ Асси, осудивъ Варлена и Малона. Благодаря той популярности, которую создали ему эти событія, онъ вскорѣ сдѣлался, несмотря на свою неспособность, однимъ изъ любимыхъ клубныхъ ораторовъ въ Парижѣ. Во время прусской осады онъ служилъ поручикомъ въ батальонѣ вольныхъ стрѣлковъ. При февральскихъ выборахъ въ члены Національнаго Собранія за эту ничтожную личность подано было нѣсколько тысячъ голосовъ, однако онъ не попалъ въ Палату; за то онъ сдѣлался не только однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, но даже президентомъ вновь образовавшагося Центральнаго комитета, въ которомъ онъ опять-таки игралъ приблизительно такую же роль, какъ и во время событій Крёзо, т. е. былъ выдвинутъ впередъ своими болѣе искусными товарищами, не играя въ сущности, по своей неспособности, никакой выдающейся роли. Въ Коммунѣ ему не повезло: онъ пришелъ въ столкновеніе съ своими товарищами, былъ даже довольно долгое время арестованъ; вообще по поступленіи его въ Коммуну роль его замѣтно стушевалась, и все яснѣе и яснѣе стало обнаруживаться, что Асси, по своей нравственной ничтожности, не заслуживалъ ни преувеличенныхъ похвалъ своихъ поклонниковъ, ни столь же преувеличенныхъ нападокъ своихъ политическихъ враговъ.

Четыре „генерала" Коммуны, Эдъ, Дюваль, Бержере и Брюнель — личности довольно типическія, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало замѣчательныя. „Генералъ" Эдъ былъ во время Коммуны молодымъ человѣкомъ 27-ми лѣтъ. До того онъ былъ ученикомъ въ аптекѣ, потомъ корректоромъ въ одной изъ парижскихъ типографій. Его имя впервые стало извѣстно парижской публикѣ послѣ того, какъ онъ, въ августѣ 1870 года, во главѣ толпы черни, напалъ на постъ пожарныхъ въ Лавильеттѣ и собственноручно убилъ одного изъ нихъ. Въ военномъ судѣ онъ наивно объявилъ, что сдѣлалъ это „съ цѣлью низвергнуть имперію и способствовать отраженію

пруссаковъ". Не смотря на такое комическое оправданіе онъ былъ приговоренъ къ смерти; но пять дней спустя—процессъ его происходилъ 29-го августа — наступила революція 4-го сентября; Эдъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и назначенъ начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Вслѣдствіе участія его въ возстаніи 31-го октября онъ лишился этой должности и уѣхалъ въ Брюссель, но 19-го марта возвратился въ Парижъ и предоставилъ себя въ распоряженіе Центральнаго комитета. Тотъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ назначить бывшаго ученика-фармацевта и наборщика „генераломъ", вмѣстѣ съ Брюнелемъ и Дювалемъ. Въ Коммунѣ Эдъ не игралъ дѣятельной роли, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ добросовѣстно исполнять свои новыя обязанности, какъ генерала, и проводилъ все время то въ южныхъ фортахъ, которыхъ онъ былъ одно время комендантомъ, то въ сформированномъ подъ его начальствомъ резервномъ корпусѣ.— Дювалъ былъ совершенно неизвѣстный до образованія Центральнаго комитета рабочій-механикъ, очень скромный, очень любимый своими товарищами молодой человѣкъ, неожиданно попавшій въ „генералы"; онъ фигурировалъ очень недолго въ исторіи Коммуны, будучи убитъ въ первомъ сраженіи съ версальцами, 4-го апрѣля.—Бержере, бывшій сержантъ волтижеровъ, а затѣмъ рабочій въ одной изъ парижскихъ типографій, положительно ничѣмъ не былъ извѣстенъ, какъ вдругъ, съ самыхъ первыхъ дней возстанія, еще до избранія Коммуны, онъ является важнымъ лицомъ въ Парижѣ, чѣмъ-то въ родѣ главнаго начальника національной гвардіи и парижскаго коменданта; въ этомъ качествѣ онъ приказалъ палить по безоружной толпѣ во время извѣстной демонстраціи 22-го марта. Съ послѣдующей его дѣятельностью, какъ начальника вооруженныхъ силъ Парижа, мы еще будемъ имѣть случай познакомиться.—Наконецъ четвертый „генералъ" Коммуны, Брюнель, не имѣлъ никакого отношенія къ революціонной партіи до прусской осады. Небогатый помѣщикъ, отставной подпоручикъ Брюнель въ сентябрѣ 1870 г. былъ назначенъ начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи. Онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности до капи-

туляціи 28-го января. Въ этотъ день на улицахъ Парижа появилась прокламація, подписанная именами Брюнеля и Піацца, приглашавшая національныхъ гвардейцевъ овладѣть фортами и не допускать выдачи ихъ пруссакамъ. Національная гвардія не отозвалась на этотъ призывъ, а Брюнель и Піацца были арестованы и преданы военному суду, который 11-го февраля приговорилъ ихъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Еще до возстанія 18-го марта Брюнель былъ освобожденъ національными гвардейцами изъ тюрьмы и скрывался до удаленія правительства изъ Парижа; послѣ того Центральный комитетъ назначилъ его генераломъ, а 7-й парижскій округъ избралъ его членомъ Коммуны. Онъ впрочемъ никогда не принималъ дѣятельнаго участія въ занятіяхъ ея, занимаясь преимущественно военными дѣйствіями, и главнымъ образомъ обороной южныхъ фортовъ противъ версальскихъ войскъ, причемъ онъ имѣлъ случай неоднократно выказать свою личную храбрость. Другіе члены Коммуны смотрѣли на него съ нѣкоторою подозрительностью вслѣдствіе того, что онъ не имѣлъ за собою никакого революціоннаго прошлаго.

Въ заключеніе этихъ краткихъ біографическихъ очерковъ болѣе выдающихся членовъ Коммуны упомянемъ еще въ немногихъ словахъ о слѣдующихъ: Белэ, старѣйшій изъ членовъ Коммуны былъ сыномъ депутата, засѣдавшаго въ представительныхъ собраніяхъ при первой имперіи, реставраціи и іюльской монархіи. Въ 1830-мъ году Белэ-сынъ былъ тоже выбранъ въ Палату, гдѣ отличался своими радикальными и соціалистскими взглядами, вслѣдствіе чего онъ не прошелъ при новыхъ выборахъ. Онъ устроилъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи машинный заводъ—Белэ былъ по профессіи инженеръ—и вошелъ въ сношенія съ рабочими. Послѣ февральской революціи онъ былъ назначенъ коммиссаромъ республики въ департаментѣ Морбиганъ, потомъ избранъ тѣмъ же департаментомъ въ члены Учредительнаго Собранія, гдѣ онъ впрочемъ принадлежалъ къ умѣренной партіи и поддерживалъ Кавеньяка. Послѣ паденія Кавеньяка онъ опять обратился къ промышленнымъ трудамъ, усвоилъ себѣ, несмотря

на свое буржуазное происхожденіе, идеи Прудона и сдѣлался однимъ изъ основателей и самыхъ энергическихъ дѣятелей Интернаціонала во Франціи. Въ этомъ качествѣ онъ рѣзко нападалъ на оппозиціонныхъ депутатовъ въ Законодательномъ Корпусѣ, а впослѣдствіи на членовъ правительства народной обороны, за ихъ буржуазный образъ мыслей. Въ бытность свою членомъ Коммуны онъ отличался умѣренностью, спасъ Французскій Банкъ отъ разграбленія, протестовалъ противъ разрушенія дома Тьера, и подъ конецъ, вмѣстѣ съ Варленомъ, Малономъ и другими, совсѣмъ удалился изъ Коммуны. -Журдъ, молодой, бѣлокурый человѣкъ 30 лѣтъ, „министръ финансовъ“ Коммуны, былъ до тѣхъ поръ кассиромъ въ одномъ изъ большихъ торговыхъ домовъ Парижа. До избранія его въ члены Центральнаго комитета, а затѣмъ Коммуны, онъ не игралъ никакой политической роли. На своемъ новомъ постѣ онъ выказался человѣкомъ хотя и увлеченнымъ временно потокомъ политическихъ страстей, но безукоризненно - честнымъ; завѣдуя въ теченіи двухъ мѣсяцевъ финансами Коммуны, онъ не воспользовался ни однимъ франкомъ, кромѣ своего небольшаго жалованья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно протестовалъ противъ произвольныхъ и безразсудныхъ мѣръ Коммуны и неоднократно даже просилъ о своемъ увольненіи, но его не увольняли, такъ какъ его некѣмъ было замѣнить. Когда Коммуна окончательно подпала вліянію Делеклюза, Піа, Риго и пр., онъ не только присоединился къ меньшинству, вышедшему изъ Коммуны, но и написалъ отъ имени этого меньшинства энергическій протестъ. Френкель, молодой человѣкъ 27 лѣтъ, былъ сынъ венгерскаго еврея, медика, а самъ, по ремеслу своему, ювелиръ; онъ получилъ порядочное образованіе и весь отдался ученію интернаціоналовъ. Замѣшанный въ процессъ интернаціоналовъ 1870 года, онъ былъ приговоренъ къ двухъмѣсячному тюремному заключенію и этому обстоятельству обязанъ избраніемъ своимъ въ члены Коммуны. Будучи весьма неопытенъ въ политическихъ вопросахъ, онъ поддался вліянію большинства, т. е. крайнихъ, и постоянно вотировалъ вмѣстѣ съ ними. — Бабикъ —какъ говорятъ, польскаго происхожденія и по фамиліи Ба-

бицкій отличался своимъ мистицизмомъ; многіе считали его даже полу-помѣшаннымъ. Будучи рабочимъ въ одномъ косметическомъ заведеніи, онъ пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что отправлялся въ опредѣленные дни на могилы извѣстныхъ соціалистовъ — напримѣръ Анфантена — и произносилъ тамъ рѣчи самаго сумбурнаго, мистическаго содержанія. Попавъ неизвѣстно какимъ образомъ въ Центральный комитетъ, онъ затѣмъ былъ избранъ членомъ Коммуны, гдѣ принадлежалъ къ умѣренной партіи, но не пользовался никакимъ авторитетомъ ни среди умѣренныхъ, ни среди крайнихъ, такъ какъ и тѣ и другіе видѣли въ немъ человѣка нѣсколько поврежденнаго въ умѣ.

Мы не станемъ утомлять вниманія читателей сообщеніемъ біографическихъ подробностей о другихъ членахъ Коммуны, ограничившись этими краткими очерками личностей главныхъ дѣятелей. Если и изъ упомянутыхъ нами лицъ не всѣ оказались замѣчательными и интересными, то остальныя были еще болѣе ничтожны. Теперь перейдемъ къ описанію первыхъ дѣйствій Коммуны.

ГЛАВА VIII.

Первыя засѣданія и распоряженія Коммуны. — Начало военныхъ дѣйствій.—Походъ на Версаль.—Клюзре и Домбровскій.—Военныя средства Парижа и Версаля.—Первыя произвольныя мѣры Коммуны.—Успѣхи версальцевъ и новые декреты Коммуны.—Аресты.— Дополнительные выборы въ Парижѣ.—Новыя попытки примиренія.

Первое засѣданіе Коммуны происходило 28-го марта, въ 9 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ ея членовъ, Белэ, который въ своей вступительной рѣчи сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Республика въ наше время не то, чѣмъ она была въ эпоху первой нашей революціи. Въ 1793 году она была воинъ, которому нужно было сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ силы народа для борьбы противъ внѣшняго и внутренняго врага; республика 1871 г.—работникъ, которому прежде всего нужна свобода для обезпеченія благотворнаго мира. Миръ и трудъ — вотъ наша будущность, вотъ залогъ возмездія и нашего общественнаго возрожденія. Если на республику смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то она можетъ еще сдѣлать изъ Франціи опору слабыхъ, покровительницу трудящихся, надежду угнетенныхъ и фундаментъ для всеобщей республики.“ Затѣмъ собраніе перешло къ повѣркѣ выборовъ, признавъ ихъ всѣ правильными, даже выборъ иностранца Френкеля; вопреки распоряженію, обнародованному еще 26-го числа Центральнымъ комитетомъ, оно признало правильнымъ избраніе даже такихъ лицъ, за которыхъ было подано менѣе одной восьмой части голосовъ, требуемой закономъ 1849 года. Далѣе рѣшено было, что члены Коммуны будутъ получать по 15 фран.

въ день каждый. Нѣкоторые члены, въ томъ числѣ Малонъ и Тейссъ, предложили было обратиться къ Франціи съ манифестомъ, въ которомъ странѣ объяснялся бы истинный смыслъ парижскаго движенія; но большинство отвергло это предложеніе, находя достаточнымъ объяснить въ „Официальной Газетѣ" цѣли, преслѣдуемыя Коммуной. Наконецъ, избравъ своимъ предсѣдателемъ Лефрансе, а секретарями Амуру и Арно, собраніе разошлось до слѣдующаго дня. 29-го числа оно имѣло два засѣданія: отъ 1 часу до 7 вечера и отъ 9 до полуночи. Въ этихъ засѣданіяхъ всѣ члены ея были распредѣлены между 10-ю отдѣленіями. Изъ этихъ отдѣленій самымъ важнымъ было, конечно, отдѣленіе исполнительное, которое должно было подписывать и приводить въ исполненіе постановленія Коммуны; члены были избраны на одинъ мѣсяцъ, съ оговоркой, впрочемъ, что они могутъ быть удалены въ случаѣ надобности и ранѣе. Эта коммиссія была составлена изъ слѣдующихъ лицъ: Феликсъ Піа́, Бержере, Эдъ, Дюваль, Лефрансе, Тридонъ и Вальянъ; впрочемъ вскорѣ, когда Дюваль былъ убитъ, а Бержере и Эдъ должны были заниматься почти исключительно военными дѣйствіями противъ версальцевъ, эти три „генерала" замѣнены были Делеклюземъ, Курне и Вермореле́мъ. Остальныя девять коммиссій были слѣдующія: 1) военная коммиссія, 2) коммиссія финансовъ, 3) юстиціи, 4) общественной безопасности, 5) работы и обмѣна (Travail et échange), 6) иностранныхъ дѣлъ, 7) народнаго просвѣщенія, 8) общественныхъ службъ (почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ); девятая коммиссія, названная commission des subsistances (коммиссія проодовольствія), должна была, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, озаботиться снабженіемъ Парижа съѣстными припасами. На коммиссію иностранныхъ дѣлъ возложена была обязанность озаботиться установленіемъ правильныхъ сношеній Парижа „съ другими самостоятельными Коммунами", положить начало союзной федераціи и вообще служить представителемъ Парижа извнѣ. Паскаль Груссе оставался во главѣ этой коммиссіи до паденія Коммуны. Въ другихъ же коммиссіяхъ происходили частыя перемѣны: Бержере, Клюзре и Делеклюзъ смѣняли другъ друга въ званіи предсѣдателя воен-

ной коммиссіи; Рауль Риго и Ферре—въ коммиссіи общественной безопасности (полицейской); но Журдъ все время существованія Коммуны стоялъ во главѣ финансовой коммиссіи. Венгерецъ Тейссъ, который былъ поставленъ во главѣ почтоваго управленія, съумѣлъ своимъ благоразумнымъ поведеніемъ внушить такое уваженіе даже версальскому правительству, что оно не привлекло его къ процессамъ, возбужденнымъ имъ противъ членовъ Коммуны.

Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ декретовъ, наводнившихъ столбцы "Офиціальной Газеты„ и покрывшихъ собою стѣны и заборы Парижа. Первою мѣрою Коммуны было изданіе декрета, совершенно освобождавшаго наемщиковъ квартиръ отъ взноса квартирной платы за три квартала: октябрскій, январскій и апрѣльскій. Это былъ прямой отвѣтъ на извѣстный законъ бордосскаго Собранія о квартирной платѣ, и мѣра столь же несправедливая: если было неблагоразумно требовать отъ людей, лишенныхъ въ теченіи шести мѣсяцевъ всякихъ заработковъ, немедленной уплаты недоимокъ за шесть мѣсяцевъ, то столь же несправедливо было лишать домовладѣльцевъ, безъ дальнихъ разговоровъ, девятимѣсячной квартирной платы, безъ всякаго вознагражденія если не со стороны нанимателей, то со стороны общества и государства. Коммуна мотивировала эту свою мѣру слѣдующимъ образомъ: „Въ виду того, что всѣ тягости войны пали исключительно на трудъ, промышленность и торговлю; въ виду того, что справедливость требуетъ, чтобъ и владѣющіе классы принесли свою долю жертвъ на алтарь отечества.... предписывается" и пр. Другимъ декретомъ запрещалось продавать вещи, заложенныя въ „Mont-de-Piét "; третьимъ отмѣнялась конскрипція и объявлялось, что не будетъ болѣе регулярной арміи, а всѣ граждане должны служить въ національной гвардіи. Словомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ декретовъ, которые, можетъ быть, и внушены были наилучшими желаніями, но не имѣли практическаго смысла, а главное — были неисполнимы. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій новаго „правительства", а также произвольныхъ мѣръ, которыя стали чаще и чаще повторяться со стороны національныхъ гвардейцевъ, было то, что „друзья

порядка“ стали мало по малу выбираться изъ Парижа, убѣдившись въ томъ, что то, что они приняли сначала за плохую шутку, становились непріятною для нихъ дѣйствительностью. Къ тому же версальское правительство окончательно отозвало 30-го марта изъ Парижа всѣхъ должностныхъ лицъ, даже второстепенныхъ (напримѣръ всѣхъ почтовыхъ чиновниковъ), вслѣдствіе чего во всѣхъ отраслахъ управленія произошла невообразимая неурядица. Нужно отдать справедливость болѣе умѣреннымъ членамъ Коммуны въ томъ, что они, въ особенности въ первое время, старались, по мѣрѣ своихъ силъ, препятствовать разнымъ незаконнымъ дѣйствіямъ, но старанія ихъ большею частью оставались тщетными. Такъ неоднократно бывали примѣры тому, что утромъ какой-нибудь свѣжеиспеченный прокуроръ Коммуны налагалъ печати на какую-либо общественную кассу, а вечеромъ, по распоряженію Коммуны, печати съ этой кассы снимались; утромъ какой-нибудь через-чуръ усердный коммиссаръ Коммуны, который, можетъ быть, вчера еще былъ башмачникомъ, задерживалъ какого-нибудь ни въ чемъ неповиннаго уличнаго фланёра, а вечеромъ или на другое утро Коммуна освобождала его; (такъ случилось, между прочимъ, съ извѣстнымъ депутатомъ, старикомъ Глэ-Бизуеномъ). Въ то же время разные проходимцы, проникшіе въ Коммуну, проводили время въ пиршествахъ и увеселеніяхъ, противъ которыхъ тщетно протестовали болѣе дѣльные члены ея. Такъ, напримѣръ, въ ночь на 31-го марта въ зданіи Ратуши былъ большой ужинъ, на которой явилось отъ 3 до 4 сотъ лицъ, большею частью національныхъ гвардейцевъ, съ своими подругами, законными и незаконными. Въ документахъ, обнародованныхъ слѣдственной коммиссіей, мы находимъ очень интересное показаніе генерала Кремера, друга Гамбетты, искренняго республиканца, котораго ультра-радикальный „Père Duchesne“ рекомендовалъ даже парижанамъ, какъ лучшаго главнокомандующаго парижской арміей. Показаніе подобнаго человѣка врядъ-ли можетъ быть заподозрѣно въ преувеличеніи и искаженіи; между тѣмъ вотъ какимъ образомъ онъ описываетъ свое посѣщеніе въ Ратушѣ: „Грустно было видѣть залы Ра-

туши, переполненныя пьяными національными гвардейцами. Въ большой залѣ происходила настоящая оргія; тутъ было не мало пьяныхъ мужчинъ и женщинъ; затѣмъ мнѣ пришлось проходить черезъ двѣ-три другія залы, представлявшія болѣе приличный видъ, и, наконецъ, въ послѣдней, угловой залѣ происходили засѣданія. Нѣкоторыхъ членовъ пришлось розыскивать по кофейнямъ и кабакамъ; во время преній они ежеминутно между собою ссорились; словомъ, все, что я видѣлъ въ послѣднее время на нашихъ маленькихъ театрахъ и въ „Bouffes Parisiennes“ —ничто сравнительно съ этими засѣданіями. Однажды я посовѣтовалъ отцу моему посмотрѣть на то, что̀ дѣлается въ Ратушѣ; вернувшись оттуда, онъ сказалъ мнѣ: „Я старый республиканецъ 1848 года: еслибы мнѣ пришлось увидѣть еще одно подобное засѣданіе, я бы готовъ былъ сдѣлаться „отчаяннымъ реакціонеромъ“. Я даже удивляюсь тому, какъ при такомъ хаосѣ, съ подобными правителями и начальниками, Парижъ могъ оказать такое продолжительное и упорное сопротивленіе, и приписываю это прежде всего иностранцамъ, преимущественно полякамъ и гарибальдійцамъ“.

Съ 1-го апрѣля начались военныя дѣйствія между Парижемъ и Версалемъ. Всѣ послѣдующія событія показали, что „генералы“ Коммуны были еще менѣе способны, чѣмъ генералы правительства народной обороны, но что послѣднее виновато въ томъ, что не съумѣло какъ слѣдуетъ воспользоваться мужествомъ парижскаго населенія, доходившимъ нерѣдко до героизма. Нельзя, конечно, утверждать, въ виду мужественной обороны Парижа противъ версальцевъ, что еслибы возстаніе 31-го октября удалось и правительство народной обороны было низвергнуто, Парижъ былъ бы освобожденъ отъ прусской осады; напротивъ, факты доказываютъ противное, такъ какъ вожаки этого возстанія, послѣдующіе дѣятели Коммуны, безъ сомнѣнія замѣнили бы Трошю, Дюкро, Винуа и проч. разными Дювалями, Эдами, Бержере, не имѣвшими ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ. Поэтому бездѣятельность Трошю имѣла хотя то преимущество передъ дѣятельностью этихъ „генераловъ“, что она избавляла храброе парижское населеніе отъ

безполезнаго кровопролитія. Но тѣмъ не менѣе парижане показали въ апрѣлѣ и маѣ 1871 года, что они могли бы оказать немаловажныя услуги своему городу и всей Франціи, еслибъ ихъ начальники съумѣли воспользоваться какъ слѣдуетъ ихъ мужествомъ и самоотверженіемъ. Они, конечно, бились не изъ-за получаемыхъ ими полутора франковъ въ день, а потому что воображали, что сражаются за спасеніе республики. И эта-то громадная сила, эти десятки и сотни тысячъ храбрыхъ людей, не имѣвшихъ случая должнымъ образомъ примѣнить свою храбрость противъ пруссаковъ, тратили ее самымъ безполезнымъ образомъ въ ужасной братоубійственной войнѣ, подъ начальствомъ совершенно неспособныхъ предводителей, посылаемые на убой какими-то темными, никому неизвѣстными личностями, неизвѣстно какимъ образомъ забравшими въ свои руки Парижъ!

1-го апрѣля происходила незначительная перестрѣлка подъ стѣнами форта Исси. 3-го апрѣля полкъ жандармовъ оттѣснилъ аванпосты инсургентовъ близъ Курбвуа, между тѣмъ какъ фортъ Монъ-Валерьенъ обстрѣливалъ проспектъ Нельи. Національные гвардейцы пытались защищаться, но должны были отступить, лишившись одного офицера и 9 рядовыхъ убитыми. Извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, первомъ въ длинномъ ряду кровопролитныхъ дѣлъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ многіе парижане были увѣрены, что при первой встрѣчѣ съ инсургентами версальскіе солдаты откажутся стрѣлять, какъ было 18-го марта. Батальоны національныхъ гвардейцевъ одинъ за другимъ стали направляться, при звукахъ „Марсельезы“, къ Курбвуа, а въ Ратушѣ въ этотъ же вечеръ былъ составленъ смѣлый планъ похода на Версаль. Рѣшено было образовать три колонны: первая, подъ начальствомъ „генерала“ Бержере и Флуранса, должна была идти 4-го апрѣля на Версаль черезъ Рюейль, мимо Монъ-Валерьена; вторая, подъ начальствомъ Дюваля, должна была идти туда же черезъ Нижній Медонъ и Вирофлэ, подъ прикрытіемъ форта Исси; третья, подъ начальствомъ Эда, должна была, подъ прикрытіемъ форта Ванвъ, занять Кламаръ и Вилькублэ. 3-го

апрѣля, вечеромъ, Коммуна объявила, что все на аванпостахъ обстоитъ благополучно, прибавивъ, что „самъ Бержере“ (Bergéret lui-même) былъ въ этотъ день въ Нельи; съ тѣхъ поръ парижане, имѣющіе способность остроумничать даже въ самыя трагическія минуты, называли Бержере не иначе, какъ „Bergéret lui-même“. Ночью корпусъ Бержере и Флуранса вышелъ изъ воротъ Мальо, благополучно перешелъ утромъ мостъ Нельи и проходилъ по версальскому шоссе, въ разстояніи какихъ-нибудь тысячи шаговъ отъ Монъ-Валерьена. Знаменитый „генералъ“ Бержере или совсѣмъ забылъ про этотъ фортъ, господствовавшій надъ дорогой въ Версаль и находившійся въ рукахъ правительства, или, по какимъ-то ему одному вѣдомымъ соображеніямъ, вообразилъ, что фортъ не только не будетъ препятствовать, а пожалуй даже станетъ способствовать движенію инсургентовъ на Версаль; по крайней мѣрѣ одинъ національный гвардеецъ разсказывалъ впослѣдствіи, что ихъ увѣрили въ томъ, что Монъ-Валерьенъ при видѣ корпуса, идущаго на Версаль, отворитъ ему свои ворота. Но полковникъ Шальтонъ, командовавшій гарнизономъ Монъ-Валерьена, и не думалъ способствовать планамъ Бержере и Флуранса. Давъ авангарду этого корпуса пройти мимо орудій форта, онъ вдругъ открылъ страшный артиллерійскій огонь, осыпая инсургентовъ бомбами и гранатами. Авангардъ, подъ начальствомъ Флуранса, въ количествѣ трехъ батальоновъ, успѣлъ уже пройти линію огня и продолжалъ путь на Версаль, но между Рюейлемъ и Шату встрѣтилъ отряды пѣшихъ жандармовъ и кавалеріи генерала Галлифе; въ происшедшей при этомъ стычкѣ самъ Флурансъ былъ убитъ однимъ жандармомъ, раскроившимъ ему саблей голову, а отрядъ его частью взятъ въ плѣнъ, частью разсѣянъ. Что касается главной массы корпуса Бержере, то, при первыхъ выстрѣлахъ форта, она, будучи введена въ заблужденіе увѣреніемъ, что фортъ непремѣнно сдастся при первомъ появленіи парижанъ, обратилась въ бѣгство съ кликами „измѣна! измѣна!“ и побѣжала по разнымъ направленіямъ къ Парижу; однако число убитыхъ и раненныхъ, не смотря на это поспѣшное бѣгство, было довольно значительно;

у Бержере, который, по болѣзни, не могъ сѣсть на лошадь, а ѣхалъ въ каретѣ, были ранены обѣ лошади, везшія его карету. Батальоны, входившие въ составъ корпуса Бержере, возвращались въ Парижъ по разнымъ направленіямъ, утомленные, обезкураженные, запыленные. Корпуса, двинувшіеся въ тотъ же день на Версаль подъ начальствомъ Дюваля и Эда, чрезъ Нижній Медонъ и Кламаръ, хотя и не понесли такихъ потерь, какъ корпусъ Бержере, но тоже должны были возвратиться въ Парижъ, будучи встрѣчены сильнымъ огнемъ медонскихъ баттарей. Дюваль былъ окруженъ близъ Шатильона съ нѣсколькими офицерами и довольно значительнымъ числомъ національныхъ гвардейцевъ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ самого Винуа. „Когда отрядъ этотъ былъ взятъ въ плѣнъ“—показывалъ въ слѣдственной коммиссіи полковникъ Ламберъ—„генералъ Винуа спросилъ: „Есть ли между вами начальникъ?“ Вышелъ какой-то человѣкъ и сказалъ: „Я начальникъ; меня зовутъ Дюваль“. Тогда генералъ сказалъ: „Разстрѣлять его!“ Дюваль умеръ мужественно, сказавъ только: „Ну, разстрѣливайте“. Тогда вышелъ изъ рядовъ другой человѣкъ и сказалъ: „Я начальникъ штаба генерала Дюваля“. Винуа велѣлъ разстрѣлять и его, а также и третьяго офицера“.

Коммуна поспѣшила объявить въ прокламаціи, что версальское правительство, не имѣя возможности противупоставить парижанамъ французскіе штыки, прибѣгло къ бывшей императорской гвардіи и папскимъ зуавамъ, „къ шуанамъ Шаррета, къ вандейцамъ Кателино, къ бретонцамъ Трошю и къ жандармамъ Валантена“; прокламація оканчивалась увѣреніемъ, что, благодаря мужеству національныхъ гвардейцевъ, Парижъ побѣдитъ. Въ то же время, какъ бы желая показать, что она не придаетъ особаго значенія неудачному для нея исходу этого перваго серьознаго дѣла, Коммуна въ этотъ самый день издала цѣлый рядъ декретовъ, не имѣвшихъ почти никакого отношенія къ начавшимся военнымъ дѣйствіямъ. Однимъ изъ этихъ декретовъ Тьеръ, Фавръ, Пикаръ, Дюфоръ, Симонъ и адмиралъ Потюо предавались суду, а на имущество ихъ налагалось запрещеніе „до тѣхъ поръ, пока они не явятся передъ

судомъ народнымъ". Другимъ декретомъ парижская Коммуна принимала на свое попеченіе вдовъ и сиротъ лицъ, „убитыхъ при отраженіи преступнаго нападенія роялистовъ, враговъ Парижа и французской республики". Третьимъ декретомъ церковь отдѣлялась отъ государства, конфисковались церковныя имущества и прекращалась выдача жалованья духовенству; четвертымъ вводилась свобода типографій, пятымъ организовалась телеграфная служба, и пр. и пр.

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ декретовъ было то, что Коммуна, убѣдившись послѣ событій 4-го апрѣля въ полной неспособности своего главнокомандующаго Бержере, устранила его 5 апрѣля отъ должности „делегата по военнымъ дѣламъ" (военнаго министра), оставивъ его только парижскимъ комендантомъ, и замѣнила его въ званіи делегата генераломъ Клюзре. Этотъ послѣдній съ большимъ правомъ, чѣмъ Дюваль, Эдъ, Бержере и пр., могъ носить чинъ и мундиръ генерала. Назначеніе это могло считаться относительно удачнымъ, и нужно отдать Клюзре справедливость въ томъ, что онъ своей энергіей и нѣкоторымъ знаніемъ военнаго дѣла немало способствовалъ организаціи вооруженныхъ силъ инсургентовъ и продолжительности обороны Парижа. Клюзре было въ то время 47 лѣтъ. Онъ былъ сыномъ пѣхотнаго полковника, воспитывался въ сенъ-сирской военной школѣ и въ іюнѣ 1848 года принималъ, въ чинѣ поручика, дѣятельное участіе въ уличной борбѣ съ инсургентами, за что даже получилъ орденъ почетнаго легіона. Онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ, въ чинѣ капитана, и отличался тамъ своей храбростью, затѣмъ служилъ въ Алжирѣ, въ такъ называемыхъ арабскихъ бюро, и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ вышелъ въ отставку. Во время итальянскаго похода онъ поступилъ къ Гарибальди, который сдѣлалъ его полковникомъ, затѣмъ, во время сѣверо-американской войны, поступилъ на службу въ сѣверную армію, былъ адъютантомъ у главнокомандующаго Макъ-Клеллана, и въ этой войнѣ получилъ чинъ генерала. По окончаніи войны онъ сотрудничалъ нѣкоторое время въ американскихъ журналахъ, въ 1867 году возвратился во Францію, сблизился съ республиканской партіей и сталъ писать въ радикальныхъ органахъ рѣзкія статьи

противъ тогдашней военной организаціи. Императорское правительство хотѣло было арестовать его въ 1869 году за эти статьи, но онъ встрѣтилъ полицейскаго коммиссара съ револьверомъ въ рукѣ и не далъ себя арестовать, ссылаясь на свое званіе американскаго гражданина; благодаря вмѣшательству сѣверо-американскаго посланника онъ не былъ арестованъ, но долженъ былъ покинуть Францію и уѣхалъ въ Нью-Іоркъ. Тамъ онъ дѣятельно занялся пропагандой идей Международнало общества, поддерживая письменныя сношенія съ французскими интернаціоналами. Узнавъ о паденіи имперіи, онъ прибылъ въ Парижъ, здѣсь поссорился съ Рошфоромъ за рѣзкія нападки на Гамбетту и на другихъ членовъ правительства народной обороны, и уѣхалъ въ Ліонъ. Во время прусской осады онъ нѣсколько разъ пытался, хотя и тщетно, возбудить революціонное движеніе на югѣ Франціи, въ Ліонѣ, Марсели и другихъ городахъ. Послѣ заключенія мира онъ возвратился въ Парижъ, вошелъ въ сношенія съ интернаціоналами, сдѣлался однимъ изъ совѣтниковъ Центральнаго коммитета, но не слишкомъ выступалъ впередъ, не былъ даже избранъ въ члены Коммуны при выборахъ 26-го марта, и только 5 апрѣля сталъ играть выдающуюся роль. Онъ сразу энергически принялся за дѣло. Будучи противникомъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны парижанъ и рѣшительно порицая нелѣпый походъ на Версаль, предпринятый Бержере, онъ въ первый же день своего назначенія велѣлъ войскамъ, слишкомъ выдвинутымъ впередъ, отступить и укрыться подъ огонь парижскихъ укрѣпленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣятельно принялся за организацію обороны Парижа и издалъ 5-го же апрѣля предписанія объ образованіи маршевыхъ ротъ, въ которыя зачислялись всѣ граждане отъ 18 до 40 лѣтъ; это предписаніе, впрочемъ, никогда не было серьезно исполнено. Человѣкъ холодный, надменный, властолюбивый и нѣсколько педантичный, утратившій въ Америкѣ въ значительной мѣрѣ любезность и обходительность, составляющія отличительную черту французскаго характера, и усвоившій себѣ, въ замѣнъ того, немалую долю американской непреклонности и неуступчивости, Клюзре сразу создалъ себѣ множество враговъ, даже

среди членовъ Коммуны, на предписанія которыхъ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и которымъ онъ даже открыто высказывалъ свое презрѣніе, считая ихъ неспособными и ставя ихъ гораздо ниже себя. Но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ оказать существенныя услуги парижскому возстанію, и если у послѣдняго во все время борьбы съ Версалемъ былъ хотя одинъ способный и энергичный руководитель, то это былъ, конечно, Клюзре. Одною изъ первыхъ мѣръ его по вступленіи въ должность делегата по военнымъ дѣламъ было совершенное устраненіе отъ дѣлъ неспособнаго Бержере. Этотъ послѣдній, недовольный тѣмъ, что его удалили на второй планъ и что преемникъ его рѣшительно осудилъ его планъ наступательныхъ дѣйствій, сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ рѣзко нападать на Клюзре; тогда новый делегатъ устранилъ его отъ должности коменданта Парижа, назначивъ на его мѣсто поляка Домбровскаго. Бержере не захотѣлъ сложить съ себя званіе и угрожалъ поднять національныхъ гвардейцевъ противъ Клюзре и Домбровскаго; тогда Клюзре велѣлъ арестовать его и Бержере провелъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ, а Домбровскій вступилъ въ должность парижскаго коменданта. Прошлое этого человѣка было далеко не безупречно. Бывшій капитанъ русской службы, онъ участвовалъ въ послѣднемъ польскомъ возстаніи, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но въ 1865 году успѣлъ бѣжать во Францію. Тамъ онъ не пользовался особымъ расположеніемъ даже среди своихъ соплеменниковъ; его имя было замѣшано въ извѣстномъ процессѣ о поддѣлкѣ русскихъ ассигнацій, а во время германской войны многіе считали его въ Парижѣ нѣмецкимъ шпіономъ. Но по крайней мѣрѣ Домбровскій былъ, вмѣстѣ съ Клюзре, человѣкомъ, получившимъ военное образованіе, знакомый съ военнымъ дѣломъ, и потому онъ, хотя и являлся въ глазахъ парижанъ чѣмъ-то въ родѣ средневѣковаго кондотьери, успѣлъ однакоже оказать дѣлу возстанія болѣе существенныя услуги, чѣмъ импровизированные „генералы“ Коммуны, попавшіе на этотъ постъ изъ наборщиковъ, механиковъ и пр.

Относительно тогдашняго настроенія парижскаго населенія и вооруженныхъ силъ Коммуны мы находимъ очень интересное пока-

заніе въ актахъ слѣдственной коммиссіи по поводу событій 18-го марта. Нѣкто Гершпахъ, чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, въ первое время Коммуны часто бывалъ въ обществѣ національныхъ гвардейцевъ и слѣдующимъ образомъ отзывался въ слѣдственной коммиссіи объ арміи Коммуны: „Мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать съ инсургентами въ ту эпоху, когда они были разбиты при Шатильонѣ и Монъ-Валерьенѣ. Въ то время масса мало занималась политикой и сражалась, сама хорошенько не зная за что́, просто чтобы сражаться; уже впослѣдствіи, повторяя то, что̀ писалось въ газетахъ и въ многочисленныхъ афишахъ, простые національные гвардейцы стали говорить: „У насъ хотятъ „отнять республику". Но въ то время инсургенты просто были довольны тѣмъ, что они могли носить мундиръ, парадировать въ видѣ настоящихъ солдатъ, изображать изъ себя власть. Они получали порядочное содержаніе, у нихъ было вдоволь припасовъ и вина. Впрочемъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, особаго пьянства не было въ рядахъ простыхъ національныхъ гвардейцевъ; еслибы было чрезмѣрное пьянство, то армія ихъ скорѣе деморализовалась бы и намъ легче было бы съ ними справиться. Нѣкоторые батальоны стояли на аванпостахъ почти все время второй осады и очень скоро свыклись съ своимъ не совсѣмъ безопаснымъ положеніемъ. Въ рядахъ инсургентовъ были не одни только рабочіе и люди безъ профессіи, но даже люди по природѣ своей очень миролюбивые—разные консьержи, мелкіе лавочники, мелкіе ремесленники. Они шли на бой, сами не зная хорошенько для чего, одни изъ страха, другіе по стадному свойству; неоднократно мнѣ приходилось слышать такого рода разсужденія: „На насъ стали бы „косо смотрѣть въ нашихъ кварталахъ, еслибы мы не пошли; къ „тому же отчего мнѣ не получать жалованья и продовольствія, „если мой сосѣдъ получаетъ его; до̀ма мнѣ все равно нечего дѣ„лать, торговля (или ремесло) плохо идетъ", и пр. и пр. Словомъ, приводились аргументы, въ которыхъ можно было встрѣтить все, кромѣ политики. Можетъ быть присутствію этихъ именно элементовъ слѣдуетъ приписать то, что во время Коммуны не было

столько грабежа и воровства, какъ того можно было бы опасаться. Въ скоромъ времени начался приливъ въ войска Коммуны иностранцевъ; начальники изъ иноплеменниковъ пользовались даже немалою популярностью, благодаря своей личной храбрости; но вообще эти толпы иностранцевъ не могли внушить никакой симпатіи: они не имѣли никакихъ политическихъ убѣжденій; это были по большей части искатели приключеній, жаждавшіе только сильныхъ ощущеній; они одинаково охотно стали бы драться противъ пруссаковъ, противъ турокъ, какъ и противъ версальцевъ. Наконецъ въ рядахъ Коммуны было немало освобожденныхъ изъ тюремъ лицъ, и это была настоящая язва; въ началѣ они вели себя еще довольно прилично, сдерживаемые болѣе умѣренными элементами, но вскорѣ совсѣмъ разнуздались“.

Однимъ изъ послѣдствій дѣла 4-го апрѣля и убіенія Дюваля и Флуранса было изданіе, 5-го апрѣля, парижской Коммуной декрета о заложникахъ. Въ слѣдующую же ночь, по распоряженію „префекта полиціи“ Рауля Риго, были арестованы и заключены въ тюрьму, въ качествѣ заложниковъ, парижскій архіепископъ Дарбуа, священникъ церкви Мадлэны Дегерри и нѣсколько другихъ священниковъ, которымъ приписывались реакціонерныя наклонности. При первомъ допросѣ, произведенномъ лично Раулемъ Риго, архіепископъ, по привычкѣ, обратился къ нему съ словами: „мой сынъ“; на это Риго гордо замѣтилъ ему: „Гражданинъ! вы стоите не передъ дѣтьми, а передъ судьями“. На другой же день послѣ изданія этого декрета вышли изъ Коммуны Ранкъ и нѣкоторые другіе умѣренные члены ея. Другимъ декретомъ предписывалось, чтобы всякое лицо, заподозрѣнное въ сношеніяхъ съ Версалемъ, задерживалось и предавалось суду. Этотъ декретъ подалъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, открывъ широкій просторъ доносамъ, въ видахъ личной мести: достаточно было чѣмъ-нибудь не угодить своему консьержу, чтобы тотъ пошелъ въ полицію и указалъ на васъ, какъ на человѣка, стоящаго въ сношеніяхъ съ Версалемъ; а одного подозрѣнія въ подобныхъ сношеніяхъ было достаточно, чтобъ угодить въ тюрьму. Риго возобновилъ также преслѣдованія противъ печати, и 7-го апрѣ-

ля послалъ своихъ агентовъ арестовать Вриньо, главнаго редактора газеты „Bien Public“, вся вина котораго заключалась въ томъ, что онъ проповѣдывалъ умѣренность и примиреніе; но Вриньо успѣлъ во время скрыться, а впослѣдствіи Коммуна объявила, что хотѣла задержать его только какъ уклоняющагося отъ службы національнаго гвардейца. Въ тотъ же день произведенъ былъ обыскъ въ типографіяхъ «Journal des Débats», «Paris-Journal» и «Constitutionnel». Послѣ первой неудачи въ борьбѣ съ правительствомъ Коммуна, хотя и продолжала въ своихъ прокламаціяхъ хвастливо обѣщать побѣду, очевидно стала, однако, въ душѣ опасаться за исходъ предпринятой ею борьбы и искать поддержки въ остальной Франціи. 7-го апрѣля появилось воззваніе ея къ департаментамъ, съ приглашеніемъ содѣйствовать Парижу въ борьбѣ противъ роялистовъ и реакціонеровъ, въ защиту республики и коммунальныхъ правъ. Но изолированныя коммуналистскія движенія въ Ліонѣ, Марсели и Сентъ-Этьенѣ не имѣли успѣха и были тотчасъ же подавлены, и вскорѣ парижанамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что имъ однимъ праїдется вынести всю тяжесть столь опрометчиво начатой ими борьбы противъ вооруженныхъ силъ версальскаго правительства.

А силы эти между тѣмъ съ каждымъ днемъ возростали. Тьеръ нарисовалъ, въ своемъ показаніи передъ слѣдственной коммиссіей, весьма живую и, повидимому, вѣрную картину тѣхъ серьезныхъ приготовленій, которыя были сдѣланы имъ и его правительствомъ для аттаки противъ Парижа. „Когда инсургенты остались хозяевами въ Парижѣ“—сказалъ онъ—„они воображали, что имъ достаточно только показаться передъ Версалемъ, чтобъ армія подняла ружья прикладами къ верху и пошла къ нимъ на встрѣчу. Я на этотъ счетъ не безпокоился: я зналъ, что разъ мнѣ удастся собрать армію въ Версалѣ, мы будемъ спасены. Я убѣжденъ, что когда войска въ виду народнаго возстанія отказываются сражаться, это происходитъ скорѣе отъ сознанія своей слабости, отъ потери бодрости, чѣмъ отъ измѣны. Поэтому я прежде всего позаботился о томъ, чтобы хорошенько сконцентрировать нашу армію. Я не по-

слушался совѣта тѣхъ, которые желали, чтобы мы разставили войска кордономъ вокругъ всего Парижа: при незначительности нашихъ силъ объ этомъ нечего было и думать. Хотя я, какъ сказано, былъ увѣренъ въ вѣрности арміи, но въ первое время я даже побаивался нападенія инсургентовъ на Версаль; еслибъ они явились туда въ количествѣ 70—80 тысячъ человѣкъ, то численное несоотвѣтствіе силъ было бы слишкомъ замѣтно и это могло бы повліять на духъ солдатъ. Поэтому я собралъ ихъ передъ Версалемъ въ лагерѣ Сатори, предписалъ оставшемуся въ нашихъ рукахъ форту Монъ-Валерьену стрѣлять по инсургентамъ въ случаѣ, еслибъ они вздумали идти на Версаль, и въ теченіи двухъ недѣль посвятилъ всѣ мои заботы на то, чтобъ улучшить помѣщеніе, продовольствіе, экипировку и вооруженіе солдатъ. Я зналъ, что хорошо одѣтый, хорошо вооруженный, хорошо помѣщенный, сытый солдатъ гораздо надежнѣе, чѣмъ солдатъ голодный, плохо одѣтый и пр. Я самъ наблюдалъ за всѣмъ, проводилъ цѣлые дни въ лагерѣ. Труды мои увѣнчались успѣхомъ, и въ двѣ недѣли арміи нельзя было узнать. Но этого было недостаточно: кромѣ улучшенія матеріальнаго положенія наличной арміи нужно было увеличить численность нашихъ вооруженныхъ силъ подъ Парижемъ и собрать достаточное количество осадной артиллеріи. Національное Собраніе желало призвать волонтеровъ; но не полагаясь на дисциплину и стойкость мобилей и тому подобныхъ отрядовъ волонтеровъ, я успѣлъ отклонить его отъ этой мысли и старался пополнить наши ряды остатками нашей прежней регулярной арміи. Какъ только я успѣлъ собрать (къ началу апрѣля) до 50,000 человѣкъ, я рѣшилъ, что пора дать урокъ инсургентамъ. Они стали подвигаться впередъ со стороны южныхъ фортовъ, къ Шатильону и Мёдону, и къ западу отъ Парижа, въ окрестностяхъ Нёльи и Кербвуа. Я сказалъ генералу Винуа, который тогда командовалъ нашей арміей (маршалъ Макъ-Магонъ еще не прибылъ), что движеніе впереди южныхъ фортовъ имѣетъ видъ диверсіи, а что главныя силы инсургентовъ сосредоточены повидимому на западѣ и что туда должно быть обращено главное наше вниманіе. Въ сра-

женіяхъ 4-го апрѣля, въ которыхъ инсургенты потерпѣли такую рѣшительную неудачу, съ нашей стороны было въ дѣлѣ не болѣе 30,000 человѣкъ изъ 50 тысячъ; остальные оставались въ Версалѣ. Послѣ этихъ дѣлъ стало очевиднымъ, что инсургентамъ не удастся овладѣть Версалемъ: стойкость, твердость и мужество солдатъ, выказанныя 4-го апрѣля, служили намъ лучшей въ томъ гарантіей. Но съ другой стороны Коммуна, какъ мнѣ было извѣстно, хвасталась тѣмъ, что намъ никогда не овладѣть Парижемъ, и я отлично понималъ, что въ то время овладѣть такимъ большимъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ, какъ Парижъ, было невозможно при находившихся въ нашемъ распоряженіи военныхъ силахъ. Многіе не раздѣляли моего мнѣнія и говорили: „Нужно покончить съ возстаніемъ". Я отвѣчалъ, что у насъ еще нѣтъ достаточныхъ для того средствъ. Мнѣ на это возражали не безъ основанія, что пока мы собираемъ средства къ нападенію, инсургенты готовятся къ оборонѣ. Я опять-таки отвѣчалъ, что мы, извлекая средства изъ всей страны, болѣе выигрываемъ отъ всякаго промедленія, чѣмъ парижане, ограниченные своими собственными средствами, и что во всякомъ случаѣ съ арміей въ 50,000 человѣкъ намъ нечего и думать аттаковать Парижъ; къ тому же серьозная аттака была немыслима безъ предварительнаго обстрѣливанія парижскихъ укрѣпленій, а у насъ въ то время не было еще достаточной артиллеріи. Я представилъ мои соображенія 15-ти-членной коммиссіи, назначенной Національнымъ Собраніемъ, и она, равно какъ и само Собраніе, согласилась съ моими доводами. Нужно замѣтить, что въ силу предварительнаго мирнаго договора съ Германіей численность нашей парижской арміи была ограничена 40,000 человѣкъ. Князь Бисмаркъ, сколько бы ни хвастались члены Коммуны своими хорошими отношеніями къ пруссакамъ, смотрѣлъ на Коммуну очень неблагосклонно и неоднократно даже предлагалъ намъ свое содѣйствіе, чтобы покончить съ нею. Мы, конечно, не могли принять этого предложенія, но просили его согласія на то, чтобъ усилить нашу армію подъ Парижемъ, сначала до 100, а потомъ до 130 тысячъ человѣкъ. Онъ этому не воспротивился

и ускорилъ даже возвращеніе намъ плѣнныхъ, которыхъ въ это время изъ Германіи прибыло до 60,000 человѣкъ. Генералы Дюкро и Кленшанъ занялись, въ Шербурѣ и Дуэ, распредѣленіемъ ихъ по кадрамъ; около половины этихъ плѣнныхъ пришлось отпустить по домамъ, за выслугою ими срока, но все-таки мы пріобрѣли этимъ путемъ до 30,000 хорошихъ солдатъ; а поступленіе рекрутъ дало намъ возможность довести численность нашей арміи подъ Парижемъ, какъ сказано, сначала до 100, а потомъ до 130 тысячъ".

Успѣвъ въ столь короткое время собрать достаточную вооруженную силу для дѣйствій противъ Парижа, Тьеръ, въ промежутокъ времени между 4-мъ и 9-мъ апрѣля, одержалъ нѣсколько важныхъ успѣховъ надъ инсургентами, подвинувъ впередъ позиціи версальской арміи какъ со стороны южныхъ фортовъ, такъ и на западѣ отъ Парижа. Защитники Парижа оборонялись храбро, отстаивали каждый шагъ; какой-нибудь домъ въ Нёльи или около Porte-Maillot по нѣскольку разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но версальцы все-таки подвигались впередъ, хотя и медленно, но подвигались; они дѣйствовали преимущественно артиллеріей, которую улучшали и усиливали съ каждымъ днемъ, и съ 8-го апрѣля ихъ ядра стали уже падать внутрь парижской ограды. Инсургенты стали чувствовать, что вокругъ нихъ образовалось желѣзное кольцо, которое стягивается все крѣпче и крѣпче. Въ виду этого была учреждена особая коммиссія баррикадъ, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ нѣкто Гальяръ, личность никому неизвѣстная. Коммиссія эта принялась за свое дѣло съ такимъ усердіемъ, что делегатъ по военнымъ дѣламъ, Клюзре, нашелся вынужденнымъ отречься отъ нея. Такъ напр. коммиссія въ первой же изъ обнародованныхъ ею афишъ объявила, что рабочіе, способствующіе созданію этихъ импровизированныхъ баррикадъ, будутъ получать по 4 франка въ день; Клюзре тотчасъ же объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что коммиссія по военнымъ дѣламъ не принимаетъ на себя этого расхода. Вообще Клюзре, энергически принявшись за организацію военныхъ силъ Коммуны, неоднократно горько жаловался

въ своихъ приказахъ на то, что ему въ этомъ плохо помогаютъ. Такъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ онъ обращалъ вниманіе на неумѣстное щегольство офицеровъ національной гвардіи, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы нашить себѣ на мундиры побольше галуновъ. Въ другомъ приказѣ онъ протестовалъ противъ слишкомъ частыхъ тревогъ, которыя дѣлали въ своихъ кварталахъ отдѣльные начальники, часто безъ всякой надобности, тревожа только публику и утомляя свои команды. Онъ готовъ былъ видѣть въ этомъ даже злой умыселъ, между тѣмъ какъ этотъ безпорядокъ гораздо вѣрнѣе и проще объясняется страстью большинства парижанъ къ игрѣ въ солдаты. Въ третьемъ приказѣ онъ обращалъ вниманіе Домбровскаго на то, что офицеры его штаба ведутъ безпорядочную и разгульную жизнь, разъѣзжаютъ въ каретахъ съ кокотками по бульварамъ, и пр. Онъ поручалъ ему „хорошенько вымести“ (donner un vigoureux coup de balai) всѣхъ этихъ людей „которые только компрометируютъ васъ, меня и наши принципы“, какъ выразился Клюзре въ своемъ приказѣ. Клюзре нашелъ также нужнымъ совершенно упразднить въ арміи Коммуны чинъ генерала, которымъ до сихъ поръ слишкомъ злоупотребляли; это предписаніе впрочемъ плохо исполнялось, и различные начальники инсургентовъ продолжали величать себя генералами. Вообще во всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ Коммуны и Клюзре нельзя не замѣтить порядочнаго хаоса, какой-то лихорадочности и безпорядочности. Такъ напр. въ приказѣ отъ 7-го апрѣля предписывалось немедленно отнять оружіе у лицъ, уклоняющихся отъ службы въ національной гвардіи, а два дня спустя Клюзре приглашалъ „всѣхъ добрыхъ гражданъ“ самимъ наблюдать въ своихъ кварталахъ за строгимъ исполненіемъ декрета 5-го апрѣля (объ обязательной службѣ всѣхъ гражданъ отъ 18 до 40 лѣтъ) и понуждать лицъ, уклоняющихся отъ нея, въ случаѣ надобности даже силой, исполнять свои гражданскія обязанности. Итакъ если кто не хотѣлъ идти на парижскія укрѣпленія, то 7-го апрѣля у него отнимали только ружье и оставляли его въ покоѣ, а 9-го насильно тащили на службу. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого послѣдняго

распоряженія было то, что лица, не желавшія драться за Коммуну, начали массами выселяться изъ Парижа, особенно послѣ того, какъ иные національные гвардейцы, слѣдуя совѣтамъ Клюзре, стали всюду искать уклоняющихся отъ службы, врываясь даже по ночамъ въ дома мирныхъ гражданъ. Но такъ какъ отряды, содержавшіе караулы на всѣхъ заставахъ и въ дебаркадерахъ, строго слѣдили за всѣми людьми моложе 40 лѣтъ, выѣзжающими изъ Парижа, то были пущены въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобы бѣжать отъ обязательной службы Коммунѣ. Въ концѣ концовъ это распоряженіе Клюзре, причинившее много хлопотъ и непріятностей мирнымъ гражданамъ и подавшее поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, доносамъ и удовлетворенію личной мести, немногимъ увеличило число защитниковъ Парижа.

Нѣкотораго шума надѣлало въ Парижѣ почти одновременно послѣдовавшія въ первой половинѣ апрѣля арестованія Бержере (о которомъ мы уже говорили), бывшаго предсѣдателя Центральнаго комитета Асси и извѣстнаго своею эксцентричностью моряка Люлье. Причина арестованія Асси до сихъ поръ не вполнѣ разъяснена, а въ то время объ этомъ предметѣ ходили самые противорѣчивые слухи. Одни говорили, что Асси арестованъ за то, что онъ, черезъ посредство одной женщины легкаго поведенія, передавалъ въ „Paris-Journal“ протоколы засѣданій Коммуны; другіе—что обнаружены были сношенія Асси съ Руэромъ, относившіяся, правда, еще ко времени забастовокъ въ Крёзо; говорили, будто главнымъ зачинщикомъ этихъ забастовокъ былъ Руэръ, личный врагъ владѣльца Крёзо, Шнейдера, и будто Асси былъ только орудіемъ министра. Но гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что арестъ Асси былъ результатомъ личныхъ столкновеній. Мы сказали выше, что послѣ учрежденія Коммуны Центральный комитетъ національной гвардіи не вполнѣ сложилъ съ себя власть, а образовалъ изъ своей среды субъ-коммиссію изъ 11-ти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Асси; коммиссія эта продолжала завѣдывать дѣлами національной гвардіи, но любила по временамъ вмѣшиваться и въ распоряженія Коммуны. Послѣдняя, опасаясь соперничества коммиссіи,

пожелала повидимому умалить ея вліяніе, и для достиженія этой цѣли арестовала ея предсѣдателя. Пробывъ недѣли двѣ въ заключеніи, Асси былъ подвергнутъ допросу въ общемъ собраніи Коммуны; представленныя имъ объясненія были признаны удовлетворительными, онъ былъ освобожденъ и ему возвращено было званіе члена Коммуны; но съ тѣхъ поръ онъ уже не игралъ почти никакой роли въ дѣйствіяхъ ея, будучи недоволенъ большинствомъ своихъ товарищей, предписавшихъ его арестъ. Почти одновременно съ Асси былъ освобожденъ изъ тюрьмы и Бержере, арестованный за ослушаніе Клюзре; бывшій парижскій главнокомандующій не получилъ, впрочемъ, послѣ своего освобожденія, никакого особаго назначенія, а былъ причисленъ къ военной коммиссіи. Послѣ возвращенія ему свободы онъ не мало способствовалъ своими происками увольненію и арестованію самого Клюзре. Что касается Люлье, арестованнаго за то, что онъ, вопреки своему обѣщанію, не доставилъ во власть инсургентовъ форта Монъ-Валерьена, то онъ еще раньше успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, послѣ чего сталъ наводнять радикальныя газеты своими эксцентрическими письмами. Вообще аресты составляли въ это время одно изъ главныхъ занятій Коммуны. Впрочемъ было бы не совсѣмъ справедливо обвинять въ многочисленныхъ произвольныхъ и несправедливыхъ арестахъ Коммуну in corpore. Многіе изъ ея членовъ были рѣшительными противниками разныхъ мѣръ, которыя навлекали на Коммуну только ненависть и непопулярность, безъ всякой пользы для того дѣла, за которое она стояла; но вина ея во всякомъ случаѣ заключалась въ томъ, что она позволяла нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ компрометировать ее своимъ недостойнымъ образомъ дѣйствій. Спеціалистами по части арестовъ, аматерами-сыщиками, были извѣстный Рауль Риго, рисовальщикъ Пильотель и главный редакторъ „Père Duchesne'a“ Вермешъ. О первомъ изъ нихъ, между прочимъ, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: Одно лицо, служившее прежде по судебному вѣдомству и имѣвшее случай когда-то оказать какую-то услугу Риго, обратилось въ это время къ его покровительству; Риго, вспомнивъ его услугу, сказалъ: „Я не хочу

быть неблагодарнымъ. Скажите мнѣ, кого мнѣ арестовать, чтобы доставить вамъ удовольствіе, и ваше желаніе будетъ исполнено". Онъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ полицейскомъ коммиссарѣ Пильотелѣ, который составилъ себѣ спеціальность изъ того, чтобы ходить по кофейнямъ и ресторанамъ, а также по редакціямъ журналовъ, чтобъ арестовывать и заключать въ тюрьму „реакціонеровъ". Этотъ самый Пильотель вызвался прекратить изданіе двухъ эалиберальныхъ газетъ «Opinion Nationale» и «Bien public», запрещенныхъ одновременно съ двумя другими журналами: «Cloche» и «Soir» («Cloche» считалась даже газетой радикальной). Запрещеніе ихъ было мотивировано тѣмъ, что онѣ „возбуждали гражданъ къ междоусобной войнѣ" (когда борьба кипѣла уже вокругъ Парижа) и „сообщали тайны о военныхъ дѣйствіяхъ". Настоящей же причиной этой строгой мѣры было то, что журналы эти упорно проповѣдывали примиреніе и сообщали о военныхъ дѣйствіяхъ истину, нѣсколько расходившуюся съ хвастливыми побѣдными бюллетенями Клюзре. Что касается редактора «Père Duchesne'a», Вермеша, то онъ самъ не производилъ арестовъ, но за то ежедневно указывалъ въ своемъ изданіи на „измѣнниковъ" и „враговъ Коммуны"; онъ постоянно возбуждалъ Коммуну — часто изъ личной мести—принимать строгія мѣры, преслѣдовать того или другаго „вреднаго гражданина". Одною изъ его первыхъ жертвъ сдѣлался душеприкащикъ Прудона, сотрудникъ „Siécle'a" Гюставъ Шоде, который въ одной изъ своихъ статей рѣзко отозвался о „Père Duchesne'ѣ"; 12-го апрѣля появилась эта статья, а 13-го числа, по указанію Вермеша, Шоде былъ арестованъ, съ тѣмъ чтобы пасть шесть недѣль спустя, въ качествѣ заложника, подъ выстрѣлами національныхъ гвардейцевъ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе выхода въ отставку многихъ членовъ Коммуны, смерти другихъ (Дюваля и Флуранса) и пребыванія въ версальской тюрьмѣ Бланки—котораго Коммуна тщетно старалась обмѣнить на парижскаго архіепископа Дарбуа—было признано необходимымъ назначить на 16-е апрѣля дополнительные выборы въ члены Коммуны; нѣкоторые округи (1-й, 2-й, 6-й и 9-й) не имѣли

къ этому времени ни одного представителя въ Коммунѣ, другіе имѣли въ ней неполное число представителей. Назначивъ выборы на 16-е апрѣля, Коммуна наканунѣ издала нѣсколько декретовъ, имѣвшихъ, очевидно, цѣлью изгладить отчасти неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на парижанъ послѣдними мѣрами Коммуны и побудить ихъ принять болѣе дѣятельное участіе въ выборахъ. Такъ, напр., было объявлено, что отнынѣ аресты будутъ подчинены болѣе бдительному контролю и что первому встрѣчному не будетъ болѣе разрѣшаться тащить въ тюрьму безобидныхъ гражданъ; въ другомъ декретѣ объявлялось, что приняты мѣры для снабженія Парижа въ достаточномъ количествѣ продовольствіемъ; третьимъ учреждались особыя синдикальныя палаты, которыя должны были заботиться объ участи ремесленниковъ, въ особенности тѣхъ заведеній, хозяева которыхъ покинули Парижъ; четвертымъ врачи и медицинскіе студенты приглашались собраться для избранія лекторовъ Медицинской Школы, въ замѣнъ тѣхъ профессоровъ, которые прекратили свои курсы и уѣхали въ Версаль. Но всѣ эти благонамѣренные декреты мало расположили избирателей къ участію въ выборахъ. Число лицъ, подавшихъ голоса при дополнительныхъ выборахъ 16-го апрѣля, было такъ незначительно въ большей части парижскихъ округовъ, что Коммуна на другой же день постановила не стѣсняться постановленіемъ избирательнаго закона 1849-го года, не требовать участія въ голосованіи одной восьмой части избирателей, а ограничиваться простымъ большинствомъ голосовъ. Дѣйствительно, при выборахъ 16-го апрѣля наибольшее число голосовъ, полученныхъ кандидатами, не превышало 8,480; этимъ большинствомъ былъ избранъ въ Монмартрскомъ кварталѣ Клюзре, на мѣсто Бланки; въ томъ же округѣ нѣкто Арнольдъ получилъ 5,402 голоса. Въ 20-мъ округѣ, гдѣ предстояло избрать двухъ кандидатовъ, на мѣсто убитаго Флуранса и отказавшагося отъ званія члена Коммуны Гарибальди, Віаръ получилъ 6,968, а Тренке—6,771 голосъ. Въ 12-мъ округѣ Лонкла получилъ 5,810, а Филиппъ—3,483 голоса. Въ остальныхъ округахъ число поданныхъ голосовъ было еще незначительнѣе:

такъ во 2-мъ наибольшее число голосовъ составляло 3,352, а наименьшее — 2,804; въ 1-мъ округѣ—наибольшее 2,626, а наименьшее—1,699; въ 6-мъ округѣ извѣстный художникъ Курбе избранъ былъ 2,418 голосами, въ 7-мъ нѣкто Сикаръ — 1,699, а въ 16-мъ журналистъ Лонге, редакторъ „Официальной Газеты“ — всего 1,058 голосами. Въ 9-мъ округѣ за всѣхъ кандидатовъ было подано такое ничтожное число голосовъ, что ни одинъ изъ нихъ не согласился принять выбора; то же самое сдѣлали и нѣкоторые другіе депутаты, такъ что вмѣсто 24 выбывшихъ членовъ Коммуны въ обновленный составъ ея поступили только 16. Коммуна, потерпѣвъ такую неудачу при вторичныхъ выборахъ, не рѣшилась назначить третьихъ.

Изъ избранныхъ 16 апрѣля при дополнительныхъ выборахъ 16 новыхъ членовъ 12—люди совершенно неизвѣстные и ничѣмъ не замѣчательные; сколько-нибудь извѣстны только четверо: генералъ Клюзре, краткую біографію котораго мы привели выше, художникъ Курбе и журналисты Везинье и Лонге. — Курбе, очень извѣстный французскій художникъ реалистической школы, неизвѣстно почему попалъ въ Коммуну. Онъ можетъ быть названъ революціонеромъ въ области искусства, но, несмотря на свой довольно радикальный образъ мыслей и на дружбу съ Прудономъ, онъ никогда не былъ революціонеромъ въ политическомъ смыслѣ. Прибывъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Парижъ для изученія юридическихъ наукъ, по полученіи первоначальнаго образованія въ духовной семинаріи, онъ вскорѣ бросилъ занятія юриспруденціей и предался искусству. Первыя его картины были выставлены въ 1844 году, а съ 1848 года онъ сталъ извѣстенъ во всей Франціи, какъ глава такъ называемой реалистической школы. При второй имперіи онъ стоялъ далеко отъ всякихъ политическихъ кружковъ, но, какъ радикалъ въ художественной области, не ладилъ съ вѣдомствомъ изящныхъ искусствъ, сторонился отъ него и пренебрегалъ имъ, отказался отъ пожалованнаго ему ордена Почетнаго Легіона, и когда его картины не принимались на официальныя выставки, устраивалъ, при помощи друзей, частныя выставки своихъ произ-

веденій. Этотъ неглупый, симпатичный, добродушный толстякъ былъ очень извѣстенъ въ нѣкоторыхъ кофейняхъ и пивныхъ, въ которыхъ онъ любилъ проводить время съ своими пріятелями — въ числѣ которыхъ были вышеупомянутый Жюль Валлесъ, впослѣдствіи членъ Коммуны, и Вермешъ, редакторъ „Père Duchesne'a“ — но оставался вообще чуждъ политикѣ до тѣхъ поръ, пока 16-го апрѣля 6-й парижскій округъ избралъ его своимъ представителемъ въ Коммунѣ. Тамъ онъ, впрочемъ, игралъ такую незначительную роль, что впослѣдствіи версальскій военный судъ, несмотря на свою строгость, ограничилъ его наказаніе нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія.—Везинье въ молодости былъ секретаремъ у Эжена Сю, и въ этомъ качествѣ сотрудничалъ въ писаніи изданныхъ этимъ авторомъ соціалистскихъ романовъ „Les Mystères du peuple“. Послѣ 1851-года онъ эмигрировалъ изъ Франціи и жилъ частью въ Швейцаріи, частью въ Бельгіи; изъ Швейцаріи онъ былъ изгнанъ за изданіе крайне-оскорбительнаго для Наполеона III и для его супруги памфлета „Les Mariages d'une Espagnole“, а въ Бельгіи онъ подвергся тюремному заключенію за оскорбленіе же Наполеона III; въ концѣ концовъ онъ былъ изгнанъ и оттуда за участіе въ организаціи забастовокъ каменноугольныхъ рабочихъ въ Шарльруа. Возвратившись вслѣдствіе амнистіи во Францію, онъ сотрудничалъ въ радикальныхъ газетахъ „Rappel“ и „Reforme“ и попалъ въ тюрьму Сентъ-Пелажи за статьи, напечатанныя въ этихъ газетахъ. Послѣ 4-го сентября онъ съ особенною рѣзкостью нападалъ въ журналахъ и въ публичныхъ собраніяхъ на правительство народной обороны и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей возстанія 31-го октября, когда ему удалось овладѣть на нѣсколько часовъ бельвильской мэріей. За участіе въ этомъ возстаніи онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ четыре мѣсяца, пока въ февралѣ 1871 года военный судъ не оправдалъ его, за недостаткомъ уликъ. Послѣ 18-го марта онъ сдѣлался редакторомъ „Офиціальной Газеты“, въ которой онъ писалъ длиннѣйшія статьи, прославлявшія Коммуну. Будучи избранъ, при дополнительныхъ выборахъ, членомъ Ком-

муны, онъ сдѣлался секретаремъ ея, а затѣмъ снова редакторомъ „Офиціальной Газеты“. Это былъ человѣкъ неглупый, одаренный даромъ слова и способностью хорошо писать. но въ Коммунѣ онъ присталъ къ самой крайней партіи и употреблялъ свой талантъ на то, чтобъ энергически бороться противъ всякаго умѣреннаго и сколько-нибудь разумнаго предложенія.—Лонге еще при имперіи получилъ нѣкоторую извѣстность, какъ основатель или главный сотрудникъ многихъ издававшихся въ Латинскомъ кварталѣ радикальныхъ листковъ. Наиболѣе извѣстною изъ этихъ газетъ была „La Rive Gauche“, основанная имъ въ 1864-мъ году, когда онъ былъ еще студентомъ юридическихъ наукъ, и вскорѣ запрещенная правительствомъ, причемъ Лонге и его главный сотрудникъ Рожаръ (авторъ „Propos de Labienus“) были заключены въ тюрьму. Впослѣдствіи онъ отличился на Литтихскомъ конгрессѣ студентовъ своими рѣзкими нападками на имперію, которыя снова навлекли на него преслѣдованія полиціи, и онъ опять попалъ въ тюрьму Сентъ-Пелажи. Въ послѣднее время имперіи онъ сблизился съ рабочими, среди которыхъ онъ пропагандировалъ идеи Прудона, но вообще мало выдвигался впередъ. При правительствѣ народной обороны онъ былъ избранъ начальникомъ одного изъ батальоновъ національной гвардіи Люксамбурскаго квартала. 18-го марта онъ овладѣлъ, во главѣ этого батальона, Люксамбурскимъ дворцомъ. При выборахъ 26-го марта онъ не попалъ въ Коммуну, но такъ какъ онъ хорошо владѣлъ перомъ, то на него возлагалось сочиненіе большей части прокламацій Коммуны, а впослѣдствіи онъ замѣнилъ Везинье въ званіи главнаго редактора „Офиціальной Газеты“. По избраніи его 16-го апрѣля въ члены Коммуны онъ оставался редакторомъ, но впослѣдствіи, когда онъ присоединился къ болѣе умѣренному меньшинству и подписалъ, вмѣстѣ съ другими, протестъ противъ крайностей Коммуны, онъ, въ угоду большинству, былъ удаленъ изъ редакціи и снова замѣненъ тѣмъ же Везинье.

Пока Коммуна хозяйничала въ Парижѣ, издавая разные декреты, большею частью необдуманные, ненужные, смѣшные, а иногда

и возмутительные по своему содержанію, пока военныя дѣйствія все болѣе и болѣе разгорались въ окрестностяхъ Парижа и кровь стала литься все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, среди умѣренныхъ парижскихъ республиканцевъ образовался „Республиканскій союзъ для защиты правъ Парижа“; во главѣ этого союза стояли большею частью лица, принадлежавшія къ прежнимъ муниципальнымъ властямъ. Поставивъ первымъ изъ своихъ требованій признаніе Національнымъ Собраніемъ республики и выработавъ програму примиренія, руководители этого союза стали всюду вербовать сторонниковъ и вошли въ сношенія съ Версалемъ. Они требовали, кромѣ признанія республики, муниципальной автономіи для Парижа и предоставленія извѣстной самодѣятельности парижской національной гвардіи. Но „Союзъ“ принялъ на себя задачу не по силамъ и его человѣколюбивыя, примирительныя старанія толковались самымъ превратнымъ образомъ, какъ въ Версалѣ, такъ и въ Парижѣ: инсургенты смотрѣли съ подозрительностью на сношенія делегатовъ „Союза“ съ Версалемъ и видѣли въ этихъ сношеніяхъ желаніе выдвинуться впередъ, подъ личиной примиренія, и оттѣснить Коммуну; большинство же Національнаго Собранія упрекало ихъ, напротивъ, въ потаканіи возстанію; въ глазахъ этого роялистскаго большинства уже одно то обстоятельство, что во главѣ требованій „Союза“ было выставлено признаніе республики, представляло явное доказательство единомыслія этихъ примирителей съ инсургентами. Собраніе стояло и теперь, мѣсяцъ спустя послѣ возстанія 18-го марта, на той же точкѣ зрѣнія, на которой оно стояло до этого возстанія: оно продолжало смѣшивать законныя и исполнимыя въ извѣстной мѣрѣ желанія большинства парижанъ съ крайностями возстанія, и, изъ ненависти къ послѣднему, отказывало первымъ въ самыхъ справедливыхъ ихъ требованіяхъ. Еслибы въ это время правительство и Собраніе рѣшились сдѣлать серьозныя уступки, признать республику и предоставить Парижу пользоваться муниципальными правами, которыми пользовалась малѣйшая французская община, то большинство парижскаго населенія, видя крайности Коммуны, ощущая уже отча-

сти ужасы междоусобной войны и опасаясь еще большихъ ужасовъ, безъ сомнѣнія отшатнулось бы отъ Коммуны и поддержало бы умѣренныхъ республиканцевъ. Но Національное Собраніе не хотѣло понять необходимости уступокъ, и потому всѣ усилія примирителей остались столь же безплодны въ апрѣлѣ, какъ и въ мартѣ. 14-го апрѣля делегаты „Республиканскаго Союза для защиты правъ Парижа“, Бонвалле, Адамъ и Десоннацъ, возвратившись изъ Версаля, обнародовали слѣдующее заявленіе: „Граждане! Нижеподписавшіеся, которымъ поручено было представить версальскому правительству программу „Союза“ и предложить ему свое посредничество для заключенія перемирія, имѣютъ честь представить вамъ слѣдующій отчетъ объ исполненіи ими этого порученія. Послѣ того какъ делегаты ознакомили Тьера съ программой „Союза“, онъ отвѣтилъ, что, какъ глава единственнаго существующаго во Франціи законнаго правительства, онъ не можетъ вступать въ обсужденіе условій договора, но готовъ бесѣдовать съ людьми, представляющими собой республиканскій принципъ, и сообщить имъ намѣренія главы исполнительной власти. Послѣ этой оговорки Тьеръ сдѣлалъ слѣдующія заявленія по поводу различныхъ пунктовъ нашей программы: По вопросу о признаніи республики Тьеръ сказалъ, что ручается за существованіе ея до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ стоять во главѣ правительства. По поводу муниципальной автономіи Тьеръ сказалъ, что Парижъ будетъ пользоваться ею, на основаніи общаго закона, который выработаетъ собраніе представителей всей Франціи; Парижъ будетъ подведенъ подъ общій законъ, ни болѣе, ни менѣе. Что касается требованія, чтобъ охраненіе Парижа было поручено исключительно національной гвардіи, Тьеръ объявилъ, что будетъ приступлено къ организаціи послѣдней, но онъ не можетъ допустить совершеннаго устраненія арміи. По вопросу о прекращеніи кровопролитія и о выходѣ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ Тьеръ объявилъ, что онъ не можетъ вступать въ переговоры о заключеніи формальнаго перемирія, такъ какъ онъ не можетъ признать воюющей стороною лицъ, вступившихъ въ борьбу противъ Національнаго Собранія; но онъ прибавилъ, что если національ-

ные гвардейцы перестанутъ стрѣлять, то же самое сдѣлаетъ и версальская армія, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій; всякій, кто прекратитъ борьбу и возвратится къ себѣ домой, не подвергнется никакимъ преслѣдованіямъ; исключеніе будетъ сдѣлано только для убійцъ генераловъ Леконта и Тома̀, которые будутъ судиться военнымъ судомъ, если удастся ихъ найти. Наконецъ Тьеръ, признавая, что часть парижскаго населенія, лишенная въ настоящее время заработковъ, не можетъ существовать безъ получаемаго національными гвардейцами жалованья въ $1\frac{1}{2}$ фр. въ день, объявилъ, что это жалованье будетъ выдаваться нуждающимся еще въ теченіи нѣсколькихъ недѣль". Это сообщеніе, независимо отъ того, что оно содержало въ себѣ изложеніе только личныхъ взглядовъ Тьера, не могло и по существу своему удовлетворить даже умѣренную часть парижанъ. Обѣщаніе, что республика будетъ существовать, пока во главѣ правительства будетъ стоять Тьеръ, показалось недостаточнымъ, такъ какъ, еслибы республика не была провозглашена окончательной формой правленія, роялистское Собраніе всегда имѣло бы возможность низвергнуть Тьера, и вмѣстѣ съ нимъ республику. Обѣщаніе Парижу муниципальной автономіи на основаніи общаго закона, который должно было выработать то же роялистское Собраніе, также представляло мало привлекательнаго для парижанъ. Заявленіе Тьера относительно предстоящей организаціи національной гвардіи были крайне неопредѣленны, и парижане не были увѣрены, будетъ ли соотвѣтствовать эта организація ихъ желаніямъ. Обѣщаніе амнистіи было, конечно, успокоительно для многихъ, и Тьеръ, давая это обѣщаніе, былъ одушевленъ, безъ сомнѣнія, самыми лучшими намѣреніями; но упорство и близорукость, выказанныя Національнымъ Собраніемъ, возбуждали сомнѣнія въ томъ, послѣдуетъ ли Собраніе за Тьеромъ по пути милосердія и забвенія. Словомъ, изъ этого заявленія обнаружилось, что между Версалемъ и даже болѣе благоразумною частью парижскаго населенія существуетъ цѣлая бездна и что мало надежды наполнить эту бездну чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ грудъ труповъ, по которымъ или версальцы войдутъ въ Парижъ, или парижане доберутся до Версаля.

Но члены „Республиканскаго Союза“ не прекращали своихъ стараній. 20-го апрѣля они снова имѣли совѣщаніе съ Тьеромъ, которое повело по крайней мѣрѣ къ заключенію кратковременнаго перемирія, имѣвшаго цѣлью дать жителямъ сильно обстрѣливаемаго съ обѣихъ сторонъ подгородняго селенія Нельи возможность перебраться съ своими пожитками въ Парижъ. Другая лига, назвавшая себя „Союзомъ торговли и промышленности“, предложила 21-го апрѣля въ Версалѣ соглашеніе на слѣдующихъ началахъ: пріостановка военныхъ дѣйствій, заключеніе перемирія, назначеніе новыхъ выборовъ въ Національное Собраніе и въ Коммуну; но и эта попытка осталась тщетной. 24-го апрѣля депутатъ Шёльхеръ, не перестававшій хлопотать о примиреніи, столь же безуспѣшно предлагалъ пріостановить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія, съ тѣмъ чтобы можно было спокойно разсуждать объ условіяхъ окончательнаго мира. Наконецъ въ дѣло вмѣшались и парижскіе масоны. Еще 11-го апрѣля, какъ только военныя дѣйствія стали принимать серьозный оборотъ, они обнародовали прокламацію, въ которой, „во имя человѣколюбія, во имя братскихъ чувствъ, во имя раззореннаго отечества“, взывали къ благоразумію обѣихъ сторонъ и убѣждали прекратить кровопролитіе, предлагая свою, впрочемъ, очень непрактичную програму примиренія. Два раза делегаты масоновъ обращались съ своими предложеніями къ Тьеру, который однако оба раза принялъ ихъ чрезвычайно холодно. Тогда они, обнародовавъ протестъ противъ воинственныхъ наклонностей версальскаго правительства, рѣшились сдѣлать довольно невинную демонстрацію въ пользу мира: собравшись въ количествѣ до 5,000 человѣкъ, они отправились торжественной процессіей къ парижскимъ укрѣпленіямъ, водрузили на нихъ свои знамена и послали къ версальскимъ аванпостамъ парламентеровъ, съ приглашеніемъ прекратить огонь; версальцы дѣйствительно перестали стрѣлять по тому мѣсту, гдѣ стояли безоружные масоны, не прекращая однако своего огня по другимъ направленіямъ, а делегація, пропущенная черезъ версальскія линіи въ временную столицу Франціи, въ третій разъ возвратилась ни съ чѣмъ. Словомъ,

всѣ попытки достигнуть хотя временнаго перемирія между Парижемъ и Версалемъ, предвѣстія окончательнаго замиренія, не повели ни къ чему, равно какъ и многочисленные адресы, присылавшіеся въ этихъ видахъ изъ департаментовъ версальскому Національному Собранію. Послѣднее видѣло въ этихъ адресахъ защиту, хотя въ нѣсколько болѣе умѣренной формѣ, требованій Коммуны, оскорблялось тѣмъ, что его ставятъ какъ бы на одну доску съ Коммуной, объявляло всѣ эти адресы незаконными и, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, продолжало заниматься обсужденіемъ текущихъ вопросовъ, а борьба вокругъ Парижа велась съ каждымъ днемъ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ.

ГЛАВА IX.

Произвольныя мѣры Коммуны. — Воззваніе Коммуны къ Франціи. — Успѣхи версальцевъ. — Учрежденіе Комитета общественнаго спасенія. —Клюзре и Россель. —Замѣна Росселя Делеклюзомъ.—Разрушенія зданій и аресты. — Слухи объ измѣнѣ. — Расколъ въ Коммунѣ. —Послѣднія мѣры Коммуны. — Предвѣстники паденія ея.

Послѣ неудачныхъ для Коммуны дополнительныхъ выборовъ 16-го апрѣля послѣдняя, усиленная крайними элементами, принялась снова за мѣры ненужныя, произвольныя и часто нелѣпыя. Такъ уже 17-го апрѣля появился слѣдующій декретъ: „Въ виду того, что императорская колонна, стоящая на Вандомской площади, представляетъ собою памятникъ варварства, символъ грубой силы и ложной славы, прославленіе милитаризма, отрицаніе международнаго права, оскорбленіе побѣдителями побѣжденныхъ, посягательство на великій принципъ братства народовъ — парижская Коммуна предписываетъ уничтожить эту колонну". Въ тотъ же день Коммуна учредила военный судъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Росселя, инженернаго офицера, который двѣ недѣли спустя замѣнилъ Клюзре; въ числѣ членовъ этого суда были, между прочимъ, довольно извѣстные члены прежняго Центральнаго комитета Разуа́, Анри и Бурсье. Первымъ дѣломъ этого вновь учрежденнаго суда было осужденіе къ смертной казни стараго республиканца, друга Делеклюза и одной изъ жертвъ 2-го декабря, командира 74-го батальона національной гвардіи Жиро, за то, что онъ 16-го апрѣля отказался вести свой батальонъ къ воротамъ Майо, подъ предлогомъ, что его солдаты въ теченіи

сутокъ ничего не ѣли; но исполнительная коммиссія Коммуны, къ великому неудовольствію Росселя и членовъ суда, смягчила приговоръ, замѣнивъ смертную казнь разжалованіемъ. Учрежденіе этого суда дало возможность пристроиться многимъ лицамъ, не желавшимъ сражаться на парижскихъ укрѣпленіяхъ и предпочитавшихъ, подобно Раулю Риго и пр., болѣе спокойныя и менѣе опасныя мѣста разныхъ прокуроровъ, секретарей суда и т. д. Затѣмъ слѣдовали распоряженія о закрытіи церквей и объ арестованіи священниковъ, а 21-го апрѣля, какъ мы упомянули выше, были запрещены разомъ четыре парижскія газеты: «Cloche», «Opinion Nationale», «Soir» и «Bien Public». Это запрещеніе, равно какъ и распоряженіе Коммуны о признаніи дополнительныхъ выборовъ правильными, когда подано было даже менѣе 1/8 части голосовъ, дали извѣстному Феликсу Піа поводъ отказаться, 22-го апрѣля отъ званія члена Коммуны, сославшись на незаконность дѣйствій ея; въ то же время въ его газетѣ «Vengeur» появилась весьма рѣзкая статья, въ которой порицались эти два распоряженія Коммуны. Въ тотъ же день въ Коммунѣ происходило весьма интересное засѣданіе — съ 10-го апрѣля отчеты о засѣданіяхъ ея печатались въ „Офиціальной Газетѣ“ — въ которомъ обсуждалась просьба Піа объ отставкѣ. Члены Коммуны Верморель, Мортье, Бабикъ и Жанъ Клеманъ, напомнивъ, что Піа присутствовалъ въ томъ засѣданіи, въ которомъ рѣшено было запретить газеты, и не протестовалъ противъ этой мѣры, энергически порицали его желаніе удалиться, называли это желаніе измѣной, попыткой покинуть опасный, но почетный постъ, и Клеманъ предложилъ даже арестовать Піа; Делеклюзъ, съ своей стороны, замѣтилъ съ достоинствомъ, что никто не имѣетъ права удаляться при настоящихъ обстоятельствахъ съ своего поста и обязанъ, если Коммуна будетъ побѣждена, умереть послѣднимъ на укрѣпленіяхъ или на ступенькахъ Ратуши. (Впослѣдствіи Делеклюзъ такъ и сдѣлалъ, между тѣмъ какъ Піа заблаговременно бѣжалъ). Кончилось дѣло тѣмъ, что просьба Піа не была принята и онъ, изливъ въ теченіи двухъ дней въ своемъ журналѣ всю свою злобу противъ непріятныхъ ему чле-

новъ Коммуны, и въ особенности противъ Верморела, котораго онъ открыто называлъ наполеоновскимъ агентомъ, снова сталъ являться въ засѣданія Коммуны.—Два дня спустя, 24-го апрѣля, въ Коммунѣ снова произошло бурное засѣданіе, въ которомъ пришли въ столкновеніе крайніе элементы ея, съ извѣстнымъ Раулемъ Риго во главѣ, и болѣе умѣренные, выразителемъ которыхъ явился главнымъ образомъ бывшій сотрудникъ „Марсельезы“ Арну. Дѣло шло о содержаніи арестованныхъ въ секретныхъ камерахъ. Арну называлъ этотъ способъ заключенія безнравственнымъ и требовалъ, чтобъ онъ не примѣнялся. Риго, недовольный тѣмъ, что наканунѣ въ его отсутствіе всѣмъ членамъ Коммуны было разрѣшено посѣщать камеры арестованныхъ, доказывалъ необходимость строжайшаго секретнаго заключенія для успѣшнаго хода слѣдствія, и объявилъ, что если означенное распоряженіе не будетъ взято назадъ, онъ слагаетъ съ себя званіе префекта полиціи; такъ какъ Коммуна не исполнила его желанія, то онъ привелъ въ исполненіе свою угрозу, и на его мѣсто былъ назначенъ Курне. Риго, впрочемъ, успѣлъ добиться званія главнаго прокурора Коммуны, что давало ему полную возможность по прежнему арестовывать, допрашивать и пр.—Упомянемъ здѣсь кстати еще о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ меньшей важности, сдѣланныхъ Коммуной въ концѣ апрѣля. Убѣдившись въ томъ, что ея декретъ отъ 5-го апрѣля о поголовномъ вооруженіи не повелъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, она поручила мэрамъ, начальникамъ легіоновъ и субъ-коммиссіи Центральнаго комитета поступать съ величайшею строгостью относительно лицъ, уклоняющихся отъ военной службы. Въ виду недостатка въ деньгахъ, она обложила пять главныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ чрезвычайнымъ поборомъ въ 2 милл. фр. и постановила также взимать въ пользу правительства почтовую таксу съ писемъ и посылокъ, доставляемыхъ въ Парижъ изъ провинцій и изъ за-границы не съ помощью почты, а частными лицами, такъ сказать по оказіи. Распоряженіемъ „министра финансовъ“ Коммуны, Журда, предписано было государственному ломбарду (Mont-de-Pieté) выдать закладчикамъ всѣ заложенныя ими вещи (за исключеніемъ золотыхъ и

серебряныхъ и драгоцѣнныхъ камней) подъ квитанціи, по которымъ обязывалось уплачивать государство; но такъ какъ число заложенныхъ предметовъ простиралось до 1.200,000, а ихъ выдавали владѣльцамъ только въ трехъ складахъ на весь Парижъ, то наименьшая часть жителей Парижа успѣла воспользоваться этимъ, въ сущности очень благонамѣреннымъ, декретомъ.

Между тѣмъ Коммуна, въ виду постоянныхъ успѣховъ версальцевъ, нашла нужнымъ еще разъ обратиться ко всей Франціи съ обширнымъ воззваніемъ, въ которомъ она излагала свою программу и протестовала противъ „невѣрнаго" толкованія ея намѣреній. Эта прокламація настолько интересна, что мы считаемъ нелишнимъ, несмотря на длину ея, привести ее здѣсь цѣликомъ: „Въ виду того страшнаго и прискорбнаго столкновенія"—говорила Коммуна—„которое еще разъ подвергло Парижъ всѣмъ ужасамъ осады и бомбардированія, вслѣдствіе котораго льются потоки французской крови, погибаютъ наши братья, и даже наши жены и дѣти, общественное мнѣніе не должно быть вовлекаемо въ заблужденіе, народная совѣсть не должна быть смущаема. Парижъ и вся страна должны знать, каковы причина, характеръ и цѣль совершающейся революціи; необходимо, чтобъ отвѣтственность за трауръ, за страданія и несчастія, обрушившіяся на насъ, пала на тѣхъ, которые, продавъ Францію и выдавъ Парижъ иноземцу, продолжаютъ, съ слѣпымъ упорствомъ, раззорять столицу, желая похоронить въ развалинахъ республики и свободы доказательства своей измѣны и своихъ преступленій. Коммуна обязана заявить и опредѣлить стремленія и желанія парижскаго населенія, установить характеръ движенія 18-го марта, котораго не поняли и которое оклеветали версальскіе политики. И на этотъ разъ Парижъ трудится и страдаетъ ради всей Франціи, подготовляя своей борьбою и своими жертвами умственное, нравственное, административное и экономическое возрожденіе, славу и благоденствіе ея. Чего требуетъ Парижъ? Онъ требуетъ признанія и упроченія республики, единственной формы правленія, совмѣстной съ правами французскаго народа, съ правильнымъ и свободнымъ развитіемъ общества. Онъ требуетъ полной автономіи

общины, распространенной на всѣ мѣстности Франціи и обезпечивающей каждой неприкосновенность ея правъ, а каждому французу— свободное пользованіе его способностями, какъ человѣка, гражданина и работника. Автономія каждой общины будетъ ограничена только равной же автономіей другихъ общинъ, приступившихъ къ общему договору; союзъ этихъ свободныхъ общинъ будетъ служить обезпеченіемъ единства Франціи. Каждой общинѣ должны принадлежать слѣдующія права: утвержденіе общиннаго бюджета; установленіе и распредѣленіе налоговъ; завѣдываніе всѣми общественными учрежденіями; организація суда, внутренней полиціи и народнаго образованія; завѣдываніе имуществами, принадлежащими общинѣ; назначеніе, путемъ выбора или конкурса, отвѣтственныхъ чиновниковъ всякихъ степеней, которые должны находиться постоянно подъ контролемъ общины; безусловная личная свобода, свобода совѣсти и свобода труда; постоянное участіе всѣхъ гражданъ въ общинныхъ дѣлахъ; свободное выраженіе и отстаиваніе ими своихъ мыслей; полная свобода сходокъ и печати; организація единственной вооруженной силы общины, національной гвардіи, которая сама изберетъ своихъ начальниковъ и наблюдетъ за охраненіемъ порядка въ общинѣ. Парижъ не требуетъ никакихъ другихъ гарантій для мѣстныхъ интересовъ, при томъ условіи, конечно, что центральная администрація, составленная изъ делегатовъ союзныхъ общинъ, будетъ придерживаться тѣхъ же принциповъ и проводить ихъ на практикѣ. Но пользуясь своей автономіей и оставляя за собою полную свободу дѣйствій, Парижъ предоставляетъ себѣ право произвести у себя, по своему усмотрѣнію, всѣ тѣ административныя и экономическія реформы, которыхъ потребуетъ населеніе. создать учрежденія. способствующія распространенію и развитію образованія, производительности, обмѣна, кредита, и болѣе равномѣрно распредѣлить власть и собственность, сообразно потребностямъ времени, желаніямъ лицъ заинтересованныхъ и даннымъ, добытымъ путемъ опыта. Наши враги заблуждаются или вводятъ въ заблужденіе страну, обвиняя Парижъ въ томъ,будто онъ желаетъ навязать свои стремленія или свое господство всей націи, будто онъ изъявляетъ

притязанія на какую-то диктатуру, которая была-бы ничѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ на независимость и самостоятельность другихъ общинъ; они заблуждаются или вводятъ въ заблужденіе страну, обвиняя Парижъ въ томъ, будто онъ желаетъ уничтожить французское единство, освященное нашей великой революціей. Политическое единство, въ томъ видѣ, въ которомъ оно существовало при монархіяхъ и при парламентарной системѣ, есть ни что иное, какъ тягостная, деспотическая централизація; политическое же единство, котораго желаетъ Парижъ, заключается въ добровольномъ союзѣ всѣхъ свободныхъ общинъ, въ свободномъ и непринужденномъ содѣйствіи всѣхъ личныхъ энергій, преслѣдующихъ одну общую цѣль— благосостояніе, свободу и безопасность всѣхъ. Общинная революція 18-го марта является началомъ новой эры опытной, позитивной, научной политики. Эта революція покончила со старымъ государственнымъ и клерикальнымъ міромъ, съ милитаризмомъ, чиновничествомъ, съ эксплоатаціей, ажіотажемъ, монополіями и привилегіями, державшими рабочаго въ порабощеніи и навлекшими на страну бѣдствія и раззореніе. Пусть же успокоится наше любезное и великое отечество, введенное въ заблужденіе ложью и клеветами. Борьба, завязавшаяся между Парижемъ и Версалемъ, не можетъ окончиться призрачными компромиссами. Исходъ ея не можетъ подлежать сомнѣнію: побѣда, благодаря мужеству парижской національной гвардіи, останется на сторонѣ идеи и права. Взываемъ къ Франціи! Пусть она положитъ конецъ этому кровавому столкновенію, убѣдившись въ томъ, что вооружившійся Парижъ столько же спокоенъ, какъ и мужественъ, что онъ поддерживаетъ порядокъ съ такой же энергіей, какъ и энтузіазмомъ, что онъ приноситъ себя въ жертву съ безпримѣрнымъ героизмомъ, что онъ взялся за оружіе только для защиты свободы и правъ всей Франціи. Франція должна обезоружить Версаль, твердо заявивъ ему свою волю. Такъ какъ она же будетъ призвана воспользоваться нашими побѣдами, то она обязана выказать себя солидарной съ нашими усиліями, она должна явиться нашей союзницей въ борьбѣ, которая можетъ окончиться только или торжествомъ коммунальной идеи, или гибелью

Парижа. Что касается насъ, гражданъ Парижа, то на нашу долю выпало совершить самую широкую и самую богатую послѣдствіями революцію изъ всѣхъ, освѣтившихъ исторію. Мы должны бороться и побѣдить". — Прокламація эта очевидно имѣла цѣлью уничтожить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на парижанъ послѣдними неудачами федералистовъ, примирить съ Коммуной людей, которые все болѣе и болѣе отдалялись отъ нея. Можетъ быть недѣли три или четыре тому назадъ подобная прокламація и не прошла бы незамѣченной, можетъ быть тогда парижское населеніе и вся Франція повѣрили бы тому, что начертанная здѣсь програма будетъ въ точности исполнена, что руководители возстанія 18-го марта намѣрены дѣйствительно, воспользовавшись законными желаніями парижанъ, осуществить въ Парижѣ образцовую Коммуну и показать всѣмъ другимъ общинамъ Франціи, какъ слѣдуетъ понимать и практиковать общинное самоуправленіе. Но теперь уже было слишкомъ поздно; теперь цѣлый рядъ незаконныхъ, произвольныхъ, нелѣпыхъ и часто возмутительныхъ дѣйствій Коммуны раскрылъ глаза парижанамъ и остальной Франціи и ясно показалъ, что вся вышеприведенная програма не болѣе, какъ наборъ громкихъ фразъ, что если въ ней и выражены какія-либо справедливыя стремленія, то уже конечно не тогдашніе властители Парижа могли осуществить эти стремленія на практикѣ.

Тѣмъ временемъ версальцы одерживали медленные, но постоянные успѣхи. Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ военныхъ дѣйствій вокругъ Парижа, на перипетіяхъ этой упорной, продолжительной борьбы на ограниченномъ пространствѣ, на описаніи того, какъ отдѣльная мѣстность, часто одинъ какой-нибудь домъ, переходили по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки, какія чудеса храбрости оказывали во всѣхъ этихъ дѣлахъ версальцы и парижане, какъ правительственная армія нѣсколько разъ, напримѣръ, приступала къ форту Исси и была отбиваема, пока, наконецъ, ей не удалось овладѣть этимъ фортомъ, и пр. Достаточно того, что въ теченіи апрѣля и первыхъ чиселъ мая версальская армія успѣла овладѣть, послѣ упорнаго сопротивленія, важными

для осаждающихъ позиціями: Шатильонъ, Медонъ, Курбвуа, Беконъ, Аньеръ, Муленъ-Саке и, наконецъ, фортами Исси и Ванвъ, и что маршалъ Макъ-Магонъ, главнокомандующій версальской арміей, снова стяжалъ подъ Парижемъ утраченные имъ подъ Седаномъ военные лавры. Вотъ какъ описываетъ Тьеръ въ слѣдственной коммиссіи эту фазу военныхъ дѣйствій: „Послѣ неудачной попытки въ сторону Курбвуа инсургенты напали на насъ въ Шатильонѣ; но генералъ Сиссэ овладѣлъ редутомъ ихъ близъ этого селенія, и съ тѣхъ поръ мы имѣли въ нашихъ рукахъ два сильныхъ редута: при Курбвуа и Шатильонѣ. Я не ограничился усиленіемъ арміи, но позаботился также о томъ, чтобы поставить во главѣ ея начальника съ громкимъ именемъ, а именно маршала Макъ-Магона, пользовавшагося среди солдатъ громаднымъ уваженіемъ. Въ его лицѣ армія пріобрѣла отличнаго вождя и его присутствіе замѣтно способствовало поднятію духа арміи. Тутъ представился вопросъ, какъ вести аттаку противъ Парижа. Одни желали, чтобы мы вели ее на основаніи всѣхъ правилъ фортификаціи, путемъ траншей и апрошей—но это потребовало бы очень много времени; другіе, и въ томъ числѣ большинство членовъ Національнаго Собранія, находя этотъ путь слишкомъ долгимъ, требовали немедленнаго приступа. Выслушавъ всѣ противорѣчивыя мнѣнія, которыя высказывались вокругъ меня, я рѣшился дѣйствовать одновременно двумя путями: открыть траншеи, съ помощью которыхъ армія могла бы приблизиться къ парижскимъ укрѣпленіямъ, и въ то же время собрать какъ можно болѣе сильную артиллерію для дѣйствія противъ фортовъ, въ надеждѣ, что сильный артиллерійскій огонь заставитъ инсургентовъ очистить форты. Мое мнѣніе было принято, такъ какъ во всякомъ случаѣ очень сильный артиллерійскій огонь долженъ былъ облегчить работы въ траншеяхъ и сократить время, необходимое для проведенія ихъ, съ 30 дней до 20 или 15. Нужно было собрать какъ можно болѣе орудій. Я велѣлъ на время прекратить перевозку товарныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и употребить всѣ средства эксплоатаціи послѣднихъ на доставленіе къ Парижу осадной артиллеріи

и снарядовъ; вскорѣ я достигъ того, что, при громадномъ числѣ орудій, на каждое приходилось по 1,000 зарядовъ; желѣзнодорожныя правленія оказали намъ въ этомъ отношеніи неоцѣнимую услугу. Хорошія послѣдствія этой системы не замедлили обнаружиться. Фортъ Исси сильно безпокоилъ насъ. Артиллерійскій генералъ Берхгеймъ направилъ на него сильный артиллерійскій огонь, принудилъ его къ молчанію и сдѣлалъ его почти необитаемымъ для его защитниковъ. Получивъ подкрѣпленія и будучи поддержанъ сосѣднимъ фортомъ Ванвъ, фортъ попытался возобновить борьбу; но наша артиллерія опять заставила его замолчать, а тѣмъ временемъ осадныя работы наши успѣшно продолжались подъ прикрытіемъ сильной артиллеріи, и въ одинъ прекрасный день (8-го мая) наши саперы, подойдя къ самымъ рвамъ форта, замѣтили, что онъ покинутъ его защитниками. Такимъ же путемъ мы овладѣли (14-го мая) фортомъ Ванвъ. Послѣ взятія этихъ двухъ фортовъ мы могли съ большимъ успѣхомъ приближаться къ юго-западнымъ укрѣпленіямъ Парижа, такъ какъ насъ уже не безпокоилъ огонь этихъ фортовъ. Мы безпрепятственно возвели въ Монтрету баттарею, подъ прикрытіемъ которой генералъ Дуэ взошелъ въ Булонскій лѣсъ, и съ тѣхъ поръ мы быстро стали подвигаться къ парижскимъ укрѣпленіямъ". Любопытнѣе всего то, что солдаты, которые съ такимъ мужествомъ сражались противъ парижскихъ инсургентовъ, что генералы, которые съ такою осмотрительностью и съ такимъ знаніемъ военнаго дѣла вели вторую осаду Парижа, были тѣ самые генералы и солдаты, которые только что возвратились изъ Германіи во Францію послѣ седанскаго и мецскаго плѣна. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего позорнаго пораженія и плѣна они чувствовали какую-то инстинктивную потребность сражаться противъ кого бы то ни было, выказать на комъ бы то ни было свое мужество и свои военныя познанія. Какъ парижская національная гвардія бросалась въ братоубійственную войну для того, чтобы смыть съ себя позоръ капитуляціи Парижа, такъ и версальская армія бросалась въ ту же борьбу, чтобы смыть съ себя еще большій позоръ седанской и мецской капитуляціи. Безсильные, бла-

годаря неспособности своихъ вождей, въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, обѣ эти силы не нашли ничего лучшаго, какъ истреблять другъ друга, какъ бы желая показать Европѣ, чего они могли бы достигнуть при болѣе разумномъ направленіи совокупныхъ ихъ усилій. Достаточно прочесть описаніе взятія версальцами форта Исси, чтобъ убѣдиться въ томъ, сколько безполезнаго мужества потрачено въ этой ужасной междоусобной борьбѣ и какъ плохо съумѣли воспользоваться этимъ мужествомъ защитники Парижа противъ пруссаковъ. Начальникомъ этого форта былъ нѣкто Ветцель, человѣкъ безъ всякихъ военныхъ талантовъ, какъ и большинство предводителей инсургентовъ, но храбрый и самоотверженный. За три дня до сдачи форта онъ былъ смѣщенъ за какое-то формальное упущеніе и замѣненъ другимъ офицеромъ. Но хорошо сознавая безнадежное положеніе форта, онъ отказался сдать своему преемнику свой постъ и рѣшился, вопреки предписаніямъ начальства, умереть подъ развалинами ввѣреннаго его защитѣ форта. 8-го мая не было уже никакой возможности держаться; едва какой-нибудь артиллеристъ показывался у своего орудія, на него сыпался градъ ружейныхъ пуль (траншеи версальцевъ были доведены къ этому времени на разстояніе 75-ти саженъ отъ форта); не было ни казематовъ, ни какихъ-либо прикрытій, и даже раненные подвергались огню непріятеля; всякое ядро осаждающихъ попадало въ развалины, потрясенныя уже раньше по крайней-мѣрѣ двадцатью другими ядрами; весь фортъ былъ изрытъ до неузнаваемости. Полковникъ Ветцель, съ 120 національными гвардейцами, упорно отказывался очистить фортъ, пока ружейная пуля, прошедшая на вылетъ черезъ его голову, не положила конца сопротивленію. На другой день афиша Коммуны лаконически извѣщала, что „трехцвѣтное знамя развѣвается на фортѣ Исси“. Нѣчто подобное повторилось нѣсколько дней спустя и при взятіи форта Ванвъ.

Въ виду возростающихъ успѣховъ версальцевъ Коммуна впадала какъ бы въ какое-то лихорадочное состояніе и шла все далѣе и далѣе по тому пути, который долженъ былъ окончательно отвратить отъ нея не только Францію и сколько-нибудь благомы-

слящую часть парижскаго населенія, но и болѣе разумныхъ изъ ея собственныхъ членовъ. 1-го мая членъ Коммуны, старый республиканецъ Міо, помѣшанный на принципахъ 93-го года, предложилъ своимъ товарищамъ учредить, по шаблону 1793-го года, „Комитетъ общественнаго спасенія“, „въ виду важности обстоятельствъ и необходимости принять немедленно самыя радикальныя и энергическія мѣры для предотвращенія измѣны, которая могла бы погубить республику“. Это предложеніе вызвало самые энергическіе протесты со стороны лучшей части Коммуны. Варленъ, Малонъ, Лефрансе, Белэ, Верморель, Курбе, Лонге, Арну и другіе доказывали, что оно имѣетъ въ виду учрежденіе диктаторской власти, вопреки политическимъ стремленіямъ массы избирателей, представителемъ которыхъ была Коммуна, что это было бы равносильно узурпаціи народовластія, забвеніемъ принциповъ тѣхъ серьозныхъ соціальныхъ реформъ, которыя поставила себѣ цѣлью революція 18-го марта, безполезнымъ или даже опаснымъ возвращеніемъ къ прошлому, которое можетъ служить урокомъ, но отнюдь не примѣромъ, что если Коммуна находится въ опасности, то она съумѣетъ выйти изъ нея и безъ комитета, и пр. Не смотря на эти благоразумныя возраженія, предложеніе объ образованіи „комитета общественнаго спасенія“ прошло въ Коммунѣ большинствомъ 37 голосовъ противъ 25. При этомъ Феликсъ Піа счелъ нужнымъ напомнить, что слова „комитетъ общественнаго спасенія“ возникли одновременно съ словами: „французская республика“ и „парижская коммуна“. Членъ Коммуны Бланше объявилъ, что „если Коммуна съумѣла внушить къ себѣ любовь всѣмъ честнымъ людямъ, то она еще не приняла необходимыхъ мѣръ для того, чтобы заставить дрожать трусовъ и измѣнниковъ, и что благодаря этому непростительному долготерпѣнію непріятель успѣлъ, можетъ быть, проникнуть въ самыя нѣдра правительства“. Членъ Коммуны Алликсъ подалъ голосъ въ пользу учрежденія комитета, мотивировавъ свое мнѣніе тѣмъ, что Коммуна, учреждая комитетъ, будетъ имѣть возможность уничтожить его, какъ скоро признаетъ то нужнымъ“. Еще оригинальнѣе было слѣдующее заявленіе венгерскаго еврея

Френкеля: „Хотя я не признаю необходимости комитета и предоставляю себѣ право возстать противъ него, но я подаю голосъ за учрежденіе его". Комитетъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ пяти членовъ: Феликса Піà, Ранвье, Арно, Мелье и Шарля Жерардена. Душою его сдѣлался тотчасъ же Піà, которому собственно и принадлежала мысль объ учрежденіи этого комитета; старикъ Міо былъ только выразителемъ этой мысли и самъ не попалъ въ его члены. Мысль объ этомъ комитетѣ, облеченномъ диктаторской властью, уже носилась вѣроятно въ умѣ Піà, когда онъ 10 дней передъ тѣмъ хотѣлъ выходить изъ Коммуны.

Въ тотъ же день, когда былъ учрежденъ Комитетъ общественнаго спасенія, появился декретъ Коммуны, которымъ генералъ Клюзре отрѣшался отъ должности делегата по военнымъ дѣламъ согласно установившемуся обычаю, онъ тотчасъ же былъ арестованъ, въ самомъ засѣданіи Коммуны, и отправленъ въ тюрьму Мазасъ. Самые разнообразные слухи ходили въ Парижѣ относительно причинъ этого ареста. Одни увѣряли, что Клюзре арестованъ за то, что вступилъ въ переписку съ нѣмецкимъ генераломъ Фабрице; другіе—что его обвиняли въ несвоевременномъ оставленіи наканунѣ форта Исси, который однако снова былъ занятъ 1-го мая самимъ Клюзре и держался еще 8 дней; третьи — что причиной ареста была ссора между Клюзре и Домбровскимъ, который самовольно заключилъ перемиріе, на что будто бы разсердился Клюзре. Но вѣрнѣе всего, что арестъ этого генерала былъ вызванъ ни той, ни другой, ни третьей причиной, а являлся просто слѣдствіемъ нерасположенія, которое навлекъ на себя Клюзре своимъ рѣзкимъ, строптивымъ характеромъ, преслѣдованіемъ всяческаго военнаго тщеславія и тунеядства и обнаруженіемъ злоупотребленій интендантства Коммуны; фортъ Исси былъ тутъ только предлогомъ. Особой коммиссіи, составленной изъ трехъ членовъ Коммуны, поручено было допросить Клюзре и произвести дознаніе по поводу взводившихся противъ него обвиненій. Коммиссія эта, исполнивъ возложенное на нее порученіе, постановила освободить Клюзре, которому и возвращена была свобода 21-го мая, въ тотъ

самый день, когда версальцы вступали въ Парижъ; но онъ уже не игралъ болѣе какой-либо выдающейся роли въ тогдашнихъ событіяхъ.

Генерала Клюзре, въ званіи делегата по военнымъ дѣламъ, замѣнилъ „временно“ полковникъ Россель, предсѣдатель учрежденнаго 17 апрѣля военнаго суда Коммуны. Россель былъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ, бывшій воспитанникъ Политехнической Школы, служившій во время осады Меца капитаномъ въ инженерномъ корпусѣ. Послѣ сдачи Меца, противъ которой онъ энергически протестовалъ, онъ успѣлъ избѣжать прусскаго плѣна, прибылъ въ Туръ и сообщилъ Гамбеттѣ подробности „измѣны Базена“. Гамбетта принялъ его очень благосклонно и произвелъ въ полковники. Вскорѣ послѣ капитуляціи Парижа Россель вышелъ въ отставку, будучи возмущенъ этой капитуляціей, какъ увѣряли онъ самъ и его друзья, а по словамъ его противниковъ потому, что новое правительство не удовлетворило его честолюбія и не признало за нимъ чина полковника. Во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ, не имѣвшій до возстанія 18-го марта ничего общаго съ революціонной партіей, очень способный и дѣятельный молодой офицеръ, котораго обстоятельства сблизили съ возстаніемъ и который, по своимъ способностямъ и энергіи, былъ настоящей находкой для Коммуны. Онъ энергически принялся за дѣло, хотя и нельзя сказать, чтобы его десятидневное начальствованіе въ Парижѣ было особенно удачно. На другой же день по вступленіи его въ должность делегата по военнымъ дѣламъ версальцы овладѣли важнымъ постомъ при Муленъ-Саке, какъ увѣряли инсургенты вслѣдствіе измѣны—и съ тѣхъ поръ паденіе форта Исси не подлежало сомнѣнію; дѣйствительно онъ былъ взятъ недѣлю спустя послѣ назначенія Росселя. Въ виду постоянныхъ успѣховъ версальцевъ Россель обратилъ особенное вниманіе на сооруженіе баррикадъ внутри Парижа. До сихъ поръ этимъ дѣломъ распоряжался, по предписанію Коммуны, нѣкто Гальяръ, старый башмачникъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о фортификаціи; Россель, какъ способный инженерный офицеръ, серьозно занялся этимъ предметомъ и его стараніямъ слѣдуетъ приписать то, что парижскія баррикады

построенныя въ надлежащихъ мѣстахъ и съ знаніемъ дѣла, представили такія серьозныя препятствія вступленію версальцевъ въ Парижъ. Онъ издалъ также строгія предписанія съ цѣлью уменьшить пьянство въ рядахъ національной гвардіи. Особенную популярность пріобрѣлъ онъ въ Парижѣ слѣдующей перепиской своей съ полковникомъ правительственной арміи Леперше̂мъ. Лепершъ прислалъ коменданту форта Исси приглашеніе сдать фортъ въ 1/4 часа, подъ опасеніемъ приступа и истребленія всего гарнизона. Узнавъ объ этомъ приглашеніи, Россель послалъ Лепершу слѣдующую записку: „Любезный товарищъ. Въ слѣдующій разъ, когда вы позволите себѣ прислать къ намъ такое дерзкое приглашеніе, я велю разстрѣлять вашего парламентера, согласно обычаямъ войны. Вашъ преданный товарищъ Россель“.

Не смотря на энергію Росселя положеніе его относительно вновь учрежденнаго Комитета общественнаго спасенія и все еще продолжавшаго свое существованіе Центральнаго комитета было не изъ легкихъ. Мы сказали выше, что Клюзре былъ устраненъ главнымъ образомъ за то, что онъ слишкомъ прямо и рѣзко преслѣдовалъ и разоблачалъ злоупотребленія „интендантства“. Россель счелъ поэтому болѣе удобнымъ для себя сложить съ себя заботы о хозяйственной части парижской арміи и предоставить ее въ другія руки. Поэтому, нѣсколько дней спустя по вступленіи своемъ въ должность, онъ обнародовалъ слѣдующій приказъ: „По соглашенію съ Комитетомъ общественнаго спасенія я допустилъ въ принципѣ и намѣренъ немедленно осуществить на практикѣ содѣйствіе Центральнаго комитета національной гвардіи въ организаціи и управленіи этой вооруженной силы. Я принялъ это рѣшеніе въ виду невозможности найти въ короткое время нужное число надежныхъ людей для замѣщенія всякихъ военно-административныхъ должностей, въ виду необходимости отдѣлить военную администрацію отъ главнаго начальствованія арміей, и изъ желанія употребить съ возможно большей пользой революціонный авторитетъ Центральнаго комитета“. На другой же день по обнародованіи этого приказа въ „Оффиціальной Газетѣ“ появился слѣдующій декретъ:

„Делегація по военнымъ дѣламъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій: собственно военнаго и административнаго. На полковника Росселя возлагается завѣдываніе первымъ, на Центральный комитетъ національной гвардіи—завѣдываніе вторымъ". Но вскорѣ оказалось, что Россель самъ себя лишилъ всякой возможности дѣйствовать, предложивъ это раздѣленіе. Не только Центральный комитетъ, но и комитетъ общественнаго спасенія, и въ особенности душа его, Феликсъ Піа, стали посылать предписанія генераламъ непосредственно отъ себя, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Росселя. Это побудило послѣдняго на другой же день по взятіи версальцами форта Исси, 9 мая, обратиться къ Коммунѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ объ увольненіи его отъ возложенныхъ на него обязанностей. Письмо это начиналось слѣдующими словами: „Будучи облеченъ вами временно званіемъ делегата по военнымъ дѣламъ, я считаю себя неспособнымъ нести на себѣ долѣе отвѣтственность командованія, когда всѣ разсуждаютъ и никто не слушается". Затѣмъ слѣдовало длинное описаніе того хаоса, который царствовалъ въ то время въ оборонѣ Парижа, и тѣхъ затрудненій, съ которыми приходилось бороться Росселю; письмо оканчивалось слѣдующимъ образомъ: „Я не такой человѣкъ, который отступитъ передъ энергическими мѣрами; но я не хочу принимать на себя одного отвѣтственность за тѣ строгія мѣры, которыя я считаю необходимыми для возстановленія порядка, для введенія правильной организаціи и для достиженія побѣды. Я тѣмъ менѣе могу сдѣлать это, что ни мои дѣйствія, ни дѣйствія Центральнаго комитета, не подлежатъ контролю гласности. Мой предшественникъ тщетно старался выйти изъ невозможнаго положенія. Наученный его примѣромъ, я очень хорошо сознаю, что мнѣ предстоитъ только избрать одно изъ двухъ: сломить препятствія, мѣшающія мнѣ дѣйствовать, или удалиться. Я не могу сломить препятствій, потому что препятствія эти—вы и ваша слабость, а я не желаю посягать на народовластіе. Поэтому я удаляюсь и прошу у васъ комнаты въ тюрьмѣ Мазасъ". Эта послѣдняя просьба Росселя была тотчасъ же исполнена и онъ былъ посланъ туда, куда

раньше того были отправлены его предшественники Бержере и Клюзре. Центральный комитетъ, чувствуя себя оскорбленнымъ Росселемъ, добился даже преданія его военному суду; но Россель, опасаясь вѣроятно мстительности комитета, нашелъ болѣе благоразумнымъ не дожидаться приговора суда и бѣжать изъ тюрьмы, въ которой онъ самъ испросилъ себѣ комнату, вмѣстѣ съ членомъ Коммуны и Комитета общественнаго спасенія, Шарлемъ Жерарденомъ, на котораго было возложено наблюденіе за заключеннымъ. Преемникомъ Клюзре и Росселя въ званіи делегата по военнымъ дѣламъ сдѣлался, по настоянію Комитета общественнаго спасенія, старикъ Делеклюзъ, бывшій до тѣхъ поръ журналистомъ, коммиссаромъ республики 48 года, изгнанникомъ, опять журналистомъ, членомъ революціоннаго правительства Коммуны, но не имѣвшій никакого понятія о военныхъ дѣлахъ и не получившій никакого военнаго образованія. Главнымъ же начальникомъ вооруженныхъ силъ Коммуны остался Домбровскій, который былъ назначенъ на этотъ постъ еще при Клюзре. Домбровскаго въ званіи коменданта Парижа замѣнилъ итальянецъ, „генералъ“ Ла-Чечилія, а начальникомъ штаба Домбровскаго былъ назначенъ „полковникъ“ Анри. Делеклюзъ, по вступленіи въ должность, слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ роли: Домбровскій долженъ былъ распоряжаться изъ Нёльи военными дѣйствіями на правомъ берегу Сены, Ла-Чечилія долженъ былъ командовать центромъ, а „генералъ“ Врублевскій—лѣвымъ крыломъ; „генералы“ Эдъ и Бержере были назначены начальниками резервныхъ корпусовъ.

Со времени учрежденія Комитета общественнаго спасенія дѣйствія Коммуны становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе безразсудными. Такъ 6 мая было запрещено разомъ изданіе семи газетъ, а именно „Temps“ и „France“ за непріятную для членовъ Коммуны критику ея дѣйствій, а «Petit-Journal», «Petit Moniteur», «Petit National», «Bon Sens» и «Petite Presse»—за сообщеніе простыхъ фактовъ, или, какъ выразился префектъ полиціи Курне въ своемъ распоряженіи, „за возбужденіе къ междоусобной войнѣ, за оскорбительные разсказы о защитникахъ нашихъ

правъ и за указаніе непріятелю на добрыхъ гражданъ". Въ этотъ же день Коммуна узнала изъ устъ своего прокурора Рауля Риго, что одинъ изъ ея сочленовъ — бѣглый монахъ, бывшій секретный полицейскій агентъ, осужденный судомъ за злостное банкротство. Этотъ эксъ-монахъ, эксъ-полиціантъ и эксъ-банкротъ былъ Бланше, отличавшійся въ Коммунѣ своимъ ярымъ якобинизмомъ и жаловавшійся постоянно на слишкомъ большую мягкость Коммуны. Однажды, когда онъ выходилъ изъ засѣданія Коммуны, его узнали двое прохожихъ, объявившихъ, что его фамилія вовсе не Бланше, а Паниль, и сообщившихъ, кто онъ такой. Будучи приглашенъ послѣ заявленія Риго въ засѣданіе Коммуны для представленія объясненій, Бланше во всемъ сознался, послѣ чего обо всемъ этомъ происшествіи былъ составленъ протоколъ, а Риго продиктовалъ Бланше-Панилю слѣдующее отреченіе: „Я нижеподписавшійся, засѣдавшій въ Коммунѣ подъ именемъ Бланше, объявляю, что слагаю съ себя званіе члена Коммуны. Паниль, Бланше тожъ". Приэтомъ Риго счелъ нужнымъ выразить сожалѣніе объ утратѣ товарища, „который постоянно подавалъ голосъ съ Комитетомъ общественнаго спасенія". Отсутствіе этого достойнаго товарища не помѣшало Коммунѣ сдѣлать цѣлый рядъ произвольныхъ и нелѣпыхъ распоряженій, обративъ свой гнѣвъ на историческія зданія и памятники. Такъ 6-го же мая изданъ былъ декретъ о снесеніи Покаянной часовни, построенной при реставраціи въ память казненнаго короля Людовика XVI. Вотъ этотъ декретъ: „Комитетъ общественнаго спасенія, принимая въ соображеніе, что зданіе, извѣстное подъ именемъ Покаянной часовни Людовику XVI, представляетъ собою оскорбленіе первой революціи и постоянный протестъ реакціи противъ народной справедливости—постановляетъ: 1) часовня эта будетъ снесена; 2) матеріалъ, изъ котораго она построена, будетъ проданъ съ публичнаго торга въ пользу общинной кассы; 3) это постановленіе должно быть приведено въ исполненіе въ теченіе 8-ми дней. 16-го мая, вечеромъ, вандомская колонна, во исполненіе прежняго декрета, была низвергнута на толстый слой фашинъ и навоза, что дало Бержере случай обратиться съ рѣчью

къ толпѣ, собравшейся на вандомской площади. За нѣсколько дней передъ тѣмъ другъ и помощникъ Рауля Риго, Дакоста, исполняя декретъ Коммуны, разрушилъ и сжегъ, предварительно разграбивъ, частный домъ Тьера, на площади Сенъ-Жоржъ.

Коммуна не ограничивалась преслѣдованіемъ неодушевленныхъ предметовъ. До сихъ поръ, въ теченіи семи недѣль, Коммуна декретировала террористскія мѣры, но онѣ не приводились въ исполненіе; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, которымъ угрожали эти мѣры, продолжали спокойно прогуливаться по улицамъ Парижа и начинали свыкаться съ мыслью, что мѣрамъ этимъ такъ и суждено остаться на бумагѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Делеклюзъ замѣнилъ Росселя въ званіи военнаго делегата, дѣла приняли другой оборотъ. Делеклюзъ, человѣкъ лично безусловно-честный, былъ однако фанатикъ-революціонеръ, который ставилъ какую-нибудь отвлеченную идею выше тысячи человѣческихъ жизней—въ томъ числѣ и своей—и неумолимо приносилъ этой идеѣ въ жертву все, что, по его мнѣнію, мѣшало осуществленію ея. Извѣстивъ парижское населеніе о своемъ вступленіи въ должность въ довольно туманной прокламаціи, онъ уже два дня спустя, 12-го мая, напечаталъ въ „Оффиціальной Газетѣ“, что въ Парижѣ открытъ обширный монархистскій заговоръ, что паденіе форта Исси было однимъ изъ результатовъ этого заговора, но что всѣ нити его находятся въ рукахъ Комитета общественнаго спасенія и что виновные будутъ подвергнуты примѣрному наказанію. На другой день инсургенты вздумали обстрѣливать съ монмартрскихъ высотъ, черезъ весь Парижъ, версальцевъ, все ближе и ближе подвигавшихся къ оградѣ; но вслѣдствіе дурно направленныхъ орудій ядра падали въ мѣстности, занятыя инсургентами, и убили много народу; тотчасъ же было объявлено, что и этотъ прискорбный случай былъ результатомъ измѣны, такъ какъ во многихъ зарядахъ вмѣсто пороха оказался будто бы песокъ. Въ то же время, по предписанію Делеклюза, началась настоящая облава лицъ, уклоняющихся отъ военной службы, особенно въ округахъ 5-мъ, 6-мъ (Латинскомъ кварталѣ) и 9-мъ, населенномъ почти исключительно буржуазнымъ эле-

ментомъ. Съ 9-ти часовъ до 4-хъ пополудни улицы всѣхъ кварталовъ были заняты національными гвардейцами, которые останавливали прохожихъ, между тѣмъ какъ другіе обыскивали дома; всѣхъ подозрѣваемыхъ въ уклоненіи отъ службы направляли къ церкви Лоретской Богоматери, гдѣ было учреждено бюро, которое должно было вносить въ списки имена всѣхъ уклоняющихся и зачислять ихъ на службу. При этомъ дѣло не обошлось безъ разныхъ недоразумѣній; такъ напр. главный редакторъ „Père Duchesne'a", Вермешъ, тоже былъ задержанъ и отправленъ въ бюро, а извѣстнаго депутата Шельхера продержали въ тюрьмѣ цѣлыхъ два дня. Но такъ какъ всѣ эти домовые обыски и уличные аресты не доставили военному делегату того числа защитниковъ, на которое онъ разсчитывалъ, то въ „Оффиціальной Газетѣ" отъ 14-го мая появилось распоряженіе о томъ, что ни одинъ гражданинъ не можетъ выходить на улицу безъ особаго билета, удостовѣряющаго его личность; всякій, у кого не оказывалось такого билета, могъ быть задерживаемъ и отправляемъ въ бюро первымъ встрѣчнымъ. Доносы на уклоняющихся охотно принимались и имъ давался ходъ; а между тѣмъ не далѣе, какъ въ первыхъ числахъ мая, префектъ полиціи Курне объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что анонимные доносы будутъ оставляемы безъ послѣдствій, „такъ какъ подобные доносы", говорилъ онъ, „очевидно внушены чувствомъ личной мести, а не заботой объ общемъ благѣ". Для болѣе строгаго примѣненія этихъ мѣръ декретомъ 13-го мая префектомъ полиціи былъ назначенъ Ферре, такъ какъ Курне былъ признанъ человѣкомъ слишкомъ мягкимъ.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ предвѣстій близкаго паденія Коммуны явились въ послѣднее время раздоры въ средѣ ея членовъ. Всѣ хотѣли предписывать, никто не желалъ повиноваться; пошли взаимныя заподозриванія, доносы, аресты, и наконецъ Коммуна открыто распалась на двѣ части: крайнее, находившееся въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, большинство, и болѣе умѣренное, благоразумное меньшинство. Послѣ весьма бурнаго засѣданія 15-го мая, въ которомъ члены меньшинства гласно выразили свое порицаніе

мѣрамъ Комитета общественнаго спасенія, причемъ однако большинство одобрило эти мѣры и прикрыло ихъ своимъ авторитетомъ, 21 членъ Коммуны 16-го числа обнародовали заявленіе, въ которомъ они рѣзко осуждали дѣйствія Комитета общественнаго спасенія и объявляли, что не желаютъ принимать на себя отвѣтственности за эти дѣйствія и не будутъ впредь являться въ засѣданія Коммуны. Эти 21 членъ были: Авріаль, Андріе, Арнольдъ, Арну, Белэ, Валлесъ, Варленъ, Верморель, Эженъ Жерарденъ, Журдъ, Клемансъ, Викторъ Клеманъ, Курбе, Лефрансе, Лонге, Остенъ, Пенди, Següралье, Тейссъ, Тридонъ и Френкель. Въ тотъ же день одинъ изъ членовъ Коммуны, Эмиль Клеманъ, былъ арестованъ по подозрѣнію въ обыкновенномъ уголовномъ преступленіи и въ томъ, что онъ, подобно Бланше-Панилю, служилъ имперіи въ качествѣ сыщика. Такимъ образомъ послѣ 16-го мая Коммуна состояла не болѣе, какъ изъ 50-ти членовъ. Изъ 106 членовъ ея, избранныхъ 26-го марта и 16-го апрѣля, 23 отказались отъ званія членовъ Коммуны въ самомъ началѣ, 2 были убиты (Флурансъ и Дюваль), 3 арестованы (Бланки, Клюзре и Э. Клеманъ—первый версальскимъ правительствомъ, послѣдніе двое—самой Коммуной; Бержере и Асси, также арестованные одно время, были выпущены къ этому времени на свободу), одинъ исключенъ (Бланше), одинъ бѣжалъ (Шарль Жерарденъ) и наконецъ 21 устранились отъ участія въ занятіяхъ Коммуны. Но тѣмъ не менѣе этотъ своего рода „rump-parlament“, выразивъ, устами Паскаля Груссе, самое рѣзкое порицаніе „ренегатамъ“ и осыпавъ ихъ упреками и оскорбленіями, продолжалъ собираться, совѣщаться, декретировать, и все дальше и дальше идти по тому пути, который окончательно долженъ былъ дискредитировать Коммуну въ глазахъ Европы, Франціи и лучшей части Парижа.

16-го мая, въ то время какъ меньшинство Коммуны выходило изъ ея среды, „министръ иностранныхъ дѣлъ“ Коммуны, Паскаль Груссе, обнародовалъ въ „Офиціальной Газетѣ“ послѣдній отчаянный призывъ къ большимъ городамъ Франціи, приглашая ихъ возстать противъ общаго врага, версальскаго правительства, и не дать

послѣднему задушить Парижъ. Этотъ призывъ, котораго, безъ сомнѣнія, большинство „большихъ городовъ“ даже и не прочло, остался, конечно, безъ всякихъ послѣдствій. Въ тотъ же день Делеклюзъ, находя, что старый башмачникъ Гальяръ, назначенный однимъ изъ прежнихъ декретовъ Коммуны главнымъ строителемъ баррикадъ, неудовлетворительно исполняетъ это дѣло, устранилъ Гальяра отъ ввѣреннаго ему поста и объявилъ, что отнынѣ постройкою баррикадъ будетъ завѣдывать непосредственно делегатъ по военнымъ дѣламъ, т. е. самъ Делеклюзъ. Въ засѣданіи Коммуны 17-го мая члены ея Міо и Урбенъ потребовали немедленнаго примѣненія декрета о заложникахъ. Рауль Риго, воспользовавшись этимъ предложеніемъ, потребовалъ было, чтобъ особому суду, учрежденному для разсмотрѣнія политическихъ преступленій, предоставлено было постановлять свои приговоры немедленно по признаніи виновности подсудимыхъ и приводить ихъ въ исполненіе въ теченіи 24-хъ часовъ. Однако большинство Коммуны не согласилось на это требованіе, и рѣшено было только учредить, подъ предсѣдательствомъ Рауля Риго, особую коммиссію, которая должна была, по допросѣ всѣхъ арестованныхъ лицъ, постановлять, слѣдуетъ ли оставить ихъ въ заключеніи, въ качествѣ заложниковъ, или нѣтъ; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ лица, признанныя заложниками, отводились вновь въ тюрьму, съ тѣмъ чтобы потомъ быть разстрѣлянными по жребію, въ случаѣ репрессалій. Коммиссія эта, составленная изъ 12-ти лицъ, 18-го мая приступила къ возложенному на нее дѣлу, и въ первомъ же засѣданіи своемъ признала заложниками нѣсколькихъ полицейскихъ сержантовъ, арестованныхъ еще 18-го марта.

17-го мая, въ 6-мъ часу вечера, въ Елисейскихъ поляхъ произошелъ взрывъ патронной фабрики, причемъ погибло нѣсколько десятковъ людей. Случай этотъ въ военное время—дѣло самое обыкновенное. Взрывъ могъ послѣдовать или по неосторожности рабочихъ на фабрикѣ, или вслѣдствіе попавшей нечаянно въ зданіе фабрики версальской бомбы (ядра версальцевъ достигали уже въ то время Елисейскихъ полей). Тѣмъ не менѣе четыре часа спустя

послѣ взрыва въ Парижѣ появилась слѣдующая афиша Комитета общественнаго спасенія: „Версальское правительство только что опозорило себя новымъ, ужаснымъ преступленіемъ: агенты его подожгли патронную фабрику въ Елисейскихъ поляхъ и произвели страшный взрывъ, причемъ погибло до 100 человѣкъ, въ томъ числѣ женщины и дѣти. Четверо изъ виновныхъ арестованы". На другой день газета „La Commune" въ заголовкѣ своемъ напечатала слѣдующія строки: „Измѣна повсюду! Измѣна въ Муленъ-Саке, измѣна въ фортѣ Исси, измѣна на патронной фабрикѣ въ Елисейскихъ поляхъ! Кто же измѣнники? Версальскіе агенты". Статья эта оканчивалась предложеніемъ заключить въ тюрьму Мазасъ и предать военному суду всѣхъ членовъ Комитета общественнаго спасенія и коммиссіи общественной безопасности (полицейской префектуры), виновныхъ въ нерадѣніи и въ томъ, что они не открыли и не уничтожили въ корнѣ заговора измѣнниковъ. Газета „Salut Public" въ тотъ же день начинала свой нумеръ слѣдующими словами, напечатанными жирнымъ шрифтомъ: „Заговоръ, составленный противъ Коммуны и на который нѣсколько дней тому назадъ обращалъ всеобщее вниманіе Комитетъ общественнаго спасенія былъ, къ сожалѣнію, печальной дѣйствительностью. Версальцы подкупили значительное число измѣнниковъ, но эти негодяи, вмѣстѣ съ своими вожаками, находятся уже въ рукахъ правосудія. Слѣдствіе уже начато, въ скоромъ времени они явятся передъ военнымъ судомъ, и ихъ не замедлитъ постигнуть заслуженное наказаніе". Нѣкоторыя другія газеты шли еще далѣе и увѣряли, что дѣло это уже разсмотрѣно военнымъ судомъ въ ту же ночь, и что въ 24 часа виновные будутъ разстрѣляны. „Reveil" увѣрялъ, что взрывъ патронной фабрики былъ результатомъ заговора поляковъ, совершенно забывая, что еслибы поляки захотѣли уничтожить Коммуну и погубить Парижъ, то имъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ подобнымъ окольнымъ средствамъ, такъ какъ сама же Коммуна ввѣрила имъ всѣ свои вооруженныя силы. Впрочемъ, какъ-бы не вполнѣ довѣряя своимъ генераламъ-полякамъ и итальянцамъ, Комитетъ общественнаго спасенія счелъ нужнымъ обнародовать 17-го

мая слѣдующій декретъ: „Въ виду того, что для спасенія республики необходимо присоединить гражданскій элементъ къ элементу военному; въ виду того, что еще наши отцы отлично поняли, что только эта мѣра можетъ избавить страну отъ военной диктатуры, которая неизбѣжно, рано или поздно, поведетъ къ установленію династіи; въ виду того, что уже учреждено званіе гражданскаго делегата по военнымъ дѣламъ—Комитетъ общественнаго спасенія постановляетъ: 1) представители Коммуны, въ качествѣ гражданскихъ коммиссаровъ, назначаются при каждомъ изъ генераловъ, командующихъ тремя арміями Коммуны; 2) гражданскими коммиссарами назначаются: при генералѣ Домбровскомъ — Дереръ, при генералѣ Ла-Чечилія—Жоаннаръ, при генералѣ Врублевскомъ—Леонъ Мелье“.

Но всѣ эти мѣры плохо помогали. Хотя офиціальные бюллетени продолжали неизмѣнно извѣщать парижанъ о „спокойныхъ ночахъ“, о „смѣлыхъ рекогносцировкахъ“, объ „отраженныхъ приступахъ“, о „сбитыхъ баттареяхъ“, однако парижане не могли не замѣтить, что грохотъ орудій раздается все ближе и ближе, и до нихъ доходили слухи, что работы осаждающихъ все приближаются къ парижскимъ укрѣпленіямъ и что на разстояніи трехъ миль, отъ Аньера до форта Монружъ, версальцы угрожаютъ ежеминутной аттакой, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ укрѣпленіяхъ уже пробиты бреши. Результатами этого угрожающаго положенія дѣлъ явилась новая попытка сближенія различныхъ властей, смѣнявшихся въ Парижѣ въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ: Центральнаго Комитета, Коммуны и Комитета общественнаго спасенія. Всѣ дѣятели возстанія, сознавая, что приближается развязка, почувствовали потребность еще разъ заявить парижскому населенію о своей солидарности между собою и обнародовали 19-го мая слѣдующее воззваніе къ парижскому населенію и къ національной гвардіи: „Наши общіе враги упорно продолжаютъ распространять слухи о разногласіяхъ, будто-бы существующихъ между большинствомъ Коммуны и Центральнымъ Комитетомъ національной гвардіи. Нужно разъ навсегда уничтожить эти слухи, что мы и дѣлаемъ

этимъ торжественнымъ заявленіемъ. Центральный комитетъ, которому Комитетъ общественнаго спасенія, распоряженіемъ отъ вчерашняго числа, снова ввѣрилъ завѣдываніе вооруженными силами Парижа, вступилъ сегодня въ исправленіе своихъ обязанностей. Этотъ Комитетъ, первый поднявшій знамя революціи, ни въ чемъ не измѣнился, не переродился. Онъ остается тѣмъ-же, чѣмъ былъ вчера: прирожденнымъ защитникомъ Коммуны, силой, отдающей себя въ ея распоряженіе, бойцомъ въ международной борьбѣ, часовымъ, поставленнымъ народомъ для охраненія его правъ. Приглашаемъ васъ отъ имени Коммуны и Центральнаго комитета, подписывающихъ совокупно это заявленіе, не вѣрить безсовѣстнымъ клеветамъ. Пусть всѣ сердца бьются подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ побужденій, пусть всѣ руки вооружаются для защиты общаго дѣла, пусть великіе принципы, за которые мы всѣ сражаемся, восторжествуютъ во имя союза и братства! Да здравствуютъ республика, Коммуна, федерація общинъ!“ (Слѣдуютъ подписи). Въ то же время Комитетъ общественнаго спасенія отъ своего имени обратился къ парижанамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Мы осуществимъ славную програму, начертанную нашими отцами въ 92-мъ году. Порядокъ въ республикѣ, свобода, братство, равенство не останутся пустыми словами. Борьба, которая ведется въ теченіи 80 лѣтъ противъ стараго міра, приближается къ развязкѣ. Если вы добросовѣстно исполните ваши обязанности, Парижъ несомнѣнно восторжествуетъ, другіе города послѣдуютъ вашему примѣру, жители деревень поймутъ свои права, республика сдѣлается незыблемой и освободитъ народъ отъ невѣжества и нищеты, для всяческаго прогресса откроется новая эра“.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ двухъ патетическихъ воззваній Коммуна запретила 20-го мая еще два изданія: ультра-буржуазную и безобидную „Revue des deux Mondes“ и ультра-радикальную, но не вполнѣ одобрявшую дѣйствія Комитета общественнаго спасенія „La Commune“; въ то же время она, порывшись въ арсеналѣ второй имперіи, извлекла оттуда и придала силу закона двумъ постановленіямъ: что типографщикъ отвѣчаетъ за печатающіяся въ

его заведеніи произведенія и что всѣ газетныя статьи должны быть подписаны. Наконецъ послѣднимъ распоряженіемъ Коммуны, передъ вступленіемъ версальцевъ въ Парижъ, было изданное 20-го мая запрещеніе женщинамъ легкаго поведенія прогуливаться по вечерамъ по бульварамъ и улицамъ Парижа. Въ этотъ же день Феликсъ Піа́, всегда отличавшійся своею осторожностью, куда-то скрылся, и его съ тѣхъ поръ болѣе не видѣли въ Ратушѣ, въ засѣданіяхъ Коммуны и Комитета общественнаго спасенія.

ГЛАВА X.

Вступленіе версальцевъ въ Парижъ.— Занятіе правительственными войсками Монмартрскихъ высотъ.— Уличный бой.— Парижскіе пожары.— Казни заложниковъ.— Озлобленіе солдатъ и инсургентовъ.— Конецъ уличной борьбы.—Судьба главныхъ дѣятелей возстанія.

21-го мая, въ воскресенье, на улицахъ Парижа явилось, несмотря на кипѣвшую у самыхъ городскихъ воротъ борьбу, значительное число гуляющихъ, вышедшихъ насладиться прекраснымъ лѣтнимъ днемъ. О томъ, чтобы посѣщать любимыя парижанами окрестности Парижа, при тогдашнихъ обстоятельствахъ нечего было и думать; поэтому одни разгуливали по пыльнымъ улицамъ Парижа, другіе отправились въ обычный воскресный утренній концертъ Филармоническаго Общества. Послѣ обѣда всюду замѣчалось какое-то спокойствіе, какое-то затишье, предвѣстникъ наступавшей страшной бури. Парижане замѣтно были утомлены. Противники Коммуны — а число ихъ въ послѣднее время сильно увеличилось — втайнѣ надѣялись на скорое избавленіе; сторонники ея, какъ бы чувствуя, что игра ихъ проиграна, въ этотъ день оборонялись съ меньшей энергіей. Огонь версальцевъ противъ самой парижской ограды не ослабѣвалъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея были пробиты бреши. Версальское правительство надѣялось, что чрезъ 2—3 дня ограда Парижа будетъ приведена въ такое состояніе, что можно будетъ повести приступъ къ Парижу. Вдругъ около 3-хъ часовъ пополудни, 21-го мая, генералъ Дуэ, командовавшій войсками на юго-западѣ отъ Парижа и находившійся въ то время въ ближайшей

траншеѣ, замѣтилъ на оградѣ, близъ бастіона № 64, какого-то человѣка, который махалъ бѣлымъ платкомъ: это былъ Дюкатель, шоссейный сторожъ, который далъ знать версальцамъ, что брешь близъ этого бастіона не охраняется инсургентами и что она достаточно велика, чтобы черезъ нее могли пройти войска. Генералъ Дуэ, убѣдившись въ справедливости словъ Дюкателя, собралъ на-скоро нѣсколько пѣхоты, артиллеристовъ и инженеровъ и вступилъ въ Парижъ черезъ означенную брешь; за нимъ послѣдовали другія войска, которыя, впрочемъ, могли проникать въ Парижъ лишь очень медленно, вслѣдствіе узкости бреши. Тьеръ и Макъ-Магонъ были въ это время въ Монъ-Валерьенѣ, куда прискакалъ къ нимъ ординарецъ генерала Дуэ съ извѣстіемъ о вступленіи войскъ въ Парижъ. Они тотчасъ же послали генералу Сиссэ, командовавшему войсками между фортомъ Исси и оградой, приказаніе готовиться къ вступленію въ Парижъ черезъ пробитую и въ той части ограды брешь. Инсургенты, сначала не замѣтившіе вступленія войскъ Дуэ, стали понемногу собираться и стрѣлять въ войска изъ сосѣднихъ домовъ; версальцы, не имѣя возможности протащить черезъ брешь орудія, направили на эти дома два захваченныя ими полевыя орудія инсургентовъ и принудили послѣднихъ очистить эти дома. Уже пять часовъ продолжалось вступленіе войскъ въ Парижъ, когда, около 9 часовъ вечера, на парижскихъ улицахъ появилась слѣдующая афиша Делеклюза: „Обсерваторія наша у Тріумфальныхъ воротъ отрицаетъ вступленіе версальцевъ; по крайней мѣрѣ не замѣтно ничего, указывающаго на это вступленіе. Только что вышелъ отъ меня полковникъ Ренаръ, который увѣрилъ меня, что произошла фальшивая тревога и что если нѣсколько версальцевъ показались у ограды, то они тотчасъ же были отражены. Я послалъ въ угрожаемые пункты подкрѣпленіе въ 11 батальоновъ.“ Пока Делеклюзъ пытался успокоить такимъ образомъ парижское населеніе, войска, въ теченіи всей ночи, продолжали, отворивъ или выломавъ городскія ворота, вступать въ ограду Парижа и подвигаться впередъ. За генераломъ Дуэ послѣдовали генералы Кленшанъ и Ладмиро; на разсвѣтѣ всѣ бастіоны западной и юго-западной части ограды

были уже въ рукахъ версальцевъ, между тѣмъ какъ войска генерала Сиссэ появились внутри ограды на лѣвомъ берегу Сены. Къ 9-ти часамъ утра, т. е. 17 часовъ спустя послѣ того, какъ внутри ограды появился первый версальскій солдатъ, въ Парижѣ было уже болѣе 100,000 солдатъ и многочисленная артиллерія. Генералъ Дуэ, составлявшій авангардъ, подвигался впередъ не безъ опасеній, такъ какъ въ Версалѣ сильно распространенъ былъ слухъ, что инсургенты подвели мины подъ весь Парижъ, съ цѣлью взорвать на воздухъ версальскую армію, какъ только она покажется. Однако никакого взрыва не послѣдовало, и къ полудню 22 мая версальскія войска подвинулись до Трокадеро и до Площади Согласія на правомъ берегу Сены, и до дома Инвалидовъ и Монпарнасской станціи желѣзной дороги — на лѣвомъ. Нельзя сказать, чтобъ инсургенты не оказывали имъ упорнаго сопротивленія. Баттареи, поставленныя ими у ограды Тюильрійскаго сада, такъ сильно обстрѣливали главную аллею Елисейскихъ полей, что версальцамъ нечего было и думать о томъ, чтобы подходить къ Площади Согласія по этой аллеѣ; но они сдѣлали обходное движеніе и приблизились къ ней по набережной Сены и по боковымъ улицамъ. Когда версальцы заняли Парижъ уже до Площади Согласія, нельзя было болѣе отрицать вступленіе ихъ въ Парижъ. 22 мая утромъ появилась на парижскихъ улицахъ слѣдующая *послѣдняя* прокламація Комитета общественнаго спасенія: „Пусть всѣ добрые граждане возьмутся за оружіе. На баррикады! Непріятель въ нашихъ стѣнахъ. Прочь колебанія! Впередъ во имя республики, Коммуны и свободы! Къ оружію! Парижъ 22 мая 1872 года. Члены Комитета общественнаго спасенія: Арно, Билліорэ, Эдъ, Гамбонъ, Ранвье“. Дѣло, конечно, не обошлось безъ слуховъ объ измѣнѣ: разсказывали о какомъ-то Дюрушу, офицерѣ національной гвардіи, который постоянно выказывалъ величайшую ревность къ дѣлу Коммуны, но въ то же время состоялъ уже издавна въ сношеніяхъ съ версальскимъ правительствомъ. Какой-то Дюрушу дѣйствительно сопровождалъ версальцевъ во время уличной борьбы, былъ раненъ и вскорѣ умеръ отъ по-

лученной раны; его похоронили съ большими почестями, а „Figaro“ и другія газеты напечатали панегирики его. Эти панегирики дѣйствительно наводятъ на мысль, что слухи объ измѣнѣ этого Дюрушу были справедливы. Инсургенты говорили: „Намъ измѣнили, насъ продали, на насъ напали врасплохъ, но тѣмъ не менѣе мы будемъ сражаться. Намъ не нужно генераловъ: за баррикадой всякій маршалъ“.

Дѣйствительно національные гвардейцы сопротивлялись съ величайшимъ мужествомъ. На Площади Согласія происходилъ упорный бой. Построенныя вокругъ этой площади баррикады сильно задерживали движеніе войскъ и версальцамъ приходилось обстрѣливать ихъ изъ орудій весь день 22 мая и всю слѣдующую ночь. Въ ночь съ 22 на 23 число войска не подвинулись впередъ, на правомъ берегу Сены, дальше Площади Согласія и парка Монсо; на лѣвомъ берегу войска генерала Сиссэ заняли весь берегъ рѣки до моста Согласія. Утромъ 23 числа войска генерала Ладмиро заняли обходнымъ движеніемъ, весьма важную стратегическую позицію — Монмартрскія высоты. Эта позиція, вмѣстѣ съ Шомонскими высотами, составляла нѣчто въ родѣ двухъ цитаделей, снабженныхъ въ достаточномъ числѣ орудіями и которыя могли бы держаться еще долго, даже послѣ взятія всего остальнаго города. Но эта важная позиція была защищена баррикадами только съ фронта, а съ тылу оставалась открытою. Узнавъ объ этомъ, генералъ Ладмиро обошелъ ее съ сѣверо-запада, между тѣмъ какъ генералъ Кленшанъ, чтобъ отвлечь вниманіе инсургентовъ, повелъ энергическую аттаку съ фронта. Въ самый разгаръ боя инсургентовъ съ корпусомъ Кленшана Ладмиро, съ двумя дивизіями, появился въ тылу ихъ; защитники Монмартра въ безпорядкѣ разсѣялись во всѣ стороны, преимущественно въ Бельвильскій кварталъ, и въ 6 часовъ вечера 23 мая генералъ Ладмиро учреждалъ свою главную квартиру въ Монмартрѣ, а стоявшія здѣсь орудія были направлены на тѣ кварталы, въ которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были сосредоточиться послѣднія усилія инсургентовъ. Еслибы такимъ же удачнымъ движеніемъ удалось овладѣть Шомонскими высотами,

то сопротивленіе парижанъ не могло бы продолжаться такъ долго; но такъ какъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Шомона стояли нѣмцы, то подобное движеніе оказалось невозможнымъ. Въ этотъ же день происходила упорная борьба у церкви Мадлены на правомъ берегу, и вокругъ эспланады Инвалидовъ—на лѣвомъ. Число убитыхъ было съ обѣихъ сторонъ весьма значительно уже въ этотъ день, и трупы лежали въ большомъ числѣ подъ воротами и въ сѣняхъ домовъ. Генералу Ладмиро потребовалась, для его движенія на Монмартръ, бригада Монтодона, которая охраняла 200 орудій, собранныхъ правительствомъ у моста Нёльи. Тьеръ сильно опасался, что инсургенты, вырвавшись изъ Парижа, кинутся на этотъ громадный артиллерійскій паркъ, оставшійся безъ прикрытія, и, овладѣвъ имъ, съ мужествомъ отчаянія пойдутъ на Версаль, для защиты котораго, по выступленіи всѣхъ войскъ въ Парижъ, оставалось въ это время не болѣе 2 — 3 тысячъ жандармовъ и полицейскихъ сержантовъ. Къ счастію для правительства, въ этотъ день прибыли изъ Германіи 1,500 солдатъ, бывшихъ въ плѣну; ихъ на-скоро вооружили и отправили къ мосту Нёльи для охраненія орудій.

Члены Коммуны выбивались изъ силъ для организаціи сопротивленія, и засѣданія ихъ продолжались день и ночь; Делеклюзъ не спалъ уже три ночи и такъ похудѣлъ, что его едва можно было узнать. Хотя судьба Коммуны была рѣшена уже 23 мая, со взятіемъ версальцами Монмартрскихъ высотъ, но мучительная, а подъ-часъ и отвратительная агонія ея продолжалась еще цѣлыхъ пять дней, и солдатамъ приходилось брать съ боя каждую баррикаду, каждый перекрестокъ, иногда даже отдѣльные дома. Инсургенты сражались какъ отчаянные; изъ оконъ, съ балконовъ, стрѣляли по солдатамъ, которые, въ свою очередь, приходили все въ большее и большее раздраженіе и не давали пощады противникамъ.

Вечеромъ 23 мая усталые солдаты и инсургенты стали уже прекращать на время борьбу, спокойствіе утомленія стало спускаться надъ окровавленнымъ городомъ, какъ вдругъ почти одновре-

менно на лѣвомъ берегу Сены, противъ Тюильрійскаго сада, и на правомъ берегу, въ улицѣ Риволи, недалеко отъ Площади Согласія, запылали два громадныя зданія: государственный контроль и министерство финансовъ. Около полуночи вспыхнулъ Тюильрійскій дворецъ, изъ котораго въ то же время отступили инсургенты, и къ утру слѣдующаго дня это великолѣпное зданіе представляло только обгорѣлыя развалины. Почти въ то же время загорѣлся и Лувръ, но парижскимъ пожарнымъ, оказавшимъ приэтомъ чудеса самоотверженія, удалось отстоять бо̀льшую часть этого зданія, съ его неоцѣнимыми художественными сокровищами; сгорѣла только часть луврской библіотеки. Ночью и въ слѣдующіе дни поочередно сдѣлались жертвой пламени Пале-Рояльскій дворецъ, великолѣпная Ратуша, зданіе судебныхъ установленій, въ которомъ сгорѣли почти всѣ архивы, зданіе капитула Почетнаго Легіона, театры Лирическій и Сенъ-Мартенскихъ воротъ, громадные общественные магазины въ Лавильеттѣ и въ улицѣ Бакъ, и множество частныхъ домовъ (Королевская улица выгорѣла почти вся). Въ теченіи четырехъ дней, съ 23 до 27 мая, Парижъ цѣлый день былъ наполненъ чернымъ, удушливымъ дымомъ, а ночью освѣщался заревомъ пожаровъ. Поджоги производились при помощи петроля; поджигателями являлись женщины и дѣти, которыя, будучи пойманы, разстрѣливались солдатами на мѣстѣ, безъ всякаго милосердія. Впослѣдствіи эти поджоги подали поводъ къ различнымъ пререканіямъ. Оставшіеся въ-живыхъ дѣятели Коммуны слагали съ себя всякую отвѣтственность за нихъ и утверждали — одни, что поджоги производились самими версальцами, другіе—что они были результатомъ народной мести, ярости массъ, и что тогдашнія парижскія власти были тутъ не при чемъ. Но въ виду несомнѣнныхъ фактовъ эти объясненія не заслуживаютъ вѣры. Повидимому теперь не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію, что женщины и дѣти-поджигатели, совершавшія это ужасное дѣло подъ рискомъ быть немедленно разстрѣлянными, дѣлали это не по собственному побужденію, а исполняли приказаніе свыше, что поджоги эти были результатомъ заранѣе обдуманнаго адскаго плана. Еще 18 мая,

т. е. за три дня до вступленія версальцевъ въ Парижъ, всѣ владѣтели складовъ петроля получили офиціальное приглашеніе заявить полиціи о количествѣ находящагося въ ихъ складахъ петроля. 24 мая въ карманѣ одного убитаго инсургента въ Королевской улицѣ найдена была слѣдующая собственноручная записка послѣдняго префекта полиціи Коммуны, Ферре, къ какому-то Люсе: „Запалите немедленно министерство финансовъ (faites de suite flamber Finances) и затѣмъ отступите“. На другомъ инсургентѣ, убитомъ при защитѣ мэріи 11 округа, найдена была слѣдующая собственноручная же записка „полковника“ Парана, коменданта Ратуши: „Подожгите кварталъ Биржи; не бойтесь ничего“. Въ виду такихъ доказательствъ трудно утверждать, чтобы поджоги производили версальцы или доведенное до изступленія простонародье.

Одновременно съ поджогами лучшихъ зданій Парижа стали совершаться вещи еще болѣе ужасныя: казнь безоружныхъ, большею частью ни въ чемъ не повинныхъ заложниковъ. Еще 23-го мая депутатъ Мильеръ, приставшій къ возстанію и защищавшій кварталъ Пантеона, велѣлъ (впрочемъ только по слухамъ) разстрѣлять до 30 лицъ, отказавшихся сражаться за Коммуну. Въ тотъ же день кровожадный Рауль Риго перенесъ свое мѣстопребываніе въ тюрьму Мазасъ, „чтобы наблюдать за заложниками“. Первою его жертвою сдѣлался арестованный 13-го апрѣля, вслѣдствіе напечатаннаго въ „Père Duchesne'ѣ“ доноса Вермеша, несчастный журналистъ Шоде, сотрудникъ „Siécle'a“: онъ былъ разстрѣлянъ 23-го же числа, въ 11 часовъ вечера, въ присутствіи самаго Риго. Шоде умеръ мужественно, съ восклицаніемъ: „да здравствуетъ республика!“ Наканунѣ, какъ говорятъ, Риго имѣлъ жестокость сказать 15-лѣтнему сыну Шоде, пришедшему въ тюрьму для свиданія съ отцемъ: „Ну что̀, мой миленькій, такъ завтра разстрѣливаютъ твоего папашу“. На другой день погибли такимъ же образомъ сенаторъ Бонжанъ, архіепископъ Дарбуа, аббаты Дегерри и Сюро̀, нѣсколько другихъ священниковъ и нѣсколько десятковъ монаховъ, полицейскихъ сержантовъ и жандармовъ. Для сокраще-

нія процедуры національные гвардейцы разстрѣливали многихъ изъ своихъ жертвъ не общепринятымъ порядкомъ, посредствомъ особо назначенныхъ для того командъ, а гдѣ попало, часто въ упоръ. На доминиканскихъ монаховъ производилась настоящая травля на небольшой площади, прилегающей къ полицейской тюрьмѣ, въ которой они содержались.

Слухи объ этихъ варварскихъ убійствахъ, поджоги и отчаянное сопротивленіе, которое оказывали версальцамъ инсургенты, не могли не озлобить солдатъ, которые сначала обходились съ плѣнными довольно мягко; въ послѣдніе дни борьбы они тоже стали разстрѣливать на мѣстѣ безъ всякаго суда, не только поджигателей и поджигательницъ, но и всякаго инсургента, захваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ. Маршалъ Макъ-Магонъ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ въ слѣдственной коммиссіи настроеніе боровшихся въ эту ужасную недѣлю: „Среди инсургентовъ нельзя было не замѣтить страннаго возбужденія; они сражались съ ожесточеніемъ. Многіе изъ нихъ, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, какъ бы искали смерти на баррикадахъ; они вѣроятно искренно вѣрили въ то, что защищали хорошее дѣло. По окончаніи борьбы многіе изъ плѣнныхъ увѣряли, что ихъ заставили взяться за оружіе, что имъ угрожали стрѣлять въ нихъ сзади, если они не пойдутъ въ огонь. Но во время борьбы возбужденіе было неописанное; солдаты подвергались не только выстрѣламъ инсургентовъ, но также брани и оскорбленіямъ женщинъ. Послѣ обезоруженія инсургентовъ было впрочемъ немного случаевъ нападенія на солдатъ изъ-за угла; такому нападенію, сколько мнѣ извѣстно, подверглись не болѣе 5 человѣкъ, да одинъ солдатъ, по слухамъ, былъ отравленъ какою-то женщиною". На вопросъ одного изъ членовъ коммиссіи, какъ значительно число лицъ, разстрѣлянныхъ при взятіи Парижа, маршалъ отвѣтилъ: „Вообще было предписано не разстрѣливать тѣхъ, кто сдается. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мои инструкціи не были исполнены въ точности. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что число разстрѣляній было впослѣдствіи сильно преувеличено; я не могу опредѣлить этого числа въ точности, но я могу заявить,

что оно не было значительно. Сколько же погибло инсургентовъ во время боя, мнѣ неизвѣстно“. На замѣчаніе другаго члена коммиссіи, что генералъ Аппертъ опредѣляетъ число инсургентовъ, погибшихъ во время уличной борьбы на баррикадахъ и разстрѣлянныхъ на мѣстѣ, въ 17,000 человѣкъ, маршалъ отвѣтилъ, что хотя потери инсургентовъ были гораздо значительнѣе потери версальцевъ, но эта цифра кажется ему преувеличенной, что она можетъ быть, по его мнѣнію, приблизительна вѣрна, если считать всѣхъ, умершихъ впослѣдствіи отъ ранъ, и тѣхъ, которые убиты во время защиты фортовъ Исси, Ванвъ и другихъ укрѣпленій.—Состоявшій при штабѣ Макъ-Магона капитанъ Гарсенъ тоже сообщилъ въ своемъ показаніи передъ коммиссіей нѣсколько подробностей объ уличной борьбѣ на лѣвомъ берегу Сены, и, въ особенности, о казни двухъ предводителей инсургентовъ, депутата Мильера и Тони-Мулена. Мильеръ, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Гарсену. Тотъ, удостовѣрившись, дѣйствительно ли это Мильеръ, объявилъ, что ему велѣно разстрѣлять его на ступенькахъ Пантеона, поставивъ его на колѣни. Мильеръ сначала ссылался на свое депутатское званіе, доказывая, что его нельзя разстрѣливать безъ суда; но видя непреклонность Гарсена, онъ покорился своей участи, отказываясь однако стать на колѣни, и сдѣлалъ это только тогда, когда его принудили къ тому силою. Когда въ него прицѣлились, онъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ человѣчество!“, и хотѣлъ сказать еще что-то, но въ это время раздался залпъ, и онъ упалъ мертвый. По словамъ того-же Гарсена, послѣднія слова Тони-Мулена передъ тѣмъ, какъ его повели на казнь, обращенныя къ его женѣ, были слѣдующія: „Воспитай нашего сына въ ненависти къ тѣмъ людямъ, противъ которыхъ я сражался“. Гарсенъ объяснилъ также, что во время боя всѣхъ, кого захватывали съ оружіемъ въ рукахъ, разстрѣливали; но когда версальцы овладѣли всѣмъ лѣвымъ берегомъ Сены, тамъ уже не производились казни на мѣстѣ. Чиновникъ Гершпахъ, о показаніи котораго мы упомянули выше, разсказалъ въ слѣдственной коммиссіи слѣдующій фактъ: „24-го мая, когда въ Лилльской улицѣ горѣло нѣсколько домовъ, отрядъ войскъ на-

гналъ молодаго человѣка, который шелъ одинъ по улицѣ; на вопросъ: „что вы здѣсь дѣлаете?“, онъ хладнокровно отвѣтилъ: „я только что поджегъ этотъ домъ“. Офицеръ навелъ на него свой револьверъ; молодой человѣкъ сказалъ: „Благодарю васъ, капитанъ“, и тутъ же упалъ съ прострѣленной головой. Очевидецъ, неизданнымъ разсказомъ котораго мы отчасти пользовались при писаніи этого очерка, передаетъ слѣдующій эпизодъ: „Въ воскресенье, 28-го мая, въ послѣдній день уличной борьбы, я видѣлъ одного стараго поручика національной гвардіи, защищавшаго баррикаду въ улицѣ Сенъ-Моръ, куда онъ удалился съ небольшой кучкой своихъ подчиненныхъ. Въ это время къ нему подошли нѣсколько масоновъ, украшенныхъ значками своего общества, и убѣждали его прекратить сопротивленіе; они сообщили ему, что все потеряно и что нужно положить конецъ безполезному уже кровопролитію. „Ну хорошо“, сказалъ старикъ, обращаясь къ окружавшимъ его національнымъ гвардейцамъ; „ступайте по домамъ или ищите убѣжища въ близлежащихъ зданіяхъ; я сдамъ баррикаду“. Его стали убѣждать, чтобъ и онъ искалъ себѣ гдѣ-нибудь убѣжища, потому что извѣстно, какъ поступаютъ версальцы съ людьми, захваченными въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но онъ оставался непоколебимъ. „Я не буду болѣе сражаться, потому что я знаю, что это было бы напрасно; но я не удалюсь съ этого мѣста. Вы же всѣ ступайте домой“. Съ этими словами онъ привязалъ бѣлый платокъ къ своему ружью и поднялъ его вверхъ. Солдаты сначала не рѣшались приблизиться, опасаясь засады. Но старикъ-поручикъ влѣзъ на развалину баррикады, поднялъ свое ружье прикладомъ къ верху и сталъ махать солдатамъ рукою. Одинъ изъ версальскихъ офицеровъ приблизился съ своей командой. Между тѣмъ, увидѣвъ, что сраженіе прекратилось, многія женщины вышли изъ домовъ, увели національныхъ гвардейцевъ, защищавшихъ баррикаду, побросали на нее оружіе, и, по возможности, скрыли слѣды дѣятельности ея защитниковъ. Вмѣстѣ съ ними пришла и дочь стараго поручика, которая со слезами стала просить отца послѣдовать примѣру другихъ; но старикъ продолжалъ твердить, что онъ останется на

своемъ мѣстѣ. Когда къ нему подошелъ офицеръ, онъ протянулъ къ нему руку и сказалъ: „Я сдаюсь; дѣлайте со мной что хотите“. Дочь его бросилась къ нему на шею и кричала, что она не пуститъ его одного, что она пойдетъ съ нимъ; но солдаты потихоньку отстранили ее, а прочія женщины увели ее домой. Старика повели, вмѣстѣ съ четырьмя національными гвардейцами, которые, подобно ему, не захотѣли скрыться. Печальное шествіе двинулось въ путь; солдаты тоже смотрѣли невесело: эта сцена произвела на нихъ, повидимому, тяжелое впечатлѣніе. На другое утро женщины и дѣти отправились въ церковь, въ улицѣ Сенъ-Моръ; здѣсь, какъ и въ другихъ церквахъ, сложили трупы разстрѣлянныхъ и убитыхъ во время боя національныхъ гвардейцевъ, съ тѣмъ чтобы родственники могли розыскать и похоронить ихъ. Дочь старика-поручика тоже поспѣшила туда и нашла тамъ обезображенный трупъ своего отца“.

Послѣ удачнаго занятія 23-го мая Монмартрскихъ высотъ версальскимъ войскамъ понадобилось однако еще цѣлыхъ пять дней, чтобы сломить отчаянное сопротивленіе инсургентовъ. 24-го числа они взяли большую часть баррикадъ на лѣвомъ берегу Сены, за исключеніемъ двухъ-трехъ; на правомъ берегу они подвинулись до воротъ Сенъ-Дени, выдержавъ упорную борьбу въ улицахъ Лафайеттъ, Пуассоньеръ и Сенъ-Дени; въ тотъ же день они обошли зданіе Ратуши и заняли обгорѣлыя развалины ея. 25-го числа окончательно былъ занятъ весь лѣвый берегъ, послѣ самой кровопролитной борьбы, причемъ вся улица Монжъ была завалена трупами; на правомъ берегу версальцы двинулись по Тампльскому бульвару къ площади Шато-д'О, гдѣ происходила ужасная рѣзня. 26-го числа они дошли до Бастиліи и заняли большую часть Сентъ-Антуанскаго предмѣстья; къ вечеру трехцвѣтное знамя развѣвалось уже на іюльской колоннѣ; въ тотъ же день новыя баттареи, поставленныя версальцами на Монмартрскихъ высотахъ, начали обстрѣливать Бельвиль, Лавильеттъ и кладбище „Pére Lachaise“, гдѣ инсургенты сильно укрѣпились; баттареи инсургентовъ на Шомонскихъ высотахъ тщетно старались заставить замолчать Монмартрскія,

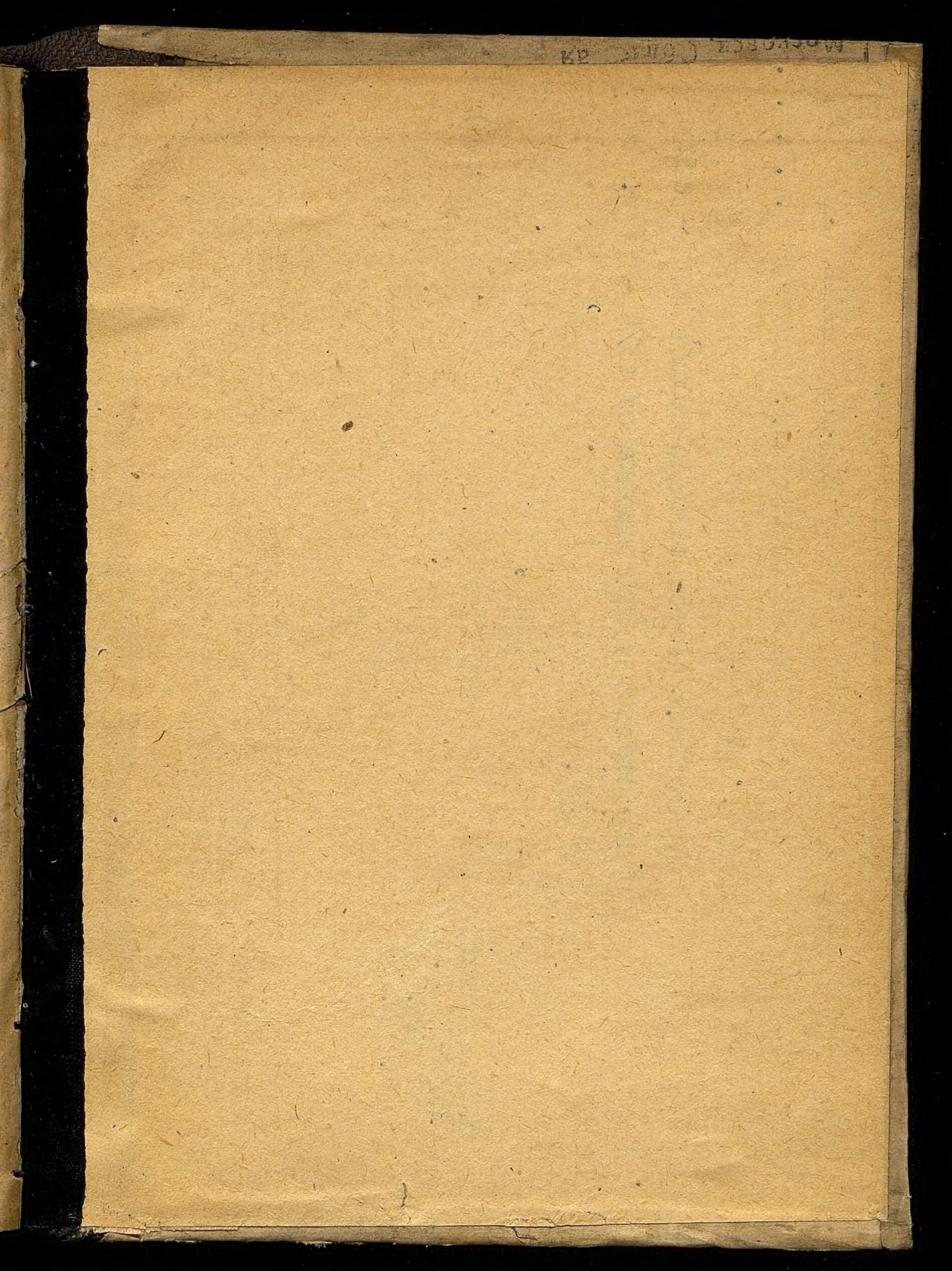
27-го марта окончательно занята была остальная часть Тампльскаго предмѣстья; здѣсь собралась большая часть солдатъ, перешедшихъ 18-го марта къ инсургентамъ и защищавшихся съ отчаянной храбростью, такъ какъ они очень хорошо знали, что имъ нечего ждать пощады. Будучи вытѣснены изъ Тампльскаго предмѣстья, они отступили на кладбище „Père Lachaise“ и пытались сопротивляться здѣсь еще 28-го числа. Въ этотъ день, послѣ взятія Лавильетта, Бельвиля, Шомонскихъ высотъ и кладбища, окончилось это ужасное кровопролитіе: 28-го мая, въ 4 часа, т. е. часъ въ часъ недѣлю спустя послѣ вступленія перваго версальскаго солдата внутрь ограды Парижа, на кладбищѣ „Père Lachaise“ раздался послѣдній выстрѣлъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ главныхъ дѣятелей Коммуны. Иные изъ нихъ были разстрѣляны на мѣстѣ, безъ всякаго суда. Первымъ подвергся этой участи членъ бывшаго Центральнаго комитета, впослѣдствіи Коммуны, Билліорэ; затѣмъ депутатъ Мильеръ, разстрѣлянный, какъ сказано выше, на ступенькахъ Пантеона; далѣе Рауль Риго, который, только что разстрѣлявъ самъ заложниковъ, умеръ съ кликомъ: „долой убійцъ“, Жюль Валлесъ, который далеко не выказалъ той стойкости, какъ другіе, наконецъ Варленъ, одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ членовъ Коммуны, разстрѣлянный на могилѣ Клемана Тома. Делеклюзъ остался вѣренъ своему обѣщанію и былъ убитъ при защитѣ одной изъ послѣднихъ баррикадъ, взятыхъ версальцами; Домбровскій былъ убитъ еще 25-го числа близъ станціи сѣверной желѣзной дороги. Асси былъ взятъ въ плѣнъ еще въ одинъ изъ первыхъ дней борьбы, близъ зданія Новой Оперы, гдѣ онъ нечаянно наткнулся на пикетъ версальцевъ, принявъ ихъ за федералистовъ; но онъ не былъ разстрѣлянъ, а отправленъ въ Версаль. Полковникъ Россель тоже былъ арестованъ въ одинъ изъ первыхъ дней и приведенъ къ маршалу Макъ-Магону. Сначала Россель не хотѣлъ сознаваться, кто онъ, но подъ конецъ сознался; онъ думалъ, что его разстрѣляютъ немедленно, и просилъ дать ему 24 часа для устройства своихъ дѣлъ; но ему суждено было подвергнуться этой участи лишь полъгода спустя, въ силу приговора версальскаго военнаго суда, одно-

временно съ Ферре, послѣднимъ префектомъ полиціи Коммуны. Кромѣ Асси, Росселя и Ферре были взяты въ плѣнъ Паскаль Груссе, Журдъ, Эдъ и многіе другіе члены Коммуны. Феликсъ Піà скрылся еще до вступленія версальцевъ. Клюзре, Малону, Разуа и другимъ удалось бѣжать.

Трагикомедія, превратившаяся подъ конецъ въ самую ужасную трагедію, кончилась. 28-го мая занавѣсъ опустился надъ Парижемъ. Эпилогу суждено было разъиграться въ лагерѣ Саторп, на понтонахъ, въ Новой Каледоніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.